

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт славяноведения РАН

Славяноведение

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В ЯНВАРЕ 1965 г.

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

*Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН*

3
2021

МАЙ •
ИЮНЬ •

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

М.А. Робинсон (главный редактор),
И.Е. Адельгейм, М.М. Валенцова, Г.К. Венедиктов, М. Гардзанити (Италия),
А.А. Гиппиус, Н.С. Гусев, М. Зеленка (Чехия), В.И. Косик, М.В. Лескинен, Л.В. Луховицкий,
Г.Ф. Матвеев, Л. Матейко (Словакия), В.В. Мочалова, К.В. Никифоров, В. Павлович (Сербия),
В.Я. Петрухин, Р. Прешленова (Болгария), М.Н. Саенко, А.С. Стыкалин, Б.Н. Флоря, О.В. Хаванова.

А.С. Стыкалин (отв. секретарь)

Отделы: *И.Е. Адельгейм* (зав. отделом литературоведения),
Е.В. Байдалова, И.И. Баринев, О.В. Белова (зав. отделом культурологии),
М.М. Валенцова (зав. отделом лингвистики), *Е.Б. Лопатина,*
А.С. Стыкалин (зав. отделом истории).

Заведующая редакцией *Г.А. Михеева*

Сотрудники редакции: *Л.А. Авакова, Е.В. Пономарева, И.Ю. Веслова*
Адрес редакции: 119991, Москва, Ленинский пр-т, 32а

Телефон 8-495-938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Рукописи принимаются в электронном виде объемом: статьи не более 40 тыс. знаков, сообщения — до 30 тыс., рецензии — до 20 тыс. знаков. Статьи и сообщения должны сопровождаться краткой аннотацией (200—300 знаков) и ключевыми словами (5—7 слов) на русском и английском языках.

Подать заявку на публикацию статьи, а также ознакомиться с содержанием журнала можно по адресу:
<https://ras.jes.su/slav>

Научный аппарат должен быть оформлен в соответствии с правилами, принятыми в журнале. Правила оформления см. на сайте: <http://inslav.ru>. Авторы должны предоставить сведения о степени, должности, месте работы; адрес электронной почты и контактный телефон.

Содержание

СТАТЬИ

<i>Лебедева Н.С., Терехова Н.Г.</i> (Москва, Российская Федерация). Польская секция Коминтерна от переворота Пилсудского до Большого террора	5
<i>Ганин А.В.</i> (Москва, Российская Федерация). Генерал Ф.Е. Махин в годы Второй мировой войны в Югославии	20
<i>Пивоваренко А.А.</i> (Москва, Российская Федерация). Этнический состав населения Истрии с конца XIX до начала XXI века	36

СООБЩЕНИЯ

<i>Короткова Д.А.</i> (Москва, Российская Федерация). Эволюция взглядов Леона Василевского на белорусский вопрос	50
<i>Амелина А.В.</i> (Москва, Российская Федерация). Утопичность в романе Марии Майеровой «Площадь республики»	57
<i>Борисов С.А.</i> (Москва, Российская Федерация). Контактные явления в языке этнических чехов сербского Баната	64
<i>Чиварзина А.И.</i> (Москва, Российская Федерация). Этнолингвистическая экспедиция в Миячию (Северная Македония)	80
<i>Черчук О.И.</i> (Москва, Российская Федерация). Интернациональный компонент <i>eco-</i> в составе сложных слов чешского языка	89

ИЗ ИСТОРИИ СЛАВИСТИКИ

<i>Селиверстов С.В.</i> (Нур-Султан, Республика Казахстан). «Истинный славизм» раннего В.И. Ламанского и полемика с позицией А.С. Пушкина (конец 1850-х годов)	94
<i>Левченко В.В.</i> (Одесса, Украина). «Мы были в Одессе у своих, но здесь остаемся навсегда между чужими»: письма И.В. Ягича одесским ученым	104

IN MEMORIAM

<i>Носов Б.В.</i> (Москва, Российская Федерация). История русской общественной мысли XIX – начала XX века в научном наследии Анджея Валицкого	121
<i>Носова А.Ф.</i> (Москва, Российская Федерация). Творческий путь историка. Памяти Валентины Сергеевны Парсадановой	133

РЕЦЕНЗИИ

<i>Новосельцев Б.С. Й.</i> Пирьевец. Тито и товарищи	143
<i>Адельгейм И.Е.</i> A. Gajewska. Zagłada i gwiazdy. Przeszłość w prozie Stanisława Lema	147
<i>Ясинская М.В.</i> Br. Balloch. Lučiče na oknah: naš svet pouan naposebnosti (il nostro mondo pieno di meraviglia)	150
<i>Ламм М.А.</i> Н.В. Якавенка. Мастацкі пераклад з роднасных моў у гісторыі беларускай літаратуры	154

ЮБИЛЕИ

<i>Пекунова И.С.</i> К юбилею Владимира Антоновича Дыбо	157
---	-----

НЕКРОЛОГИ

<i>Волокитина Т.В.</i> Памяти Михаила Абрамовича Бирмана (1919–2020)	159
--	-----

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
Institute of Slavic Studies

Slavic Studies

3
2021

FOUNDED IN JANUARY 1965

PUBLISHED 6 TIMES A YEAR

MAY •

JUNE •

*Published under the Division of History and Philology
of the Russian Academy of Sciences*

THE EDITORIAL BOARD:

M.A. Robinson (editor-in-chief),
I.E. Adelgeim, M.M. Valentsova, G.K. Venediktov, M. Gardzaniti (Italy), A.A. Gippius, N.S. Gusev,
M. Zelenka (Czech Republic), V.I. Kosik, M.V. Leskinen, L.V. Lukhovitski, G.F. Matveev,
L. Matejko (Slovakia), V.V. Mochalova, K.V. Nikiforov, V. Pavlović (Serbia), V.J. Petrukhin,
R. Preshlenova (Bulgaria), M.N. Saenko, A.S. Stykalin, B.N. Florya, O.V. Khavanova.

A.S. Stykalin (executive secretary)

Departments: *I.E. Adelgeim, E.V. Baidalova* (Literature);
O.V. Belova (Cultural studies); *M.M. Valentsova* (Linguistics);
I.I. Barinov, E.B. Lopatina, A.S. Stykalin (History).

Head of the Editorial office: *G.A. Mikheeva*

Copy Editors: *L.A. Avakova, E.V. Ponomareva, I.J. Veslova*

Address: 119991, Moscow, Leninsky Prospect, build. 32-A

Phone: +7 (495) 938-01-20

E-mail: zhurslav@mail.ru

Contents

ARTICLES

<i>Lebedeva N.S., Terekhova N.G. (Moscow).</i> The Polish section of the Communist International from Marshal Pilsudski's coup d'état to the Great Purge.....	5
<i>Ganin A.V. (Moscow).</i> General F.E. Makhin during World War II in Yugoslavia	20
<i>Pivovarenko A.A. (Moscow).</i> Ethnic composition of the population in Istria from the end of XIX till the beginning of XX century	36

BRIEFS

<i>Korotkova D.A. (Moscow).</i> The evolution of Leon Wasilewski's views on the Belorussian issue.....	50
<i>Amelina A.V. (Moscow).</i> Utopianism in the novel of M. Majerová «Republic Square»	57
<i>Borisov S.A. (Moscow).</i> Contact phenomena in the language of the ethnic Czechs in Serbian Banat.....	64
<i>Chivaržina A.I. (Moscow).</i> Ethnolinguistic expedition to Mijačija (North Macedonia).....	80
<i>Cherchuk O.I.</i> International component <i>eco-</i> in the composition of complex words in the Czech language	89

FROM THE HISTORY OF SLAVIC STUDIES

<i>Seliverstov S.V. (Nur-Sultan).</i> «True Slavism» of young V.I. Lamansky and the polemics with A.S. Pushkin (late 1850-s).....	94
<i>Levchenko V.V. (Odessa).</i> «In Odessa we were with friends but here are always with strangers»: letters of I.V. Yagich to Odessa scholars.....	104

IN MEMORIAM

<i>Nosov B.V. (Moscow).</i> The history of Russian XIX–XX century public thought in the scientific legacy of Andrzej Walicki	121
<i>Noskova A.F. (Moscow).</i> The work of a historian. In memoriam of V. S. Parsadanova	133

REVIEWS

<i>Novoseltsev B.S.</i> Ё. Пирьевец. Тито и товарищи	143
<i>Adelgeim I.E.</i> A. Gajewska. Zagłada i gwiazdy. Przeszłość w prozie Stanisława Lema	147
<i>Yasinskaya M.V.</i> Br. Balloch. Lučice na oknah: naš sviet pouan naposebnosti (il nostro mondo pieno di meraviglia).....	150
<i>Lamm M.A.</i> Н.В. Якавенка. Мастацкі пераклад з роднасных моў у гісторыі беларускай літаратуры	154

JUBILEES

<i>Pekunova I.S.</i> For the anniversary of Vladimir Antonovich Dybo	157
--	-----

OBITUARIES

<i>Volokitina T.V.</i> Remembering Mikhail Abramovich Birman (1919–2020).....	159
---	-----

Польская секция Коминтерна от переворота Пилсудского до Большого террора

© 2021 г. Н.С. Лебедева^{1*}, Н.Г. Терехова^{2**}

¹Канд. ист. наук, хабилитированный доктор истории (Польша),
главный научный сотрудник ИВИ РАН

²Общество изучения наследия А. Грамши (РФ)

*lebedevaivi@mail.ru, **natgenter@gmail.com

Аннотация. В статье рассматривается тяжелый для польской секции Коммунистического интернационала период. Его границами авторы считают государственный переворот, осуществленный в мае 1926 г. маршалом Пилсудским, и роспуск компартии Польши в августе 1938 г., с которым, однако, смирились не все члены «партии расстрелянных». Беспрецедентные репрессии, проводившиеся в СССР против польских коммунистов, начало которым было положено в 1929 г., продолжились затем в 1933–1934 гг. и достигли апогея в 1937 г., став, таким образом, прологом трагического исторического явления, получившего название Большой террор.

Ключевые слова: Коминтерн, роспуск КПП, репрессии, Г. Зиновьев, И. Сталин, Ю. Пилсудский.

Ссылка для цитирования: Лебедева Н.С., Терехова Н.Г. Польская секция Коминтерна от переворота Пилсудского до Большого террора // Славяноведение. 2021. № 3. С. 5–19. DOI: 10.31857/S0869544X0014845-2

The Polish section of the Communist International from Marshal Pilsudski's coup d'état to the Great Purge

© 2021 N.S. Lebedeva, N.G. Terekhova

Moscow, Russian Federation

*lebedevaivi@mail.ru, **natgenter@gmail.com

Abstract. The article discusses a difficult period for the Polish section of the Communist International. The chronological boundaries are marked by Marshal Pilsudski's coup d'état in May 1926 and the dissolution of the Communist Party of Poland in August 1938 which was not accepted by some party members. Unprecedented repression was launched against Polish communists in the USSR, beginning in 1929, continuing through 1933–1934, and reaching a climax in 1937, which may be seen as the prologue of the Great Purge.

Keywords: Comintern, Dissolution of the Communist Party of Poland, Great Purge, Grigory Zinoviev, Joseph Stalin, Jozef Pilsudski

For citation: Lebedeva N.S., Terekhova N.G. The Polish section of the Communist International from Marshal Pilsudski's coup d'état to the Great Purge. Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2021. No. 3. Pp. 5–19. DOI: 10.31857/S0869544X0014845-2.

Очередной пик пристального внимания Исполнительного комитета Коммунистического интернационала (ИККИ) и Политбюро ЦК ВКП(б) к Коммунистической партии Польши (КПП)¹ был связан с так называемым майским переворотом, который 12 мая 1926 г. совершил маршал Юзеф Пилсудский². Реакция нового руководства КПП на изменение политической ситуации в стране была признана «неадекватной»³. Председатель Коминтерна Г.Е. Зиновьев в мае 1926 г. в письме в Политбюро ЦК ВКП(б) констатировал, что поскольку новый состав ЦК польской компартии был «по сути дела назначен сверху», т.е. навязан ей в ноябре 1925 г. на четвертой конференции КПП (В. Домский, обвиняемый в совершении «ультралевых ошибок», был снят специальной комиссией, назначенной ИККИ, а утвержденный конференцией состав ее руководства предварительно был одобрен Политбюро ЦК ВКП(б)), то «уже по одному этому на нас лежит теперь большая ответственность за все, что происходит в польской компартии». [4. Ф. 324. Оп. 1. Д. 169. Л. 2]

В тот период председатель ИККИ проявлял невероятную активность в борьбе с «правыми ошибками» КПП, предвидя обвинения в свой адрес в правом уклоне. Зиновьев, стремясь опорочить своего самого опасного конкурента в аппарате Коминтерна — Д.З. Мануильского, возглавлявшего делегацию ВКП(б) в ИККИ (и являвшегося доверенным лицом Сталина в этом органе), обвинил его в защите позиции ЦК польской компартии в отношении переворота Ю. Пилсудского⁴.

Ранее, на четвертой партконференции КПП прогнозировалась попытка выступления Пилсудского во главе якобы «фашистского движения». Лишь один делегат — В. Домский рекомендовал партии в случае, если дойдет до вооруженного столкновения между «пилсудчиками» и ставленниками крупного

¹ Драматичной, зачастую весьма конфликтной проблематике, отличавшей начальный период истории польской секции Коммунистического интернационала и приведшей к смене ее руководства, была посвящена статья «РКП(б) и польская политика Коминтерна. 1919–1925 годы», опубликованная в № 5 журнала «Славяноведение» в 2020 г. Настоящий материал является ее продолжением.

² Пилсудский Юзеф (1867–1935) — крупный польский военный и политический деятель. Род. возле г. Вильна (в наст. вр. Вильнюс). Учился в Харьковском университете, участвовал в демонстрациях, в 1887 г. арестован по обвинению в подготовке покушения на Александра III. Отбыв пять лет в ссылке в Сибири, стал членом, а затем лидером Польской социалистической партии (ППС). С 1918 по 1922 г. возглавлял страну, получившую независимость. 12 мая 1926 г. при поддержке военных вернулся к власти. Подробнее см. [1. С. 161; 2].

³ О трениях между Исполкомом Коминтерна и его польской секцией с 1919 по 1925 гг., а также о причинах, приведших к смене руководства КПП, см. [3].

⁴ В письме в Политбюро ЦК ВКП(б) Зиновьев, в частности, указывал: «К этому нужно прибавить, что и у нас в делегации ВКП(б) т. Мануильский пытался защищать позицию ЦК КПП. Тот же т. Мануильский в докладе на пятой окружной партийной конференции Московского военного округа (21 мая 1926 г.) говорил: “Польская коммунистическая партия не повторила ошибки болгарских коммунистов в момент фашистского переворота Цанкова. Болгарские коммунисты рассуждали: Стамбулийский применял по отношению к нам политику террора, ему приходится плохо, какое нам до этого дело. Польские коммунисты не повторили этой ошибки”». [4. Там же. Л. 3–6].

капитала, находящимися у власти, поддержать сулеювские⁵ элементы. Однако руководство партии тогда и слышать не хотело о подобном пути, наметив тактику борьбы с «фашизмом». В мае же 1926 г. под впечатлением значительного подъема масс, вызванного переворотом Пилсудского, активного участия в этом движении крестьянства и рабочих ЦК КПП изменил свою позицию. Он расценил это выступление как мелкобуржуазную революцию и посчитал необходимым ее поддержать. В руководстве КПП возникли две фракции: «большинства» во главе с А. Варским⁶, В. Костшевой, Г. Ляуэром-Брандом и «меньшинства», представленного Ю. Ленским, Е. Рынгом, А. Лямпе, Г. Генриковским. «Большинство» придерживалось теории двух этапов революции — буржуазно-демократической и социалистической. «Меньшинство» полагало, что буржуазно-демократические и соглашательские партии не являются прогрессивной силой, а задача КПП состояла в обеспечении перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую. Борьба между этими направлениями продолжалась до сентября 1929 г.

События в Польше приковали к себе внимание и руководства Коминтерна, и Политбюро ЦК ВКП(б). На следующий день после захвата власти Пилсудским, 13 мая, в созданную при Политбюро ЦК ВКП(б) постоянную польскую комиссию⁷, которой предстояло выработать директивы, определяющие отношение КПП к «майскому перевороту», вошли И.В. Сталин и И. Уншлихт. В Москве стало известно, что ЦК КПП призвал народ поддержать с оружием в руках «революционные войска Пилсудского». В листовках КПП, распространенных 13 мая, отмечалось: «Наши цели, требования: “долгой правительством”, конечно, идут дальше, чем цели Пилсудского. Но все же рабочие должны поддержать войска Пилсудского, поддержать лагерь Пилсудского морально и материально» [4. Ф. 324. Оп. 1. Д. 96. Л. 4–5; 5. С. 315]. 14 мая руководство компартии Польши призвало трудящихся к всеобщей стачке в поддержку переворота. ЦК КПП обратилось к социалистам и другим левым партиям с предложением создать единый фронт борьбы против правительства Хиена — Пяста⁸. Однако руководство ППС и других партий отвергло эту инициативу.

15 мая польская комиссия ИККИ, действуя в тесном контакте с польской комиссией Политбюро ЦК ВКП(б), направила ЦК КПП в Варшаву следующие указания: «Политика нейтральности для нашей партии была бы недопустима. Поддержка Пилсудского тоже недопустима. Не делая пока острых выступлений против Пилсудского, необходимо толкать его правительство на апелляцию к более широким слоям населения и обострять наши лозунги лишь постепенно по мере роста движения в массах и обострения гражданской войны между пилсудчиками и их противниками. Это не исключает, а предполагает наше самое активное участие в борьбе против эндеков, Витоса и монархистов [...]. Ваше

⁵ Сулеювские элементы — сторонники Ю. Пилсудского. Временно отойдя от большой политики маршал «отшельником» проживал на вилле с таким названием, и оттуда в мае 1926 г. с верными ему военными частями двинулся маршем на Варшаву.

⁶ Подробные биографические сведения по упоминающимся в данной статье деятелям КПП см. [3. С. 25–27].

⁷ Постоянная Комиссия по польскому вопросу была создана 25 марта 1925 г. В нее вошли Г.Е. Зиновьев, Г.В. Чичерин, Ф.Э. Дзержинский, К.Е. Ворошилов и В. Богущкий [4. Ф. 17. Оп. 3. Д. 553. Л. 2]. 19 мая в Комиссию был введен И.А. Пятницкий, 20 мая — Н.И. Бухарин.

⁸ Так называлась правоцентристская коалиция в правительстве, в которую входила Крестьянская партия Польши (Пяст) (см. [1. С. 154]).

заявление о поддержке войск Пилсудского, если оно правильно передано телеграфом, является ошибкой» [4. Ф. 324. Оп. 1. Д. 169. Л. 7–8; Д. 546. Л. 17].

Польской компартии предлагалось выдвинуть следующие лозунги: «дой правительство буржуазно-помещичьих клик»; действительное разоружение сторонников старого правительства, фашистских и полуфашистских организаций; арест их главарей; привлечение рабочих к реальному разоружению всех правых организаций; вооружение рабочих и создание рабочих комитетов действия; незамедлительное взыскание революционными методами помещественного налога; немедленная помощь безработным; восстановление 8-часового рабочего дня; освобождение политзаключенных; передача земли крестьянам без всякого выкупа и создание в этих целях крестьянских комитетов; уничтожение национального гнета, выборы органов национального самоуправления; политика мира со всеми соседними государствами и экономическое сближение с ними при обеспечении действительной независимости польской республики; полная свобода печати и всех революционных рабочих и крестьянских партий. На основе этой программы Компартии следовало предложить ППС и другим организациям единый фронт.

Убедившись, что ЦК КПП действительно выдвинул лозунг «Поддержка революционных войск Пилсудского! Поддержка лагеря Пилсудского!», польская комиссия при ИККИ послала в Варшаву вторую директиву, в которой подчеркивалось: «Пилсудский старается скорее кончить дело и оставить по возможности все по-старому, переменяв только вид. Ваше заявление о поддержке войск Пилсудского, если оно правильно передано телеграфом, является ошибкой. Если Компартия Польши не могла в первый момент делать острые выступления против Пилсудского, то из этого не следует, что она должна была заявить о поддержке войск Пилсудского. Кроме сказанного вчера, советуем: 1) Заняться разоблачением фальшивого рабоче-крестьянского правительства, выдвигаемого ППС. На деле это диктатура Пилсудского и блок с желтыми рабочими и кулаками [...]; 2) Партия, требующим новых выборов, надо в упор ставить вопрос об обеспечении полной свободы выборов для всех рабоче-крестьянских партий, в том числе для коммунистов; 3) Особенно усиленно выдвигайте вопрос об освобождении политзаключенных» [4. Ф. 324. Оп. 1. Д. 546. Л. 119–120].

Обе резолюции польской комиссии 20 мая были утверждены Политбюро ЦК ВКП(б). В его решении подчеркивалось: «Считать серьезной политической ошибкой ЦК КПП лозунг поддержки «революционных войск», выступивших под командой Пилсудского; начать прямую разоблачительную кампанию против Пилсудского и его правительства, сказав, что Пилсудский заключил на деле единый фронт с фашистами против рабочих и крестьян; предложить польской комиссии через Президиум ИККИ дать более подробные указания ЦК КПП; критику, решительное разоблачение и борьбу против правительства Пилсудского необходимо вести все шире, выдвигая при этом с особой силой требования мира со всеми соседями; грубый отказ ППС от единого фронта с коммунистами использовать для атаки против ППС в массах. Новых обращений верхушке ППС не делать, дав лозунг единства снизу» [6. С. 22; 5. С. 366]. Проект этого решения был подготовлен Г.Е. Зиновьевым.

22 мая 1926 г. польский вопрос рассматривался на Президиуме ИККИ. По мнению Зиновьева, которого поддержал В. Домский, ошибка КПП была обусловлена неправильным пониманием ситуации в стране и согласием с позицией соцпартии Польши. Председатель ИККИ при этом подчеркнул: «Ясно,

что в первый момент резкие выпады против Пилсудского были невозможны. Теперь для нас очевидно, что и против Керенского невозможно было сразу выступить открыто после февральской революции. Со стороны польской партии было правильным воздержаться в первый момент от выступлений против Пилсудского. Если бы партия сделала только это, было бы верно. Но она пошла дальше, она дала пароль поддержке «революционных войск Пилсудского» [4. Ф. 324. Оп. 1. Д. 154. Л. 6].

Бухарин же видел ошибку КПП в основном в ее лозунгах; Г. Валецкий и Р. Кузьма (Турянский, заместитель представителя ЦК КПП от Коммунистической партии Западной Украины (КПЗУ) в ИККИ) считали, что не следует преувеличивать ошибки польской компартии. Однако Президиум ИККИ признал и зафиксировал в официальном решении позицию КПП как политическую ошибку.

Члены ЦК КПП на пятом пленуме партии, проходившем в Гданьске 23–26 мая, тем не менее, не прислушались к настоятельным советам из Москвы. Они сочли «тактическую линию ЦК партии в отношении вооруженного выступления Пилсудского в общем правильной», хотя и признали наличие «некоторых ложных формулировок» [4. Ф. 324. Оп. 1. Д. 169. Л. 2–4]. Пленум партии принял решение поддержать кандидатуру Пилсудского на пост президента страны [7. С. 158].

Известие об этом вызвало самую негативную реакцию и в ИККИ, и в ЦК ВКП(б). Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение «О Польше», проект которого был представлен Г.Е. Зиновьевым. В нем говорилось: «Считать серьезной политической ошибкой ЦК КПП лозунг поддержки “революционных войск, выступивших под командой Пилсудского”». Предписывалось начать «прямую разоблачительную кампанию против Пилсудского и его правительства, сказав, что Пилсудский заключил на деле единый фронт с фашистами против рабочих и крестьян». Подчеркивалась недопустимость ни при каких условиях голосования за кандидатуру Пилсудского в президенты. Польским коммунистам рекомендовалось выставить самостоятельную кандидатуру при перевыборах президента, попытавшись договориться со всеми политически близкими кругами, лучше всего о кандидатуре Ланьцуцкого [5. С. 371].

Однако польские коммунисты в Варшаве продолжали упорствовать. В телеграмме А. Варского, направленной в ИККИ 28 мая, обосновывалось решение пленума ЦК КПП относительно поддержки кандидатуры Ю. Пилсудского на президентских выборах и говорилось о невозможности выдвинуть своего собственного кандидата. Негодованию в Москве не было предела. В ИККИ было принято решение обратиться с закрытым письмом к ЦК КПП и к центральному комитетам других секций КИ «по поводу оппортунистической позиции», занятой ЦК КПП в вопросе о перевороте Пилсудского. Зиновьев лично подготовил его проект. Направляя этот документ в Политбюро ЦК ВКП(б), он указал, что «ошибка польского ЦК прямо вопиющая». Зиновьев писал о телеграмме Варского, о резолюции пленума ЦК КПП, о позиции органа польской компартии «Trybuna» («Трибуна»), который выходил легально под редакцией Варского [4. Ф. 324. Оп. 1. Д. 169. Л. 2–4]. По мнению председателя ИККИ, газета восхваляла Пилсудского и его сторонников, занимая «позицию просто неприличную, просто скандальную». Это настоящее политическое банкротство, полагал председатель ИККИ [4. Ф. 324. Оп. 1. Д. 169. Л. 5–6]. Он упомянул и о статье польского коммуниста Ф. Фидлера в «Die Rote Fahne» («Красный

флаг») от 23 мая, в которой Пилсудский характеризовался как борец против капиталистической реакции, совершающий революцию.

Выступая 28 мая на выпускном вечере студентов Академии имени Я.М. Свердлова с сообщением «О перевороте Пилсудского», Зиновьев подчеркнул, что в происшедших в Польше событиях крупнейшей важности КПП оказалась не на высоте. Он считал, что переворот в Польше следует рассматривать в «английском контексте», а самого Пилсудского — как агента Англии. Путч произошел после победы английских консерваторов над забастовщиками. «Пилсудский пытался все время мобилизовать Польшу против нас, против Советского Союза. Получив теперь поддержку английских консерваторов, Пилсудский может создать со временем непосредственную опасность для Советского Союза», — заявил председатель ИККИ [4. Ф. 324. Оп. 1. Д. 169. Д. 98. Л. 4–8].

29 мая Политбюро приняло предложенный Бухариным и Молотовым текст ответа на телеграмму А. Варского с добавлением, внесенным Зиновьевым. Этот ответ должен был идти от имени Исполкома Коминтерна, а не от ЦК ВКП(б). В нем говорилось: «Цека Польской компартии. Голосование за Пилсудского считаем преступлением. Категорически требуем голосования против при всех условиях. При голосовании вносите декларацию, решительно исправляющую прежние ошибки. Перестраивайте немедленно всю работу согласно директивам Коминтерна [...]. Боязнь провала Пилсудского в парламенте в данных условиях есть недопустимая боязнь обострить кризис, развитие которого при более широком участии масс только желательно [...]. Решение о не голосовании за Пилсудского принято в Исполкоме Коминтерна единогласно» [4. Ф. 17. Оп. 162. Д. 3. Л. 83–84].

ЦК КПП ничего не оставалось делать, как подчиниться. Тем не менее, значительная часть членов КПП продолжала поддерживать фракцию «большинства» и в последующие годы⁹.

7 августа 1926 г. Президиум ИККИ направил Компартии Польши пространное письмо о «тягчайших ошибках», совершенных КПП за время переворота Пилсудского и в последовавшие за ним дни [4. Ф. 495. Оп. 2. Д. 60. Л. 86–166]. В нем движение Пилсудского уже характеризовалось как фашистское, за спиной которого якобы стоял англо-американский капитал. Отмечалось, что Пилсудский, пользовавшийся репутацией опального Цинцинната, призванного спасти Отечество, должен был выполнить миссию создания «сильной» власти для проведения политики стабилизации. Он был той фигурой, на которой скрещивались чаяния и лодзинского безработного, и белорусского крестьянина, и разоренного экономической чехардой мелкого городского буржуа. В своих действиях он смог опереться не только на легионеров, но и на те слои, которые, по мнению ИККИ, при наличии сильной компартии могли бы составить армию рабоче-крестьянской революции. В письме утверждалось, что в Польше могут существовать лишь две диктатуры — фашистская и пролетарская. Самостоятельная же позиция революционной демократии существует

⁹ На четвертом съезде КПП, проходившем в мае — августе 1927 г., в ЦК были избраны восемь сторонников большинства и семь сторонников меньшинства. VI конгресс Коминтерна, проходивший 17 июля — 1 сентября 1928 г., по предложению делегации ВКП(б) в ИККИ решил оставить ту же пропорцию в ЦК КПП, но отозвать из ЦК Гендриковского за его непримиримую фракционную работу [8]. Конгресс также принял Устав Коминтерна, резолюцию о положении в СССР и ВКП(б), а также воззвание к трудящимся всех стран «Против оккупации Литвы польскими империалистами» от 9 августа [8. С. 196–197].

только в фантазии польских коммунистов, как и самих мелкобуржуазных масс, утверждалось в письме [9. С. 156–163].

Неправомерно расширительное толкование понятия фашизма, распространение его на авторитарные режимы суживало и без того ограниченные возможности для проведения тактики единого пролетарского фронта, осложняло деятельность компартии, изолируя ее от масс.

Тем не менее, оценка Коминтерном правящего режима в Польше как фашистского не претерпела изменения даже в 1930-х годах, когда после утверждения Г. Димитрова¹⁰ генеральным секретарем ИККИ начался постепенный переход к тактике единого антифашистского фронта. Первоочередной задачей КПП по-прежнему считалась борьба против опасности антисоветской войны, к которой, по мнению руководства Коминтерна, усиленно готовился «польский фашизм» [10. С. 765–767].

В то же время Исполком КИ продолжал систематически усиливать контроль за КПП, осуществлять «большевизацию» польской компартии. На практике это означало пресечение малейших отклонений от генеральной линии Коминтерна, полностью совпадавшей с позицией сталинского руководства. В социал-демократических партиях, в частности в ППС, предлагалось видеть врагов еще более коварных, чем фашисты, поскольку, дескать, фашисты — враги открытые, а социал-демократы — «маскирующиеся». Все это приводило к сектантству. «Большевизация» компартий означала и смену их руководства¹¹. Сталин хотел, чтобы ушли старые кадры, которые долгие годы работали вместе с Зиновьевым и Бухариным, и на смену им пришли люди, связанные с его политикой. Для более жесткой опеки над компартиями в конце 1926 г. были созданы лендерсекретариаты [12. С. 109]. Польшей должен был заниматься Польско-прибалтийский секретариат.

К 1928 г. диктат сталинского руководства в мировом коммунистическом движении стал более жестким. На шестом конгрессе Коминтерна (17 июня — 1 сентября 1928 г.) Н.И. Бухарин был центральной фигурой: председателем Президиума, докладчиком о деятельности ИККИ и о проекте программы Коминтерна, но за кулисами давление Сталина на него все возрастало. Сторонники генсека на VI конгрессе КИ ожесточенно критиковали Бухарина за тактику единого фронта, аналогичную той, которая была принята позднее, в 1935 г., седьмым конгрессом КИ¹².

¹⁰ Димитров Георги (1882–1949) — видный деятель международного коммунистического движения. Родился в болгарском селе, умер в пос. Барвиха под Москвой. С 1903 г. — член фракции «тесняков», входившей в Болгарскую рабочую социал-демократическую партию. Избирался депутатом парламента, в сентябре 1923 г. участвовал в подготовке неудачного покушения на жизнь царя Бориса III, в результате которого погибли и были ранены несколько сотен человек. Бежал, в 1933 г. был арестован в Германии по обвинению в поджоге рейхстага. На суде был оправдан. С 1935 по 1943 гг. — генеральный секретарь Исполкома Коминтерна. В ноябре 1945 г. вернулся на родину, был назначен председателем Совета министров, затем генеральным секретарем ЦК БКП. После смерти его мумифицированное тело было размещено в мавзолее, построенном в 1949 г. в центре Софии и взорванном в 1999 г. по решению местных властей.

¹¹ Подробнее о «большевизации» национальных секций Коминтерна см. [11. С. 303–330].

¹² В июле 1929 г. X пленум ИККИ принял решение «О т. Бухарине», в котором подтвердил решение апрельского пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) о снятии его с работы в Коминтерне. Бухарин обвинялся в правом уклоне, в отрицании нарастания нового подъема революционного рабочего движения. В решении говорилось, что Бухарин и его группа стали «центром притяжения всех правых элементов в Коммунистическом Интернационале», способствовали «оживлению антиленинских течений» и «подрыву большевистской дисциплины» [10. С. 48–49].

6 сентября 1928 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило предложения делегации ВКП(б) на шестом конгрессе КИ ввести в состав ЦК КПП двух членов ВКП(б) — Вильгельма Кнорина, являвшегося до этого два года секретарем ЦК КП Белоруссии, и Н.Н. Попова. И тот и другой должны были стать кандидатами в члены ИККИ от компартии Польши, членами — Э. Прухняк и Ю. Ленский. Молотов должен был предложить еще одну кандидатуру члена ЦК КПП [6. С. 43]. Таким образом, «большевизация» означала не только идеологическое и организационное подчинение секций Коминтерна руководству ВКП(б), но и полный контроль «старшего брата» за кадрами иностранных компартий.

15 декабря 1928 г. Секретариат ИККИ в приветствии по случаю десятилетия со дня образования Компартии Польши назвал эту партию «одной из лучших секций Коминтерна, высоко несущей знамя коммунизма и самоотверженно борющейся в тяжчайших условиях фашистской диктатуры за дело пролетарской революции» [13. С. 386].

В годы мирового экономического кризиса руководство ВКП(б) и Коминтерна особое внимание уделяло работе КПЗУ и компартии Западной Белоруссии (КПЗБ), регулярно направляя им валюту и контролируя их деятельность. Крупные денежные средства отправлялись и бастовавшим рабочим Польши, хотя польское правительство частично запрещало вручать их бастующим. Но главное внимание ИККИ уделял в это время стратегии революционного выхода из кризиса. Именно этой теме была посвящена принятая Политсекретариатом ИККИ 29 февраля 1932 г. резолюция о задачах коммунистов Польши. В ней содержались подробные директивы, касающиеся работы среди солдат и женщин, а также подготовки массовой политической стачки. Подчеркивалось при этом, что предписание о создании легальных, полулегальных и нелегальных организаций революционной мобилизации не подлежат оглашению в печати. Эти указания соседствовали с ожесточенными нападками на ППС. Борьба с опасностью антисоветской войны по-прежнему называлась самой важной задачей партии [10. С. 765–767].

Проходивший в сентябре 1932 г. XII пленум ИККИ констатировал рост влияния компартии в Польше, где коммунисты руководили многими стачками. В отличие от компартии Финляндии компартия Польши не обвинялась в недееспособности¹³. Тем не менее, именно ее члены подверглись самым страшным репрессиям там, где, казалось бы, ее кадры должны были быть в полной безопасности, — в СССР, а затем польская секция была распущена Исполкомом Коминтерна, единственная из всех секций КИ [15–18].

Первые репрессии против польских коммунистов начались в конце 1920-х годов, в целях «большевизации» КПП и искоренения в ней фракционной борьбы. В 1929 г. ГПУ «решило» спор между правой группировкой партии (А. Варский, В. Костшева и др.) и левой (группа Ю. Ленского), отправив в ссылку большинство правых. Политбюро ЦК ВКП(б), в свою очередь, поставило во главе КПП «левых» с Ленским как генеральным секретарем партии во главе [19; 16. С. 331]. С конца 1920-х годов начались репрессии и против активистов отделений КПП — компартий Западной Украины и Западной Белоруссии.

¹³ О деятельности финской секции КИ см. сборник документов под ред. Н.С. Лебедевой, К. Рентолы, Т. Саарелы [14].

В мае 1929 г. по рекомендации Сталина делегация ВКП(б) в Коминтерне предложила ИККИ просить коллегия ГПУ принять меры для выявления провокаторов в польской компартии. Выполняя это решение, руководство КИ фактически само инициировало аресты в одной из своих секций [4. Ф. 495. Оп. 20. Д. 404. Л. 22].

Для обоснования репрессий против поляков и дискредитации Компартии Польши было сфабриковано так называемое «дело ПОВ»¹⁴. Хотя ПОВ к этому времени давно уже не существовала, в принадлежности к этой организации обвинялись многие польские коммунисты, проживавшие в СССР и занимавшие различные партийные, государственные и военные посты. Утверждалось, что ПОВ проводила в СССР шпионскую и диверсионную работу, ее участники глубоко внедрились в КПП, захватили руководящие посты в польской секции Коминтерна, что ПОВ засылала провокаторов для разложения партии, использовала партийные каналы для внедрения шпионов и диверсантов в СССР. Деятельность ПОВ якобы была направлена на превращение компартии Польши в придаток «пилсудчины», с целью использования ее влияния для антисоветских действий во время военного нападения этой страны на СССР [17. С. 11].

Новая волна репрессий против польских, западноукраинских и западнобелорусских коммунистов пришлась на 1933–1934 гг. В 1933 г. прошли аресты «правых», объявленных агентами Пилсудского. На Украине и в Белоруссии с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) были организованы процессы, по которым проходили якобы члены ПОВ. Была осуществлена расправа над Ежи Чешейко-Сохацким и некоторыми другими руководителями польских коммунистов. 31 мая 1934 г. Политбюро ЦК ВКП(б) разрешило ОГПУ привести в исполнение приговор в отношении руководителей «вскрытой Польской военной организации (ПОВ) и провокаторов в Компартии Польши»¹⁵. Среди расстрелянных были несколько членов ЦК КПП, коммунистические депутаты польского Сейма, поэт Вандурский, возглавлявший польский театр в Киеве, и другие видные представители общественно-политической жизни и деятели культуры.

1 декабря 1935 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о закрытии «окон» на границе, существовавших для переправки членов КПП, КПЗУ и КПЗБ, поскольку «партийные дороги» стали рассматриваться как каналы для проникновения шпионов и диверсантов на территорию СССР¹⁶. В результате представители польской компартии, оказавшиеся в СССР, в том числе почти все руководство партии, были лишены возможности вырваться за пределы СССР.

После репрессий против «правых» группа Ленского заявила об уничтожении «провокаторов» и «очищении атмосферы» в КПП. ЦК польской компартии стал последовательно проводить предписанную сталинским руководством

¹⁴ Польская военная организация (ПОВ) – подпольная военизированная структура, созданная во время Первой мировой войны по инициативе Ю. Пилсудского. В декабре 1918 г. влилась в регулярную польскую армию.

¹⁵ В докладной записке на имя Сталина Прокурор СССР И.А. Акулов в январе 1935 г. сообщал, что в прокуратуру СССР от 11 осужденных по «делу ПОВ» поступили заявления о неправильных методах следствия. В приложенных к его письму заявлениях поляков указывалось, что они никакой контрреволюционной работы не вели, но действовали исключительно исходя из заявления заместителя начальника областного ГПУ Галицкого, что «партия требует самопожертвования и жертв ряда людей» [17. С. 12].

¹⁶ Отменялись также права МОПРа и Коминтерна предоставлять разрешение на въезд в СССР, ЦК КП(б)У, КП(б)Б, и их областным организациям запрещалось принимать работников по рекомендации польской секции Коминтерна, КПП, КПЗУ и КПЗБ без санкции ЦК ВКП(б) в лице Н.И. Ежова. [6. С. 113].

ультралевую политику. Его руководство с большим недоверием отнеслось к предложениям Г. Димитрова о едином антифашистском фронте. Когда же идеи руководителя Коминтерна получили одобрение «вождя народов» и были утверждены Седьмым конгрессом Коминтерна, ЦК КПП стал послушно следовать и этой линии. В результате партия начала укреплять свое влияние в массах, число ее членов возросло до семи тысяч человек.

Однако тучи над компартией Польши продолжали сгущаться. Сталин оказывал непрерывное давление на руководителей Коминтерна, стремясь глубже втянуть их в проведение и идеологическое обоснование политического террора. В процессе подготовки специального постановления Политбюро ЦК ВКП(б) о политэмигрантах особое внимание было уделено польским коммунистам. Так, 19 января 1936 г. секретарь ИККИ Д.З. Мануильский написал секретарю ЦК ВКП(б) Н.И. Ежову, назначенному ответственным за подготовку проекта решения Политбюро: «Дорогой Николай Иванович! Прошу Вас в ближайшие дни принять меня по вопросу о мероприятиях против проникновения под видом политэмигрантов, членов братских компартий, на территорию СССР шпионов и диверсантов [...]. Я хотел бы с Вами обсудить вопрос о мероприятиях по проверке польской компартии, являвшейся, как Вам известно, в последние годы главным поставщиком шпионских и провокаторских элементов в СССР»¹⁷.

После обсуждения отчета ЦК КПП 28 января 1936 г. Секретариат ИККИ принял решение распустить наиболее «зараженные провокацией» звенья партийной организации КПП и одновременно обсудить на Президиуме ИККИ вопрос о борьбе с проникновением провокаторов во всех секциях КИ. Тем самым ИККИ содействовал массовым репрессиям против коммунистов всех секций¹⁸ и, прежде всего, компартии Польши.

По решению Политбюро ЦК ВКП(б), принятому в феврале 1936 г., на Коминтерн и НКВД СССР была возложена задача провести в трехмесячный срок полный переучет политэмигрантов, прибывших в СССР по линии Международной организации помощи рабочим (МОПР), ИККИ и Профинтерна. На основании этого решения была создана специальная комиссия в составе Н.И. Ежова, начальника Особого отдела Главного управления госбезопасности НКВД СССР М.И. Гая и Д.З. Мануильского. На первом заседании в марте 1936 г. члены комиссии решили, не дожидаясь окончания учета всех политэмигрантов, приступить с 1 апреля к рассмотрению списков по секциям, начав с польской. 1 июля Гай сообщил, что учтено всего 5678 политэмигрантов, из них на 2210 имеются компрометирующие их материалы. НКВД СССР представил информацию и о 1189 эмигрантах из Польши, на 489 из них имелся компромат. В Москве проживали 464 польских политэмигрантов, из них 103 работали в Коминтерне. Если первоначально ЦК ВКП(б) планировал высылать из СССР нежелательных политэмигрантов, то в процессе работы комиссии их было решено арестовывать. Так, рассмотрев дела 368 польских

¹⁷ В результате первоначальный проект решения Политбюро, носивший название «О порядке въезда в СССР политэмигрантов», стал называться «О мерах, ограждающих СССР от проникновения шпионских, террористических и диверсионных элементов». Он был утвержден в феврале 1936 г. [4. Ф. 671. Оп. 1. Д. 73. Л. 3].

¹⁸ Репрессиям против коммунистов других секций КИ посвящены исследования зарубежных и отечественных историков [20–24]. После открытия бывших советских архивов увидели свет и работы об итальянских коммунистах, ставших жертвами сталинских репрессий, среди них — монография Е. Дундович, переведенная на русский язык и изданная в нашей стране сравнительно недавно [25].

эмигрантов, проживавших в Москве, комиссия приняла решение об аресте 53 человек, высылке за границу 238, 77 человек оставались в СССР на свободе [17. С. 14–15]. Загодя были удалены из аппарата самого НКВД видные чекисты – поляки по национальности. Таким образом, была проведена скрупулезная подготовительная работа к проведению Большого террора.

В декабре 1936 г. Секретариат ИККИ вновь рассматривал польский вопрос. В принятой резолюции предлагалось продолжить работу по очищению рядов партии до полного освобождения от «скрытых троцкистских элементов».

На февральско-мартовском пленуме ЦК ВКП(б) 1937 г. Сталин обосновал политику обострения классовой борьбы по мере продвижения к социализму. В результате был открыт путь к невиданному до этого массовому террору и против партийных и государственных кадров СССР, и против коммунистов других стран.

Незадолго до пленума 11 февраля 1937 г. Сталин принял Димитрова для обсуждения проекта постановления ИККИ по поводу процесса Радека – Пятакова. Он заявил генеральному секретарю ИККИ, что европейские рабочие полагают, что драка между Сталиным и Троцким происходит из-за его плохого характера, и потребовал сказать о борьбе Троцкого и его сторонников против партии и Ленина еще при жизни Владимира Ильича. В заключении беседы Сталин бросил зловещую фразу: «Вы все там в Коминтерне работаете на руку противника» [26. С. 94–95].

Весной-летом 1937 г. были арестованы и вскоре расстреляны 30 из 37 членов ЦК КПП, многие рядовые члены этой партии, польские коммунисты, получившие советское гражданство и занимавшие различные посты в партийном и государственном аппарате СССР. Члены партии вызывались и из Польши, по прибытии в Страну Советов их также арестовывали. В результате в сталинских застенках погибли сотни членов КПП, партия была обескровлена и деморализована.

Репрессиям подверглись не только польские коммунисты, но и самые широкие слои польской эмиграции в СССР. Всего в ходе «польской операции» 1937–1938 гг. были арестованы 143 810 человек. Из них осуждены 139 835, в том числе приговорены к расстрелу 119 091 человек, или 77,25% от числа рассмотренных дел [26. С. 33].

Эта операция была проведена в соответствии с приказом НКВД СССР № 00485 от 11 августа 1937 г., утвержденным Политбюро ЦК ВКП(б). В соответствии с ним аресту подлежали: активисты ПОВ; все оставшиеся в СССР военнопленные польской армии периода 1919–1920 гг.; перебежчики из Польши; политэмигранты и те, кто прибыл в СССР в результате обмена заключенными из Польши; бывшие члены польской соцпартии и других польских политических партий; активисты местных националистических организаций польских районов СССР.

Стремясь любыми средствами спастись от арестов, некоторые деятели КПП писали доносы на своих товарищей по партии. Так, представитель КПП в ИККИ Я. Боровский передал ОГПУ материалы на 65 руководящих работников партии, но и это не спасло его самого от ареста. Большое количество дел против польских коммунистов было инспирировано и Отделом кадров Коминтерна, и лично М. Москвиным (М.А. Трилиссером), направленным из аппарата НКВД в Коминтерн по прямому указанию Сталина.

Г. Димитрову были предоставлены для ознакомления показания девяти видных деятелей ЦК КПП (Ленского, Рыльского, Скульского, Бертинского, Генриковского, Бронковского, Валецкого, Варского и Домбала), признавших под пытками в том, что в качестве агентов ПОВ проникли в КПП с провокационными целями и использовали партию для переброски под видом политэмигрантов агентов польской разведки. Они якобы намеревались в случае войны Польши против СССР оказать помощь пилсудчикам. Все эти лидеры польской компартии были расстреляны в 1937 г.

Выписки, сделанные рукой Г. Димитрова, хранятся и сегодня в РГАСПИ [4. Ф. 495. Оп. 74. Д. 411]. По всей видимости, знакомство с делами арестованных руководителей КПП генеральному секретарю ИККИ потребовалось для составления проекта резолюции ИККИ о роспуске Компартии Польши. Направляя 28 ноября 1937 г. этот проект Сталину, Димитров писал: «Дорогой товарищ Сталин! Мы думаем провести через Президиум ИККИ прилагаемое здесь постановление о роспуске Коммунистической партии Польши и потом его опубликовать. После опубликования этого постановления следовало бы обратиться с открытым письмом к польским коммунистам, в котором более подробно вскрыть разлагающую работу врага в рядах компартии и рабочего движения Польши». Для восстановления же компартии намечалось создать специальную комиссию в основном из бывших бойцов интербригад, сражавшихся в Испании. Димитров советовался со Сталиным, не следует ли подождать до окончания расследования органами НКВД дел арестованных членов КПП. На письме резолюция «отца народов»: «С роспуском опоздали года на два. Распустить нужно, но опубликовывать в печати, по-моему, не следует» [4. Ф. 495. Оп. 74. Д. 402. Л. 1–5; 27; 28. С. 219–222]¹⁹.

В проекте постановления о роспуске КПП указывалось, что «польский фашизм», не будучи в состоянии справиться с рабочим и коммунистическим движением, внедрил в него огромное количество агентов и провокаторов. Они же в течение многих лет работали в руководящих структурах КПП, КПЗУ, КПЗБ, установили контроль за этими партиями и подчинили их своему влиянию. Выделялись при этом группы: «социалистическая» во главе с Сохацким (Братковским); еврейская (Паолей-Цион) во главе с Генриковским и Лампе; украинская социал-демократическая под руководством Василькова-Турянского; белорусских социал-революционеров Корчика; «Освобождения» Воеводского. Подчеркивалось, что «банда шпионов и провокаторов» [27], захватившая руководство партией, систематически ослабляла влияние партии в массах, путем развязывания фракционной борьбы дезорганизовывала КПП и ее работу в массах, насаждала вражду к СССР, перебрасывала под видом политэмигрантов польских фашистов для совершения актов саботажа, шпионажа и т.д. Основываясь на этих данных, желая дать «честным польским коммунистам» шанс на воссоздание партии и избавиться сразу от «всех агентов польского фашизма», ИККИ постановил распустить Коммунистическую партию Польши ввиду ее засоренности шпионами и провокаторами. «Честным коммунистам» предлагалось продолжить работу за создание в Польше единого национального антифашистского фронта.

Несмотря на одобрение Сталиным проекта резолюции ИККИ о роспуске КПП официально постановление Президиума ИККИ было принято лишь

¹⁹ Фотокопию этого документа см. [23. Р. 30].

16 августа 1938 г. без обсуждения, путем так называемого «летучего голосования» шестью голосами из двенадцати.

По всей видимости, до принятия решения о роспуске КПП руководство ВКП(б) и Коминтерна намеревалось провести подготовку к этому шагу. В феврале 1938 г. в журнале «Коммунистический Интернационал» была опубликована статья, якобы полученная из Варшавы. В ней сообщалось, что КПП засорена провокаторами польской охранки, которые проникли и в руководство партии, добиваясь ее подчинения «преступным замыслам пилсудчины» [4. Ф. 495. Оп. 74. Д. 411].

В это же время в Испанию к польским коммунистам-интербригадовцам для информации о принятом в Москве решении был направлен один из руководителей болгарской компартии Богданов («Жан», «Козинаров», настоящая фамилия Иванов Антон). По возвращении оттуда в докладной записке в ИККИ он писал: «Мое сообщение о роспуске партии в первые минуты было встречено с известной подавленностью, несколько минут длилось полное молчание, на отдельных глазах были заметны слезы. Но скоро они узнавали решение ИККИ в целом, и настроение заметно менялось. Желание высказаться было всеобщее и поголовное. Не было, однако, ни одного случая несогласия с решением ИККИ» [4. Ф. 495. Оп. 74. Д. 404. Л. 26–31]. Богданов же информировал о роспуске КПП и польскую коммунистическую эмиграцию в Париже.

Именно из Парижа известие о роспуске партии дошло и до варшавской организации КПП, которую никто официально не поставил в известность о принятом решении. Длительное время Краевой Секретариат ЦК польской компартии вообще не имел связи с Исполкомом Коминтерна. Один из тех, кому вскоре Москва поручила провести роспуск местных парторганизаций, Хиль Блюфарб в отчете в ИККИ писал: «Жена тов. Новогрудского частным образом рассказала Зигмунду о том, что имеется такое сообщение (о роспуске КПП. — Н.Л., Н.Т.). Зигмунд сейчас же представил на Секретариате дело таким образом, якобы он установил с Коминтерном связь через одного товарища и сообщил о постановлении Коминтерна» [4. Ф. 495. Оп. 74. Д. 420. Л. 24].

Лишь отдельные польские коммунисты попытались предотвратить роспуск своей партии или хотя бы выразить протест против решения Москвы.

Так, Антон Старевич (настоящая фамилия Липский), руководитель Краевого Секретариата ЦК КПП, четыре месяца добивался вызова в Москву, чтобы попытаться отвести угрозу от партии и от ее активистов. Прибыв в СССР, он 21 февраля писал: «Я приехал, готовый ко всему возможному. Я приехал как человек и коммунист, который сознает свою ответственность и который имеет мужество нести ее, хотя бы она оказалась самой тяжелой, самой мучительной» [13. С. 388; 4. Ф. 495. Оп. 74. Д. 405. Л. 1–4].

В бумагах Димитрова сохранились сотни страниц, исписанных Старевичем, который защищал товарищей по партии и саму КПП. Антон был арестован 17 апреля 1938 г. и расстрелян в августе того же года. Еще раньше был расстрелян его брат Людвиг Липский (Рабиборский), прибывший в СССР в 1932 г. в результате обмена политзаключенными [29. С. 73].

Третий из братьев Леон-Викентий Липский («Лукаш»), член КПП с 1920 г., семь лет проведенный в тюрьмах Польши, входивший с осени 1937 г. в состав временного руководства КПП, возглавлял Краевой Секретариат ЦК КПП. Он также весьма отрицательно отнесся к роспуску партии. В беседах с одним

из членов Варшавского комитета партии «Лукаш» так обосновал свою позицию: «1. Политическое положение страны требует усиления активности партии, а не ее роспуска. Это не по-большевистски. 2. Нет никакого упоминания о роспуске в литературе КИ. Если бы это было правдой, то там, несомненно, сообщалось бы об этом. 3. Если Коминтерн действительно хотел, чтобы Секретариат распустился, то он мог найти непосредственную дорогу к нему. 4. Нельзя партию, которая имеет боевые традиции, распускать на основе какого-то курьера или того, что скажет евреечка (т.е. жена Новогрудского. — *Н.Л., Н.Т.*)»²⁰. Леон Липский отпечатал в типографии воззвание против решения о роспуске КПП.

Сопrotивление роспуску партии не прошло для него даром. После оккупации Германией Польши Л. Липский пробрался на территорию, занятую Красной армией и вскоре был арестован в Белостоке. В июне 1941 г. бежал из тюрьмы, создал неподконтрольную Москве Коммунистическую партию Польши, которая боролась с нацистами. В июле 1943 г. он был «ликвидирован» по указанию Москвы, о чем ЦК Рабочей партии Польши²¹ сообщил Сталину, Молотову, Щербакову и Меркулову через Г. Димитрова, обвинившего при этом Липского в том, что он был «пьяница и морально разложившийся человек» [30. С. 383–384].

Попытка Л. Липского склонить других активистов КПП к противодействию роспуску партии не увенчалась успехом. Большинство членов Секретариата ЦК КПП и Варшавского комитета сочло необходимым действовать строго в соответствии с решениями Коминтерна. Предпринятая редактором партийной газеты, действовавшим под кличкой «Эдек», попытка связаться по просьбе «Лукаша» с советским посольством оказалась безуспешной [4. Ф. 495. Оп. 74. Д. 420. Л. 24–28].

Как свидетельствовал Х. Блюфарб, после роспуска среди большинства бывших членов партии «создалась атмосфера пессимизма». «Характерными чертами были уход всецело в личную жизнь, пассивность, отрыв от профсоюзов и массовой работы, трусость. Весь партийный актив распался на маленькие группки, возникшие на основе личных симпатий и дружбы, а между этими группками существовали отношения взаимного недоверия [...]. Часть актива охвачена сомнениями по отношению к Коминтерну и Советскому Союзу. Это была преимущественно та часть, которая колебалась по вопросу о процессах. Они выдвигали такие аргументы: нет фактического материала; все вожди КПП арестованы, в стране осталась лишь горсть, однако нет материалов о результатах следствия», — писал он в отчете. Далее Блюфарб сообщил о своих усилиях противостоять этим настроениям [4. Ф. 495. Оп. 74. Д. 420. Л. 27–28].

Вслед за Варшавой была прекращена деятельность и коммунистов провинции, об этом руководители местных ячеек узнавали из писем знакомых или из печати других партий. За вторую половину июня и июль 1938 г. почти все организации в центральной Польше, кроме холмшинской²², были распущены. Позднее, в преддверии начала Второй мировой войны ИККИ приступил к воссозданию польской компартии на новой основе.

²⁰ Партийная кличка автора донесения — «Сивек» [4. Ф. 495. Оп. 74. Д. 420. Л. 25].

²¹ Рабочая партия Польши (ПРП) — была создана в 1942 г., прекратила свое существование в 1948 г., когда была объединена с Польской социалистической партией.

²² Холмщина — историческая область на левом берегу р. Западный Буг со сложной межэтнической и религиозной ситуацией. Подробнее см. на сайте Центра украинистики и белорусистики МГУ им. М.В. Ломоносова: <http://www.hist.msu.ru/Labs/UkrBel/sklarov.htm> (дата последнего обращения: 05. 01. 2021).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Носкова А.Ф., отв. ред. Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012.
2. Матвеев Г.Ф. Пилсудский. М., 2008.
3. Лебедева Н.С., Терехова Н.Г. ВКП(б) и польская политика Коминтерна 1919–1925 годы // Славяноведение. 2020. № 5.
4. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Москва.
5. Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) и Коминтерн. 1919–1943 / Сост. Г.М. Адиебеков, Ж.Г. Адиебеков, Л.А. Роговая, К.К. Шириня. М., 2007.
6. Материалы «Особой папки» Политбюро ЦК РКП(б) – ВКП(б) по вопросу советско-польских отношений 1923–1944 / Ред. И. Костюшко. М., 1997.
7. Kolebacz B. Komunistyczna partia Polski. 1923–1929. Warszawa, 1984.
8. VI конгресс Коминтерна. Стенографический отчет. М.; Л., 1929.
9. Коминтерн против фашизма. Документы / Отв. ред. Н.П. Комолова. М., 1999.
10. Коминтерн и идея мировой революции. Документы / Отв. ред. Я.С. Дабкин. М., 1998.
11. Фирсов Ф. Коминтерн: погоня за призраком. Переосмысление. М., 2020.
12. Адиебеков Г.М., Шахназарова Э.А., Шириня К.К. Организационная структура Коминтерна. М., 1997.
13. Фирсов Ф.И., Яжборовская И.С. Под диктовку Сталина... // Открывая новые страницы... Международные вопросы: события и люди. М., 1989.
14. Лебедева Н.С., Рентола К., Саарела Т. (ред). Коминтерн и Финляндия. 1919–1943: Документы. М., 2003.
15. Фирсов Ф.И., Яжборовская И.С. Коминтерн и Коммунистическая партия Польши // Вопросы истории КПСС. 1988. № 12.
16. Роговин В. Партия расстрелянных. М., 1997.
17. Хаустов В.Н. Из предыстории массовых репрессий против поляков. Середина 1930-х гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники «Мемориала». М., 1997. Вып. 1.
18. Петров Н.В., Рогинский А.Б. «Польская операция» НКВД 1937–1938 гг. // Репрессии против поляков и польских граждан. Исторические сборники «Мемориала». М., 1997. Вып. 1.
19. Бюллетень Оппозиции (большевиков-ленинцев). Париж, 1938. № 68–69.
20. Lazitch B. Stalin's Massacre of the Foreign Communist Leaders // The Comintern: Historical Highlights. New York, 1966.
21. Куусинен А. Господь низвергает своих ангелов. Воспоминания, 1919–1965. Петрозаводск, 1991.
22. Пантелеев М.М. Репрессии в Коминтерне (1937–1938) // Отечественная история. 1996. № 6.
23. Dimitrov and Stalin 1934–1943. Letters from the Soviet Archives / Ed. By A. Dallin and F.I. Firsov. New Haven and London, 2000.
24. Communist International and Repression / Ed by W.J. Chase. New Haven and London, 2001.
25. Дундович Е. Итальянцы в сталинских лагерях. М., 2009.
26. Фирсов Ф.И. Партии и Коминтерн // Коммунист. 1991. № 7.
27. Ватлин А.Ю. Коминтерн: идеи, решения, судьбы. М., 2008.
28. Tragedia Komunistycznej Partii Polski / Ed. Maciszewski J. Warszawa, 1989.
29. Lebediewa N.S., Mitzner P. Wyrok na odstępce // Karta. 1994. № 12.
30. Коминтерн и Вторая мировая война / Составители, авторы вступительной статьи и комментарии Н.С. Лебедева и М.М. Наринский. Ч. 2. После 22 июня 1941 г. М., 1998.

Славяноведение, 2021, № 3, с. 20–35

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 3, pp. 20–35

DOI: 10.31857/S0869544X0014848-5

Оригинальная статья /
Original Article

Генерал Ф.Е. Махин в годы Второй мировой войны в Югославии

© 2020 г. А.В. Ганин

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

andrey_ganin@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена последнему периоду жизни и деятельности Федора Евдокимовича Махина (1882–1945) в годы Второй мировой войны. Ф.Е. Махин – русский офицер-эмигрант, член партии эсеров, позднее – югославский коммунист. Во время Второй мировой войны он принял активное участие в антифашистском сопротивлении в Югославии сначала в рядах четнических формирований Д. Михайловича, а позднее в Народно-освободительной армии Югославии. Ф.Е. Махин стал одним из близких соратников Й.Б. Тито, участвовал во многих операциях и получил звание генерал-лейтенанта югославской армии.

Ключевые слова: Югославия, Вторая мировая война, русская военная эмиграция, Ф.Е. Махин, Й.Б. Тито.

Благодарности: Выражаю глубокую благодарность д-ру ист. наук А.Ю. Тимофееву (Институт новейшей истории Сербии; Белградский университет) за помощь в подготовке этого материала.

Ссылка для цитирования: Ганин А.В. Генерал Ф.Е. Махин в годы Второй мировой войны в Югославии // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 20–35. DOI: 10.31857/S0869544X0014848-5.

General F.E. Makhin during World War II in Yugoslavia

© 2021. A.V. Ganin

andrey_ganin@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the last period of life and activity of Fyodor Evdokimovich Makhin (1882–1945) during the Second world war. F.E. Makhin was Russian emigrant officer, member of the socialist-revolutionary party, later – Yugoslavian communist. During the Second world war, he took an active part in the anti-fascist resistance in Yugoslavia, first in the ranks of the Chetniks of D. Mikhailovich, and later in the People's Liberation army of Yugoslavia. F.E. Makhin became one of the close associates of I.B. Tito, participated in many operations and received the rank of Lieutenant General of the Yugoslav army.

Keywords: Yugoslavia, World War II, the Russian military emigration, F.E. Makhin, I.B. Tito.

Acknowledgements. I express my deep gratitude to Dr. Timofeev (Institute of Modern History of Serbia; University of Belgrade) for his help in preparing this material.

For citation: *Ganin A.V. General F.E. Makhin during World War II in Yugoslavia // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2021. No. 3. Pp. 20–35. DOI: 10.31857/S0869544X0014848-5*

Участие русских военных эмигрантов во Второй мировой войне остается дискуссионным вопросом. Как известно, эмиграция тогда разделилась — множество военных эмигрантов, ветеранов Белого движения, мечтавших вернуться на родину, считали, что война дает возможность свергнуть ненавистный им большевистский режим. Однако были и те, кто рассуждал иначе.

Одним из таких военных был Федор Евдокимович Махин (1882–1945) — человек интересной и сложной судьбы, представитель того поколения, на долю которого выпали суровые испытания: мировые войны, революции, Гражданская война, вынужденная эмиграция, необходимость все начинать с нуля на чужбине [1. С. 27–332]. Достаточно отметить, что Махин по происхождению был простым оренбургским казаком, а закончил жизненный путь генерал-лейтенантом Народно-освободительной армии Югославии (НОАЮ). При этом последний период жизни и деятельности Махина остается слабо изученным, хотя этот человек сыграл заметную роль в антифашистском сопротивлении в Югославии.

Судьба Махина в высшей степени интересна, парадоксальна и противоречива. До революции — казачий офицер, получивший высшее общее военное образование в академии и дослужившийся до чина подполковника. В 1917 г. он примкнул к эсерам и затем по заданию эсеров пошел служить в Красную армию для подрывной работы. Занял пост командующего армией, сдал чехословакам город Уфу и перешел на сторону Комитета членов Учредительного собрания (Комуча). Далее командовал одной из групп войск Народной армии Комуча, воевал уже против красных, но не прижился в белом лагере. За участие в заговоре против атамана А.И. Дутова и адмирала А.В. Колчака Махин был выслан из Сибири за границу в начале 1919 г. В эмиграции продолжал сотрудничать с эсерами, курировал разведывательную работу против Советской России, руководил Объединением российских земских и городских деятелей (Земгор) в Югославии. Позднее перешел на оборонческие позиции и в 1930-е годы стал тайным агентом советской внешней разведки.

В 1939 г. Махин порвал с эсерами и вступил в ряды Коммунистической партии Югославии [2. С. 208], находившейся тогда в подполье. Очевидно, это было уже следствием вербовки Махина советской разведкой. Лидер партии в то время Й.Б. Тито стал в 1940 г. генеральным секретарем. Такая эволюция была, видимо, характерна для окружения Махина. В частности, бывший библиотечарь Земгора Ф.Е. Высторопский позднее вступил в антифашистский Союз советских патриотов и стал одним из его руководящих работников [3. С. 529]. По-видимому, Махин курировал эту организацию еще до войны по линии советской разведки [4. С. 112]. В период немецкой оккупации Союз советских патриотов действовал в подполье. Член Союза И.Н. Голенищев-Кутузов отметил, что, «уходя с югославской армией в первые дни войны весной 1941 года, Махин поручил Высторопскому организовать русских патриотов для борьбы с фашистами в Белграде» [5. С. 179].

Как крупный военный аналитик, Махин заинтересовал итальянскую разведку, которая стремилась установить с ним контакт. Но в итоге контакт установили советские представители, якобы через нелегала Р.Г. Бирка (впрочем, Бирк был арестован в 1937 и расстрелян в 1938 г. в СССР). Сам Махин сумел завербовать некоего агента «Милка» из группы советского нелегала «Крума», занимавшегося Балканами [6].

В фрагментах дневника за 1941 г., которые были опубликованы в 1945 г. в газете «Красная звезда», Махин упомянул, что 8 апреля 1941 г. после нападения гитлеровцев на Югославию, взяв только самое необходимое, покинул разбомбленный Белград и бежал в Сараево.

17 апреля 1941 г. Югославия капитулировала. В первые дни гитлеровской оккупации в Белграде эмигрантами правого толка был разгромлен Земгор, а его библиотека частично расхищена, частично перевезена в Русский дом в Белграде. Архив Земгора был уничтожен, видимо, из соображений безопасности еще перед началом оккупации [7. С. 447].

Как человек, к тому времени уже прочно ассоциировавшийся с советским патриотизмом, Махин перешел на нелегальное положение и был вынужден скрываться, чтобы не попасть в руки гестапо. Ни гестапо, ни сербская Специальная полиция не смогли поймать ни Махина, ни его помощника по разведывательной деятельности В.А. Лауданского [8. С. 47].

Те, кто не признал капитуляцию, уходили в горы или начинали борьбу в подполье. Среди первых групп сопротивления гитлеровцам был отряд полковника югославской армии Д. Михайловича. В дальнейшем он возглавил движение четников — сербских партизан некоммунистического толка. Странником последнего был друг Махина В.И. Лебедев. Какое-то время Махин прожил в городе Гацко, неподалеку от Черногории, и в апреле 1941 г. примкнул к антифашистскому сопротивлению. По-видимому, речь шла о четниках. Впрочем, в опубликованных в СССР фрагментах дневника Махина об этом не говорилось.

Сохранилось свидетельство участника партизанского движения С. Ковачевича о появлении Махина в Гацко: «Среди всех проходивших через наше Гацко мы также заметили человека среднего роста, довольно полного, с седеющей бородой. Наш вывод был: это настоящий русский, еще и белогвардеец! Поскольку мы не скрывали своего отношения к нему, он подошел к нам и спросил, можем ли мы помочь ему чем-то из продуктов. Наша грубость не смутила его; наоборот, он взял на себя инициативу и открыто сказал нам, что он почувствовал наше неблагоприятное впечатление о нем, и это ошибочно, поэтому он хочет поговорить с нами. Он пригласил нас в кабинет единственного отеля и рассказал нам свою биографию. Мы убедились, что ни о каком белогвардейце нет речи, а это Федор Махин, автор многих популярных произведений о строительстве социализма в СССР, которые мы в предвоенные годы просто “проглатывали” на нелегальных скоевских¹ собраниях в школах. В конце он вытащил из дорожной сумки роскошно изданный исторический альбом СССР и на нем нам написал посвящение: “Для прогрессивной молодежи Гацко”» [9. С. 295–296].

Анонимный автор из русских эмигрантов утверждал, что Махин командовал значительным отрядом повстанцев [10. С. 2], однако в силу возраста и русского

¹ SKOJ (Savez komunističke omladine Jugoslavije) — Союз коммунистической молодежи Югославии.

происхождения Махина это представляется маловероятным. С четниками Махин ушел в Сараево, а затем в горные районы Черногории. Интересно, пришлось ли ему тогда вспомнить своего соратника по борьбе на Волге в 1918 г., черногорца полковника А.С. Бакича — выходца из этих мест?!

Об одном из эпизодов, характеризующих личность Махина, написал в газетной статье очевидец событий: «Будучи по делу в городе, занятом оккупантами, он чуть было не был захвачен. Вместе с ним был видный югославский деятель. Одна “русская” опознала случайно на улице спутника Ф.Е. Махина и донесла сейчас же оккупантам. Югослава арестовали и отдали в распоряжение гестапо [...] Ф.Е. Махину снова удалось уйти в горы» [10. С. 2].

В июне Махин находился уже в Черногории, в курортном городке Рисан. Там его застало известие о начале Великой Отечественной войны. Махин с единомышленниками пришел к выводу, что судьба Югославии теперь неразрывно связана с судьбой России. Затем он спешно покинул Рисан и отправился в горы. В августе Махин участвовал в захвате повстанцами у итальянских оккупантов города Грахово. Он ездил по деревням, помогал организовывать партизанские отряды и диверсионные группы, выступал на сельских сходах, боролся вместе со знаменитым черногорским партизаном Савой Ковачевичем.

Осенью 1941 г. Махин с повстанцами ушел на север в горные районы и оказался в эпицентре партизанско-четнического восстания в Восточной Герцеговине. После того как четники стали нападать на партизан-коммунистов, Махин, как он утверждал в советской печати, примкнул в конце 1941 г. [11. С. 3; 12. С. 3] к последним. Эти же сведения изложены журналистом при штабе Й.Б. Тито В. Дедиером [13. С. 196]. Но в действительности некоторое время в конце 1941 — первой половине 1942 г. Махин прожил в глухом районе племени баняне на границе Черногории и Восточной Герцеговины.

Гражданская война для русских эмигрантов, по сути, возобновилась. В коллаборационистском Русском корпусе служили многие русские офицеры, в том числе и те, с кем Махин был знаком по службе в русской армии и по учебе в академии: например, в рядах Русского корпуса оказался однокашник Махина по академии полковник Э.Э. Шляхтин.

Представители коллаборационистских кругов белой эмиграции преследовали лиц, связанных с Махиным. В частности, возглавлявший при гитлеровцах «Бюро по защите интересов и для помощи русским эмигрантам в Сербии» полковник В.В. Крейтер (учился в Николаевской академии на два курса младше Махина) в апреле 1942 г. уволил за это, а также за «несоответствие наших политических взглядов» директора русской мужской гимназии Белграда И.М. Малинина [3. С. 575; 14. С. 129, 130]. Малинин ответил Крейтеру на упрек в связи с Махиным достаточно смело для подневольного человека на оккупированной территории: «Расхождение существует, в особенности, если Вы возводите в ранг политических взглядов и обмен новогодними поздравлениями между лицами, стоявшими во главе русских учреждений. Я же лично расцениваю этот обмен условными любезностями (кстати сказать, вероятно, больше чем десятилетней давности) такими же, как и те шаблонные и лишённые реального содержания формулы, которыми мы начинаем и заканчиваем наши письма. Но я допускаю, что все можно рассматривать под любым углом зрения. В моей же служебной карьере нынешнее мое освобождение от службы не является особенной новостью: в свое время я по той же причине

был удален с поста попечителя Одесского учебного округа приказом комиссара украинского правительства [С.В.] Петлюры, затем вычеркнут из списка доцентов университета в Одессе распоряжением комиссара рабоче-крестьянской власти при университете, и вот теперь Вами. И все по одной и той же причине – расхождения политических взглядов» [14. С. 131].

Слава опережала Махина. Так, в донесении штаба Д. Михайловича в Лондон от 7 мая 1942 г. о коммунистах Югославии сообщалось, что «они ожидают помощи оружием из России. Их лидеры – полковник Махин и некто под вымышленным именем Тито. Они не выбирают средства вообще» [15. С. 250]. Интересно, что такая же информация о Махине как о лидере югославских коммунистов была представлена югославскому правительству в изгнании в ноябре 1941 г. Впрочем, вероятно, речь шла о намеренной дезинформации Лондона с целью принизить роль Тито.

В 1942 г. Махин вновь попал к четникам. Не позднее 6 июня он был освобожден партизанами 1-й Пролетарской народно-освободительной ударной бригады [16. С. 52] и 8 июня примкнул к штабу партизан Тито в селе Плужине [13. С. 196]. Через некоторое время он стал военным советником Тито и оказался в числе организаторов партизанского движения в Югославии.

Публикации рассекреченных документов Коминтерна свидетельствуют о начале сотрудничества Махина с Тито, а также о нелегальной деятельности Махина и о его работе на советскую разведку. Й.Б. Тито, являвшийся одним из видных деятелей Коминтерна (в зашифрованной переписке Коминтерна кодовое имя «Вальтер»), проинформировал Москву об участии Махина в партизанском движении. 31 августа 1942 г. он сообщил в Исполнительный комитет Коминтерна, что Махин был в плену у четников, но его удалось освободить вместе с профессором [С.] Милошевичем. Утверждая, что Махин «держится хорошо» и собирается писать книгу о боях в Югославии и о Д. Михайловиче, Тито все же просил навести о нем справки в НКВД [17. С. 439].

После этого, 15 (по другим документам 19) сентября 1942 г., по линии Коминтерна пришло совершенно секретное сообщение для Тито, раскрывшее Махина как сотрудника советской политической разведки и предписывавшее Тито через своего представителя обратиться к Махину от имени его прежнего куратора «Правдина» при помощи пароля: «Привет от товарища Правдина, я пришел продолжать работу, которую проводил с Вами Правдин». Органы советской разведки (кодовое наименование «соседи») проявили большую заинтересованность и просили выяснить, нет ли у Махина какой-либо информации для «Правдина» о его положении у Д. Михайловича и может ли он вновь войти к нему или кому-то из его окружения в доверие, а также может ли Махин вернуться к Михайловичу или на оккупированную территорию и осуществлять оттуда связь. Как уже отмечалось, «Правдиным» являлся советский разведчик Р. Аббиа, в 1942 г. находившийся в США. После этого Тито стал относиться к Махину с подозрением, но принимать к нему какие-либо меры не мог.

В ответ 19 сентября от имени Махина была отправлена радиграмма: «Товарищу Правдину. Преследуемый немцами и белогвардейцами, я 23 июня прошлого [года] скрылся в Черногории, где участвовал в партизанском движении с самого его начала и там себя достаточно скомпрометировал в глазах четников Дражи Михайловича. Был у них в плену и освобожден партизанами от выдачи итальянцам. После итальянско-четнического наступления в Черногории

отступил с партизанами в Боснию, где присоединился к Верховному штабу. Из окружения Михайловича хорошо знаком с его помощником Ильей Трифуновичем (Бирчанином), председателем Народной Одбраны, его характеристику, мне кажется, я Вам сообщил. Трифунович сейчас с помощью итальянцев ведет наступление против партизан со стороны Сплита. Попытаюсь при посредстве партизанского Верховного штаба связаться с ним, и если удастся, то и устроить с ним свидание. В этом отношении желательны Ваши указания. Пробраться в оккупированные края при постоянной за мной слежке гестапо сейчас невозможно. На днях пошлю подробную информацию о положении нашей здешней борьбы. Я очень обрадован возможностью нашей связи и работы. Горячий привет. Махин» [18. С. 216–217].

Радиограмму подписал и Тито. Из этого документа, возможно, следует, что с началом войны Махин, будучи у Д. Михайловича, по каким-то каналам связи продолжал информировать советское руководство, но допустимо и предположение о передаче таких данных до войны. Кроме того, этот документ свидетельствует о характере информации, предоставлявшейся Махиным в Москву: речь шла о характеристиках югославских политических деятелей. По оценке А.Ю. Тимофеева, Тито пытался при помощи Махина обосновать перед Коминтерном правильность своего курса на борьбу с четниками.

Советские представители попытались использовать Махина для связи с формированиями Д. Михайловича, но он уклонился от возвращения в штаб возглавляемого Михайловичем Югославского войска в Отечестве для выполнения задания Москвы. Не собирався отпускать его туда и сам Тито, который сообщил в Москву, что задание очень сложное, а Махин уже старый и болезненный [18. С. 215–216]. Вскоре последовало уточнение: нужно было предложить Махину ведение разведывательной работы на территориях, занятых немцами и итальянцами. Предполагалось, что Федор Евдокимович организует засылку агентов в соседние страны и будет поддерживать с ними связь. Другим возможным направлением его деятельности должна была стать работа по разложению четников Михайловича. В Москве даже предлагали, чтобы Махин организовал похищение одного из ближайших соратников Дражи. Неутомимый полковник получил в Коминтерне кодовое имя «Марс», соответствовавшее первым двум буквам его фамилии (в одном из исследований истории партизанской разведки была высказана целая серия гипотез, кем мог быть «Марс», если бы им вместо Махина являлся кто-то иной [19. С. 86–87]). Москва в шифровке от 26 сентября 1942 г. предписывала Тито следующее: «Марса нужно будет передать для работы товарищам, которые будут Вами выделены для специальной работы. Пока же держите связь с ним Вы. Если подходящих товарищей не подберете, то рацию и радиста передайте ему для связи с соседями. При этом учтите, что Марс хотя и проверен на работе соседями, но все же он не является их кадровым представителем, поэтому за ним нужен контроль в форме, не могущей его обидеть. Шифр для него будет переслан через Вас» [17. С. 440]. С учетом того что во всей Югославии, по данным на начало 1943 г., для связи с Коминтерном действовало только три радиостанции (в Хорватии, Словении и в партизанском районе Югославии у Тито) [18. С. 192], подобное распоряжение существенно повышало статус Махина и ограничивало возможности Тито. Нет ничего удивительного, что последний его не исполнил, оставив контроль связи с Москвой за собой.

27 сентября датировано последнее донесение Махина «Правдину» через радиостанцию ЦК Компартии Югославии с описанием победы партизан над четниками в Западной Боснии и упоминанием широкого сотрудничества четнических воевод с итальянскими оккупантами. Махин выразил мнение о невозможности и ненужности легализации партизанского движения эмигрантским правительством Югославии, отметив перспективность признания партизан англо-американцами, хотя бы в военном отношении [18. С. 217]. Очевидно, что подобные сообщения могли составляться только под полным контролем Тито. Независимым источником информации для Москвы Махин после его раскрытия самими советскими представителями быть перестал, а Тито не собирался предоставлять русскому офицеру никаких особых полномочий.

Существует версия о том, что при Тито состоял некий согладатель от НКВД и что им был Махин. Однако исследователи это не подтверждают. По оценке А.Ю. Тимофеева, со второй половины 1941 г. поток материалов о положении в Югославии, поступавших в Москву, резко сократился, а в результате не вполне понятных провалов руководство СССР лишилось независимых от Тито источников информации, причем в одном случае достоверно известно, что статус агента девальвировал сам Тито [18. С. 190–192]. Не стал таким согладатель и Махин.

Война объединила бывшего участника Белого движения на Востоке России Махина и бывшего югославянского интернационалиста Тито, боровшегося в Сибири с белыми [20. С. 3]! Роль Махина при Тито малоизвестна, многие сведения противоречивы, а часть до сих пор засекречена. Но по совокупности имеющейся информации можно утверждать, что эта роль была значимой. Достаточно отметить, что в октябре 1942 г. Махин жил вместе с Тито и его ближайшими соратниками в одном железнодорожном вагоне. Всего в вагоне размещалось 13 человек, включая самого Тито и его любовницу и секретаря Зденку (настоящее имя и фамилия – Даворианка Паунович) [21. С. 293], причем Махин имел привилегированное купе, отделенное деревянными перегородками [22. С. 258–259].

В 1942 г. Махину исполнилось 60 лет. По возрасту он уже не мог выполнять функции полевого командира, специалистом по современной войне или по диверсиям он также не являлся. Не случайно, журналист при штабе Тито В. Дедиер звал его «старый Махин» (Дедиер был на 32 года моложе). Отголоски отношения к Махину в штабе как к старику прослеживаются и в распоряжениях Тито, изложенных Дедиером. Например, в такой записи: «В самых тяжелых ситуациях и при наивысшем накале борьбы товарищ Тито всегда беспокоился, спрашивал, давал указания, например, о размещении больных, старых, измученных товарищей, которые время от времени находились в Верховном штабе. Среди них такие люди, как [В.] Назор, Махин, [И.] Рибар и даже совершенно обычные, неизвестные бойцы» [23. С. 153].

Однако Федору Евдокимовичу нашлось применение. Помимо большого опыта руководства вооруженной борьбой, он владел рядом иностранных языков (русским, немецким, английским, французским, болгарским, чешским и сербохорватским с русским акцентом). Владение языками, наряду с академическим образованием, пониманием военно-политической ситуации, военной географии СССР и общей эрудицией оказались востребованными в штабе Тито в условиях дефицита информации о ходе войны. В обязанности Махина входило прослушивание и комментирование сведений различных радиостанций, прежде всего, советских и британских. Поскольку для прослушивания

радио требовалась тишина, Махину выделили отдельную комнату, которую он делил с шифровальщиком, что воспринималось другими работниками штаба с некоторой завистью как привилегия [24. С. 254]. Для нужд штаба Махин чертил карты и делал доклады [13. С. 275]. Кроме того, он участвовал в составлении и редактировании «Наставления по организационной структуре и основным задачам разведывательной службы на освобожденной и неосвобожденной территории», выпущенного не позднее 27 ноября 1942 г. за подписью Тито [25. С. 68; 26. С. 181; 27. С. 460–467]. Также Махин выступал с лекциями в войсках и публиковал обзоры военно-политической ситуации в «Военно-политическом обозрении Верховного штаба». Официально Федор Евдокимович состоял военным советником при Верховном штабе НОАЮ, работал переводчиком и сотрудником отдела пропаганды. В дневнике В. Дедиера сохранилась запись о том, как Махин 19 января 1943 г. взволнованно сообщил работникам штаба о прорыве блокады Ленинграда, случившейся накануне [28. С. 59]. Другому участнику партизанской борьбы запомнились комментарии Махина о Сталинградской битве [29. С. 252].

Партизанская война была сопряжена со смертельной опасностью не только для рядовых бойцов, но даже для работников штаба. В разгар боев 13 июня 1943 г. Махин с группой бойцов отделился от главных сил партизан и пытался прорваться от Сутьески в Герцеговину, однако в селе Чемерно попал в плен к четникам. Сохранилось полуанекдотическое описание его пленения в дневнике В. Дедиера, видимо, изложенное впоследствии самим Махиным. Четники «начали прыгать вокруг него. Один четник воскликнул: “Смотрите, русский еврей в партизанской шапке”» [28. С. 298]. Махину повезло — через два дня он сумел бежать с помощью местных партизан. Это было уже его вторым освобождением из плена четников, причем скрылся Махин в тех же местах, где жил в 1941–1942 гг. — в районе племени банян на границе Восточной Герцеговины и Черногории. Затем Махин не ранее августа возвратился к титовцам. Истории о том, как он сумел перехитрить четников и освободиться уже во второй раз, пользовались популярностью в штабе Тито.

26 сентября 1943 г. Махин вместе с деятелями науки и культуры подписал коллективное письмо протеста против убийства четниками ученого С. Милошевича (того самого, которого освободили вместе с Махиным у четников в 1942 г.) и поэта И.Г. Ковачича, которое было обнародовано через радиостанцию «Свободная Югославия» [30. С. 253].

Старый товарищ Махина генерал П.С. Махров вспоминал: «Махина я знал как талантливого офицера Генерального штаба, как храброго, доблестного офицера и большого патриота. В 1941 году он, будучи эмигрантом, считал своим долгом служить России. Тито любил и уважал Махина. Он его и произвел в генералы за боевые заслуги» [31. С. 101]. И в другом месте: «Махин был человек живого творческого ума, военно-образованный, выдающийся офицер Генерального штаба, обладавший сильной волей, мужеством и храбростью» [32. С. 192].

По свидетельству эмигранта В.А. Маевского, «после прихода немцев в Югославию полк[овник] Махин скрылся из Белграда в горы к партизанам Тито, в штабе которого играл большую роль как военный специалист. А когда Тито, после окончания войны, вступил в Белград, то, в ознаменование особых заслуг Махина, произвел его в генерал-майора, а затем и генерал-лейтенанта. Когда же этот его сотрудник скончался, то в Белграде устроены были исключительно пышные похороны» [33. С. 113].

Неудивительна апология Тито в брошюре Махина, изданной в 1944 г., где автор охарактеризовал Тито как носителя стратегической мысли НОАЮ, который воплощал высокие качества политического мыслителя и военачальника [34. С. 17].

В несколько романтической форме причины карьерного взлета Махина у Тито представил поэт Б.А. Слуцкий. По его словам, «тоска по строевому офицеру, с погонями, появилась у югославов сравнительно рано [...]. Авторитет русской армии как кадровой сказался и в том, что казачий полковник Махин, порвавший с Дутовым в 1919-м, очутившись у партизан, дослужился до генерал-лейтенанта, хоть и писал больше статьи о Суворове и Фрунзе и заведовал в Главном штабе военно-пропагандным отделом» [35. С. 65–66]. Махин был не единственным русским эмигрантом в окружении Тито. В Верховном штабе НОАЮ на посту начальника технического отделения служил В.Ф. Смирнов, а также некоторые другие выходцы из России.

Для Махина нашлась работа, соответствовавшая его военно-академическому образованию и опыту. Он служил одним из руководителей отдела радио и пропаганды штаба НОАЮ (по некоторым данным, заведовал им), сотрудничал с газетами и журналами («Борба», «Нова Југославија» и др.), составлял недельные обзоры положения на советско-германском фронте, готовил информационные материалы для радиостанции «Свободная Югославия» [21. С. 617, 632]. В дальнейшем стал первым начальником исторического отделения Генерального штаба югославской армии. В этом качестве Махин должен был собирать материалы о боевых операциях, анализировать успехи и неудачи партизан. Он писал большие пропагандистские статьи о Суворове и Фрунзе, активно занимался издательской деятельностью. В 1944 г. Махин в Белграде издал пропагандистскую брошюру «Вперед на Германию» [36], в Нови Саде также была выпущена его брошюра «Наша регулярная армия» (написана в сентябре 1944 г.). Кроме того, перу Махина принадлежат еще несколько произведений на сербском языке [2. С. 208]. Махин получил у югославов прозвище «атаман». Он считался в штабе Тито человеком высокообразованным, обладавшим широким кругозором и большим патриотом [21. С. 632]. Махин находился в дружеских отношениях с начальником югославского Генерального штаба генералом Арсо Йовановичем.

Указом от 1 ноября 1943 г. Тито произвел Махина в генерал-лейтенанты югославской армии, минуя чин генерал-майора, что стало актом признания его заслуг [37. С. 376]. Впрочем, в опубликованном в СССР дневнике Махина производство отнесено к 24 февраля 1944 г. Тито уведомил Федора Евдокимовича об этом телеграммой [38. С. 3].

1944 год остается наименее понятным в военной биографии Махина. В ряде материалов указано, что он побывал в СССР на праздновании 26-й годовщины Красной армии в феврале 1944 г., где ему была устроена торжественная встреча [4. С. 114; 39. С. 320]. Якобы знакомство с Красной армией произвело на Махина большое впечатление. Он вернулся из СССР в оптимистическом настроении и говорил о скорой победе над гитлеровцами. Судя по всему, источником этих сведений послужили материалы личного дела Махина, хранящегося в Сербии.

Однако такая поездка представляется маловероятной. Дело в том, что регулярного авиасообщения СССР с Тито тогда еще не было. Поездки были сопряжены с огромными трудностями и риском. Известно, что 23 февраля 1944 г. в Боснию после серии перелетов через Баку — Тегеран — Багдад — Каир — Триполи — Тунис — Бари — район города Петровац прибыла советская военная

миссия генерал-лейтенанта Н.В. Корнеева из Москвы [18. С. 229–239]. Миссии Корнеева пришлось высаживаться на импровизированный аэродром с планеров. Судя по всему, раньше марта Махин никуда вылететь не мог. Не подтверждаются сведения о такой поездке и в опубликованном в СССР дневнике Махина.

По имеющимся сведениям, летом 1944 г. Махин находился в Италии, на базе НОАЮ, а в конце августа прибыл в штаб Тито на остров Вис. После освобождения Белграда частями Красной армии 20 октября 1944 г. Махин в числе первых поздравил командующего 3-м Украинским фронтом маршала Ф.И. Толбухина с победой.

В ноябре 1944 г. была сформирована правительственная делегация Югославии для поездки в Москву. Главой делегации был премьер-министр и министр иностранных дел И. Шубашич. В составе делегации в СССР отправился и Махин как представитель Верховного штаба НОАЮ. Статус генерала союзной армии являлся определенной гарантией безопасности Махина в СССР. Перелет обеспечивали советские летчики. 14 ноября делегация вылетела с аэродрома Земун. Летели до Бухареста, совершив там сложную посадку. Далее до Москвы добирались поездом и прибыли 20 ноября на Киевский вокзал.

Делегацию торжественно встречали сотрудники Наркомата иностранных дел и Наркомата обороны во главе с заместителем Народного комиссара иностранных дел СССР И.М. Майским. В Российском государственном архиве кинофотодокументов сохранилась кинохроника этой встречи. Интересно, что Майский в 1918 г. в Самаре являлся министром труда Комуча, а Махин занимал высокий пост в Народной армии Комуча. Позднее же Майский вполне объективно охарактеризовал деятельность Махина в книге «Демократическая контрреволюция». Он, несомненно, понял, кем являлся гость из Югославии. Знал ли Махин о Майском и о его деятельности в 1918 г., читал ли его книгу — об этом можно только догадываться.

Нарком В.М. Молотов устроил для делегации завтрак. 22 ноября руководителей делегации вместе с Молотовым в течение трех часов и пяти минут принимал И.В. Сталин, однако в журнале посещений его кабинета Махин не указан [40. С. 444].

У Федора Евдокимовича была своя программа переговоров. В частности, он приехал в военную миссию НОАЮ в СССР со специальным поручением ознакомиться с организацией военного издательства в СССР и печатными материалами по опыту войны для того, чтобы организовать военное издательство в Югославии и перепечатать советские материалы, которые можно было бы положить в основу учебы по повышению квалификации офицеров НОАЮ. 30 ноября соответствующая просьба была направлена заместителю начальника Генерального штаба Красной армии генералу армии А.И. Антонову [41. С. 264]. Просьба была удовлетворена.

24 ноября югославская делегация улетела из Москвы². Но Махин, вероятно, задержался в СССР. Во всяком случае, в январе-феврале 1945 г. в газете «Красная звезда» вышла подцензурная публикация отрывков из его дневника за 1941–1944 гг. с апологией Тито. Кроме того, по одному из свидетельств, на обратном пути Махин на Украине встретился с женой. Следовательно, возвращался он на поезде, а не на самолете.

² К сожалению, в моей книге «Измена командармов» (М., 2020) указана ошибочная дата отъезда.

Если для Тито Махин был неприкасаемым как советский агент, то для Сталина он таковым оказался в качестве югославского генерала. И хотя прежние сослуживцы Махина по антибольшевистскому лагерю подвергались в те годы в СССР преследованиям даже за меньшие прегрешения, самого его не тронули ни за громкую измену 1918 г., ни за эсеровскую диверсионную деятельность начала 1920-х годов. Не было дано хода и заочному приговору в отношении Махина, вынесенному в 1922 г. на процессе партии эсеров и отложеному до возвращения Федора Евдокимовича на родину. При этом Махин верил в демократизацию советской власти.

В марте 1945 г. Федора Евдокимовича назначили начальником исторического отделения Генерального штаба НОАЮ и начальником военных архивов Югославии. Он сотрудничал с органом ЦК КПЮ газетой «Борба», будучи ее военным комментатором и даже якобы способствовал возвращению в СССР части золота, вывезенного чехословаками в Гражданскую войну из Сибири [42. С. 530]. 29 апреля 1945 г. ему наряду с другими офицерами и генералами была поручена разработка тем для подготовки военно-политической литературы. К 20 мая он должен был разработать тему «Место нашей народно-освободительной войны в общесоюзнической стратегии», а к 1 июня — «Обзор стратегии и тактики нашей войны» [43. С. 614].

Деятельность Махина отмечена одной из высших наград Югославии — орденом Партизанской звезды I степени (посмертно за храбрость, 4 июня 1945 г.) [44. С. 1] и памятной медалью бойца, участвовавшего в боевых действиях с 1941 г., а также советским орденом Ленина.

Знавший вдову Махина эмигрант Г.А. Малахов отметил, что Махин «дружил с Моше Пияде и Владимиром Назором. Он же утверждал, что после войны Ф.Е. Махин организовал в Калемегдане (часть Белграда) военный музей и был первым его начальником» [45. С. 156]. Генерал М. Пияде — один из ближайших соратников И.Б. Тито, в конце 1944 — начале 1945 г. (видимо, одновременно с Махиным) находился с политической миссией в Москве. Хорватский писатель и поэт В. Назор являлся одним из руководителей партизанского движения в Югославии. При этом вряд ли справедливо утверждение о том, что Махин организовал военный музей в Белграде, так как тот был создан еще в 1878 г.

В докладной записке посла СССР в Югославии И.В. Садчикова наркомучуженных дел СССР В.М. Молотову от 27 ноября 1945 г. о русской белой эмиграции в Югославии сообщалось, что «основная масса проживающих в настоящее время на территории Югославии русских эмигрантов изменила свое отношение к Советскому государству, став на патриотические позиции [...]». В настоящее время в рядах Югославской армии на различных должностях находится 443 эмигранта. Некоторые из них приняли активное участие в партизанском движении с самого его зарождения, занимая ответственные командные посты. Например, недавно умерший генерал-лейтенант Югославской армии Махин Федор» [3. С. 744–745]. В приложенной справке отмечалось, что Махин «еще до войны стал на патриотический путь по отношению к Советскому Союзу. После нападения Германии на Советский Союз Махин отдал себя в распоряжение народно-освободительного движения Югославии, а впоследствии стал одним из его организаторов» [3. С. 748].

Махин неожиданно заболел и скончался в Белграде 3 июня 1945 г. Поездка генерала в СССР незадолго до смерти породила разговоры о том, что его

смерть не была естественной. Можно допустить и другие версии, особенно с учетом высокой информированности Махина как куратора военных архивов НОАЮ (в частности, там хранились материалы о тайных переговорах титовцев с гитлеровцами). Однако, видимо, все было прозаичнее. Некоторые подробности, достоверность которых не представляется возможным проверить, изложил в воспоминаниях эмигрант Г.А. Малахов: «В 1945 году, после войны, он (Махин. — А.Г.) съездил в Москву. Несмотря на рекомендацию Иосифа Броз Тито, Сталин его не принял, а принял Молотов.

Сталин не разрешил Махину остаться в России и передал ему через Молотова: “Уезжайте назад в Югославию!”

На обратном пути на Украине он повидал свою первую жену. Сыновья не пришли повидать своего отца. Они еще перед войной публично отказались от него.

Все это Махина потрясло. Приехал он из России в Югославию больным. Лечился лекарствами, привезенными из Москвы. Его приемная дочь Ирина Лазаревна предлагала ему швейцарские лекарства, но Махин не стал их принимать. Он больше верил московским. Вскоре он умер. В Белграде прошел слух, что он был в Москве отравлен. Этому нелепому слуху верила и его вдова, Надежда Георгиевна.

Об этом она мне лично говорила, когда я ее навестил перед отъездом на Родину» [45. С. 156].

Возможно, предположения об отравлении Махина в СССР относились к более позднему времени охлаждения советско-югославских отношений и являлись антисталинской легендой. Если бы Махин являлся нежелательной для советского руководства фигурой, было бы намного проще задержать его в СССР. Кроме того, в августе 1948 г. в эмигрантской газете «Новое русское слово» со ссылкой на статью некоего сербского общественного деятеля в питтсбургской газете «Американски Србобран» публиковалась версия о том, что Махин умер после того, как был избит возле дома неустановленными лицами [46. С. 3].

Товарищ Махина генерал Махров, живший во Франции, считал, что тот умер от переутомления на войне [47. С. 349]. И хотя Махров судил об этом, скорее всего, только как сторонний наблюдатель, рациональное зерно в его оценке присутствовало. Три года походной жизни и партизанской войны с высокими физическими нагрузками при отсутствии элементарных бытовых удобств, не говоря о постоянном риске и нервном напряжении, являлись тяжелейшим испытанием даже для людей среднего возраста, Махину же в начале войны исполнилось 59 лет. А впереди были постоянные перемещения по территории Югославии, множество боев, два плена и побег.

На первой полосе газеты «Борба» группа видных генералов югославской армии, членов ЦК Компартии Югославии (включая Милована Джиласа, Арсо Йовановича, Кочу Поповича) подписала некролог. Другой некролог с идентичным началом напечатала газета «Политика». Обе газеты также поместили репортажи о похоронах Махина, прошедших 4 июня 1945 г.

В некрологе газеты «Политика» отмечалось, что Махин был необычайно симпатичной и интересной личностью, очень скромным и доброжелательным человеком [48. С. 3]. В старой России он как сторонник левых взглядов находился под подозрением, ссылка его отца в Сибирь также подавалась как акт политического преследования.

Прощание с Махиным проходило в Доме Югославской армии (Офицерском доме). Помощник начальника Генерального штаба генерал-майор Раде Хамович в траурной речи перед домом Югославской армии сказал: «Мы прощаемся с еще одним большим патриотом, большим сыном братской России, первоборцем³ нашей армии генерал-лейтенантом, нашим дорогим Федором Махиным. С момента своего прибытия в нашу страну он не пошел по пути тех беженцев из Советской России, которые начали создавать в Югославии реакционный центр для следующей интервенции в братский Советский Союз, уже в числе первых начал путем распространения книг разоблачать ложь о братском Советском Союзе, о его силе и о молодой Красной армии. Наши народы ему за это очень благодарны. А позже, когда те же предательские банды начали создавать батальоны и дивизии для борьбы против нашего народа, который в свое время оказывал им гостеприимство, наш дорогой Махин уезжает в Черногорию. Среди первых борцов седой старик берет в руки винтовку и сражается в течение четырех лет вместе с нами» [49. С. 5]. Махину противопоставлялись русские коллаборационисты, сотрудничавшие с гитлеровцами.

Траурная процессия с гробом, установленным на артиллерийский лафет, проследовала по улицам Краля Милана, Теразие, Краля Александра до Нового кладбища. Махина похоронили с воинскими почестями на белградском Новом кладбище на аллее народных героев Югославии возле памятника защитникам Белграда в 1915 г.

Возле могилы речь произнес генеральный секретарь президиума правительства М. Бакич, который сказал: «Я помню твои лекции в июне 1942 года, которые ты читал в Четвертой пролетарской бригаде. Первыми словами твоей лекции были: “Я, товарищи бойцы, говорю как русский, как русский патриот, и я считаю, что, сражаясь в ваших рядах, я защищаю свою родину, я защищаю братство и единство славянских народов”» [49. С. 5].

Р. Лалич от редакции газеты «Борба» отметил: «В генерал-лейтенанте Федоре Махине мы потеряли человека, чье благородное сердце билось не только за русский народ, не только за его великую родину, но и за нашу страну, и за наш народ. В Югославии Федор Махин нашел свою вторую родину, которой посвятил все свои большие способности и все рвение своего широкого славянского патриотизма. Не только борец и воин, Федор Махин был видным общественным деятелем, отличным военным писателем, публицистом и журналистом. В своих статьях он внушал веру в Красную армию в то время, когда немецкий фашизм готовился напасть на нашу страну и на Советский Союз. Его работа на французском языке “Красная армия” разоблачила распространенную ложь о мнимой слабости Красной армии. Имя Федора Махина навсегда останется в истории нашего народно-освободительного движения, в истории нашего народа» [49. С. 5].

Почетный караул дал три залпа салюта, а оркестр сыграл похоронный марш.

Как свидетельствовал генерал П.С. Махров, Махин пользовался уважением и любовью Тито, а погребение офицера «состоялось с возданием воинских почестей, соответствовавших его генеральскому чину. На похоронах присутствовал советский военный агент, прибывший поклониться праху усопшего» [50. С. 1308].

³ Первоборец – участник сопротивления с 1941 г.

На похоронах Махина присутствовали начальник Генерального штаба генерал А. Йованович, генеральный секретарь президиума правительства М. Бакич, заместитель председателя Антифашистского веча народного освобождения Югославии М. Вуячич, представители Народной скупщины Сербии, советской, болгарской и албанской военных миссий. Однако Й.Б. Тито отсутствовал, что свидетельствует, по-видимому, о не столь близких отношениях между ним и Махиным.

Именем генерала Махина в 1946 г. была названа одна из улиц Белграда, но в конце XX в. улицу в связи со сменой государственной идеологии переименовали, посвятив художнику Миче Поповичу [51. С. 81].

Участие во Второй мировой войне стало кульминацией карьеры Махина. На склоне лет он вписал в свою биографию, казалось бы, совершенно невероятную для простого русского эмигранта главу — стал приближенным генерального секретаря ЦК Компартии Югославии Й.Б. Тито и генералом НОАЮ. В итоге в силу разных причин с Махиным не смогли ничего сделать ни Тито, ни Сталин. Вместе с тем, ввиду недоступности и секретности многих важных документов о деятельности Махина в этот период, окончательное выяснение обстоятельств его работы в годы Второй мировой войны остается задачей будущих исследований.

Личный опыт Махина, наряду с кругом общения и принадлежностью к определенным политическим партиям и движениям, привел его в ряды борцов с фашизмом. Оборонческое движение еще в 1930-е годы выдвигало идеи защиты СССР от внешнего врага. Однако значительную часть активной военной эмиграции составляли озлобленные личной драмой, а порой и трагедией ветераны Белого движения, оказавшиеся в результате Гражданской войны у разбитого корыта на чужбине. В их среде люди типа Махина считались изгоями. Неудивительно, что в годы Второй мировой войны немало военных эмигрантов стали сотрудничать с нацистской Германией. При этом все они считали себя патриотами России. Подобная близорукость, с одной стороны, привела к печальным последствиям для самих эмигрантов, а, с другой, белая военная эмиграция, во многом, оказалась дискредитирована на весах русской истории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ганин А.В. Измена командармов. Представители высшего командного состава Красной армии, перешедшие на сторону противника в годы Гражданской войны в России 1917–1922 гг. М., 2020.
2. Voina Enciklopedia. Drugo izdanje. Beograd, 1973. Т. 5.
3. Русская военная эмиграция 20-х – 40-х годов: Док. и мат. Курск, 2017. Т. 10: Крах. 1939–1946 гг.
4. Јововић Б., Марческу Н. Први начелници историјских одељења главних Генералштабова војски краљевине Србије и краљевине Југославије и Генералштаба ЈА // Војно-историјски гласник (Београд). 2002. № 1–2.
5. Ехина Н.А. «История русского сопротивления... еще не написана»: К истории Союза советских патриотов в Югославии в годы Второй мировой войны // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына 2014–2015. М., 2015.
6. Мотов В. Пришло время рассказать... Финал (Бирк в Италии) // Новости разведки и контрразведки (Москва). 2004. № 19–20 (196).
7. Белоэмиграција у Југославији 1918–1941. Београд, 2006. Т. 1.
8. Тимофеев А.Ю. Положение русской эмиграции в Югославии в 1941 году // Славяноведение. 2006. № 4.

9. Kovačević S. Povezivanje sa Fjedorom Mahinom // Veze u NOV. Ratna Sećanja. 1941–1945. Beograd, 1981. Т. 2.
10. Н.Р. Ф.Е. Махин в рядах четнической армии // Новое Русское Слово (Нью-Йорк). 1942. 29.03. № 10630.
11. Махин Ф., генерал-лейтенант Народно-освободительной армии Югославии. Югославский дневник // Красная звезда. 1945. 17.01. № 14 (6002).
12. Махин Ф., генерал-лейтенант Народно-освободительной армии Югославии. Югославский дневник // Красная звезда. 1945. 31.01. № 25 (6013).
13. Dedijer V. Dnevnik. Rijeka, 1981. Т. 1.
14. Гимназия в лицах. Первая русско-сербская гимназия в Белграде (1920–1944). Авторы-составители А.Б. Арсеньев, М.Л. Ордовский-Танаевский. В двух кн. Белград, 2018. Кн. 1.
15. Zbornik dokumenata i podataka o Narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda. Beograd, 1981. Т. 14. Кн. 1.
16. Prva proletarska. Iustrovana monografija. Zagreb, 1984.
17. Фирсов Ф.И. Секретные коды истории Коминтерна 1919–1943. М., 2007.
18. Тимофеев А.Ю. Русский фактор. Вторая мировая война в Югославии. 1941–1945. М., 2010.
19. Odić S., Komarica S. Partizanska obavještajna služba 1941–1942. Zagreb, 1988. Кн. 3.
20. Гуренко Ю.С. Сталин – Тито. М., 1991.
21. Матовић И. Војсковођа с ореолом мученика. Повест о генералу Арсу Р. Иовановићу начелнику Врховног штаба НОВЈ и његовој трагичној судбини. Београд, 2001.
22. Savić B. Rad šifranata u Vrhovnom štabu – uspostavljanje veze sa Kominternom i nase prve sifre // Veze u NOV. Ratna Sećanja. 1941–1945. Beograd, 1981. Т. 2.
23. Dedijer V. Dnevnik. Rijeka, 1981. Т. 3.
24. Savić P. Mirnodopski život u Bihaću omela je ofanziva // Bihaćka Republika. 4.11.1942–29.1.1943. Beograd, 1965. Кн. 1.
25. Милошевић М. Полицијско-безбедносно структуре у окупираној Србији 1941–1944 // Гласник историјског архива Ваљево. 2002. № 36.
26. Akrap G. Mač i štit u rukama Partije – represivni sustav u funkciji oblikovanja korpusa javnog znanja // National Security and the Future. 2010. № 4 (11).
27. Zbornik dokumenata i podataka o Narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda. Beograd, 1957. Т. 2. Кн. 6.
28. Dedijer V. Dnevnik. Rijeka, 1981. Т. 2.
29. Nikolić G. Partizanski sanitet u vreme stvaranja AVNOJ-a // Bihaćka Republika. 4.11.1942–29.1.1943. Beograd, 1965. Кн. 1.
30. Tito J.B. Sabrana djela. Beograd, 1984. Т. 16.
31. Махров П.С. Белая эмиграция в период 2-й мировой войны // Бахметевский архив русской и восточноевропейской истории и культуры (Колумбийский университет, Нью-Йорк, США. Далее – BAR). P.S. Makhrov Collection. Вох 6. Ч. 1. Тетрадь 2.
32. Махров П.С. Белая эмиграция в период 2-й мировой войны // BAR. P.S. Makhrov Collection. Вох 6. Ч. 2. Тетрадь 3.
33. Маевский В.А. Русские в Югославии. Нью-Йорк, 1966. Т. 2.
34. Махин Ф. Наша регуларна војска. Нови Сад, 1944.
35. Слуцкий Б.А. О других и о себе. М., 2005.
36. Махин Ф. Јуриш на Немачку. Београд, 1944.
37. Зборник докумената и података о народноослободилачком рату југословенских народа. Београд, 1949. Т. 2. Кн. 1.
38. Махин Ф. Югославский дневник // Красная звезда. 1945. 10.02. № 34 (6022).
39. Иветић В. Махин Ф.Ј. // Српски биографски речник. Нови Сад, 2014. Т. 6.
40. На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И.В. Сталиным (1924–1953 гг.). Справочник. Науч. ред. А.А. Чернобаев. М., 2008.
41. Сергиенко А.М. АГОН – авиационная группа особого назначения. М., 1999.
42. Серков А.И. Русское масонство 1731–2000: Энциклопедический словарь. М., 2001.
43. Zbornik dokumenata i podataka o Narodnooslobodilačkom ratu jugoslovenskih naroda. Beograd, 1969. Т. 9. Кн. 9.
44. Фјодор Јевдокимовић Махин, генерал-лајтнант // Борба (Београд). 1945.04.06. № 134.
45. Малахов Г.А. Записки эмигранта // Архив Дома русского зарубежья им. А. Солженицына. Ф. 35. Оп. 1. Д. 11. Выражаю благодарность К.К. Семенову за предоставленные сведения.
46. Как был ликвидирован полковник Махин // Новое Русское Слово. 1948.16.08. № 13261.

47. *Махров П.С.* Белая армия в эмиграции // BAR. P.S. Makhrov Collection. Вох 6. Тетрадь 4.
48. Умро је генерал-лајтнант Фјодор Махин // Политика (Белград). 1945.04.06.
49. Свечана сахрана генерал-лајтнанта Фјодора Махина // Политика. 1945.06.06.
50. *Махров П.С.* Предания и воспоминания об академии и Генерального штаба // BAR. P.S. Makhrov Collection. Вох 2. Ч. 4. Тетрадь 9.
51. *Косик В.И.* Что мне до вас, мостовые Белграда? Русская диаспора в Белграде. 1920—1950-е годы. Эссе. М., 2007.

Славяноведение, 2021, № 3, с. 36–49

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 3, pp. 36–49

DOI: 10.31857/S0869544X0014852-0

Оригинальная статья /
Original Article

Этнический состав населения Истрии с конца XIX до начала XXI века

© 2021 г. А.А. Пивоваренко

Институт славяноведения РАН

aleksandar.a.p@ya.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта РНФ по проекту 20-78-10030
«Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций
у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона».

Аннотация. В статье ставится вопрос о содержании феномена региональной идентичности населения полуострова Истрия. Данные переписи населения 2011 г. в Хорватии фиксируют значительные расхождения между условными понятиями «Региональное самосознание»/«Остальные», фигурирующими в научной литературе, и реальной, более комплексной, этнорелигиозной картиной полуострова Истрия. Рассмотренный в статье комплекс исторических и социологических данных дает основу для более детального изучения этнополитической проблематики Истрии, а также истории развития общественных движений и политических партий Истрии с конца 1980-х годов, выступающих за сохранение особого статуса региона в составе Хорватии.

Ключевые слова: Истрия, Пула, Триест, фашизм, этнонационализм, Хорватия, Италия, Словения, хорваты, итальянцы, итальянский язык, хорватский язык.

Ссылка для цитирования: Пивоваренко А.А. Этнический состав населения Истрии с конца XIX до начала XXI века // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 36–49. DOI: 10.31857/S0869544X0014852-0

Ethnic composition of the population in Istria from the end of XIX till the beginning of XX century

© 2021 A.A. Pivovarenko

aleksandar.a.p@ya.ru

Abstract. The article raises the question of what constitutes the phenomenon of Istrian regional identity. The results of 2011 census in Croatia show a significant discrepancy between the conditional notions of «Regional identity» / «Others» that appear in the scientific literature and the real, more complex, ethnoreligious picture of the Istrian peninsula. The complex of historical and sociological data reflected in the article provides a basis for a more detailed study of the ethno-political issues of Istria, as well as the history of the development of social movements and political parties in Istria since the late 1980s, that support the preservation of the special status of Istria within Croatia.

Keywords: Istria, Pula, Trieste, fascism, ethnic nationalism, Croatia, Italy, Slovenia, Croats, Italians, Italian language, Croatian language.

For citation: Pivovarenko A.A. Ethnic composition of the population in Istria from the end of XIX till the beginning of XX century // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2021. No. 3. Pp. 36–49. DOI: 10.31857/S0869544X0014852-0.

На протяжении XX в. полуостров Истрия находился в составе сразу нескольких государственных образований (Австро-Венгрия, Италия, социалистическая Югославия, Хорватия, Словения). Хотя вопрос принадлежности (истрийской территории) сегодня не является предметом политических разногласий между Хорватией и Италией, ряд социологических и историографических сюжетов указывает на наличие серьезной дискуссии вокруг болезненных вопросов, таких как изменение этнических пропорций на полуострове, изгнание инородного населения, вопросы самоопределения и идентичности.

Положение Истрии в составе Хорватии — государства, номинально относящегося к группе «национальных государств» с унитарным устройством — является любопытным. Хотя Хорватия в середине 1990-х годов, как представляется, решила многие проблемы, связанные с национал-сепаратизмом, централистские усилия Загреба в наименьшей степени коснулись Истрии, где в 1990-е годы возникло региональное движение, имевшее признаки итальянского автономизма. С 1992 г. в Истрии на местном уровне несменяемой является партия «Истрийский демократический сабор» (ИДС) (хорв. Istarski Demokratski Sabor, ит. Dieta Democratica Istriana), использующая в агитации лозунги на итальянском языке и утверждающая идею создания в Истрии мультикультурного мультиязычного толерантного общества (идея «особой истрийской идентичности») при увеличении степени административной самостоятельности региона [1]. Позиция партии ИДС в данном вопросе принципиально расходится с идеологией построения централизованного национального государства, проповедуемой правящей правопоцентристской партией «Хорватское демократическое содружество» (хорв. Hrvatska Demokratska Zajednica), уровень влияния которой в Хорватии после 2015 г. вырос и стремится к политической монополии [2. С. 300–303].

Данные о составе населения Истрии с 1880-х годов до начала XXI в. свидетельствуют о значительных изменениях этнических пропорций между итальянским и славянским (хорватским и словенским) населением. Особый интерес в этой связи вызывает вопрос о содержании категорий «Региональное самосознание» и «Остальные», фигурирующих в югославских и хорватских переписях населения, которыми обозначается население неопределившееся по основным параметрам (хорваты/итальянцы). Значительные статистические колебания данных категорий — в частности категории «Региональное самосознание», введенной в переписи в 1981 г., и трижды менявшей свои пропорции (выросшей к 1991 г. в 9,4 раза, сократившейся в 2001 г. в 3,74 раза и снова выросшей в 3 раза по данным переписи 2011 г. — нуждаются в подробном изучении.

Таким образом, для дальнейшего изучения вопроса «особой истрийской идентичности» необходимо рассмотреть динамику изменения этнонациональных пропорций населения Истрии с конца XIX по начало XXI в., ввести ее в историко-политический контекст эпохи, отразить основные параметры историографической дискуссии, касающейся вопроса изменения состава населения полуострова Истрия. Статья построена на изучении известных статистических данных о составе населения Истрии, материалов хорватской, итальянской

и истрийской (региональной) историографии, занимавшейся данным вопросом. Характеризуя выявленные изменения, я использую элементы историко-сравнительного метода и дискурс-анализа (в части критического отношения к статистическим данным и выявления смыслов, существующих в историографической и общественной дискуссии).

В рамках проблемы расхождения статистических данных необходимо выявить ключевые изменения показателей в переписях населения, проводившихся на полуострове Истрия с конца XIX в. по 1991 г. и их интерпретации. Объектом анализа, помимо данных о составе населения, являются работы Д. Степановича, Д. Дуковски, М. Клеменчича и других исследователей, занимавшихся вопросом населения Истрии конца XIX – первой половины XX в. и вступивших в полемику с итальянской историографией по болезненным вопросам этнонациональной политики, возникшим в ходе политических событий XX в. Сопоставление материалов, собранных исследователями, обнаруживает значительные расхождения фактических данных.

Д. Степанович и М. Клеменчич ориентировались на материалы австрийских довоенных переписей, итальянских переписей межвоенного периода, исследования итальянских авторов (см. табл. 1). Очевидно, пропуск данных за 1921 и 1931 гг. вызван их отсутствием в работах, на которые ссылается Д. Степанович. Сведения за период с 1948 по 2011 г. взяты из переписей, проводившихся в период социалистической Югославии (с 1948 по 1991 г.) и независимой Хорватии¹.

Д. Дуковски, специалист по истории Истрии 1920–1950-х годов, уделил большое внимание источникам межвоенного периода, а также итальянской историографии. Отправной точкой в его исследованиях также является 1910 г. Однако в силу незавершенности процесса национально-государственного самоопределения в начале XX в. выделенные им этнополитические категории являются менее четкими (см. табл. 2). Вместо понятия «хорваты» исследователь вводит понятие «говорящие на хорватском языке». Также обнаруживается скептическое отношение к тезису о том, что «язык служил критерием национального самоопределения», из чего следует, что некоторые представители хорватского этноса также могли использовать итальянский язык в качестве основного (см. табл. 2, сноска 6). Следует отметить, что данные за 1910 г. охватывают только 95% населения полуострова, не учитывая 5% населения, принадлежавшего к другим нациям. А в подсчетах за 1921 г. Д. Дуковски, в отличие от Д. Степановича, отсутствуют некоторые этнические группы – в частности немцы.

Проблематику переписей межвоенного периода охарактеризовала М. Ю. Мартынова: «Старые переписи преуменьшали число славянского населения, так как учитывали не национальность, а “разговорный язык” – для многих славян таковым был итальянский. Поэтому, по данным переписей, доля славян в Триесте составляла от 8 до 27%, тогда как в действительности их, как считают эксперты, было не менее 40% в самом городе, пригороды же и окрестности были полностью славянскими. Однако доказать это точными цифровыми данными было весьма трудно» [7. С. 158]. Расхождения в данных значительно затруднили работу международной комиссии по демаркации

¹ См.: Klemenčič et al., «Promjene narodnosnog sastava Istre 1880–1991»; M. Bertoša, Istarska enciklopedija; G. Perselli, I censimenti della popolazione dell'Istria, con Fiume e Trieste, e di alcune città della Dalmazia tra il 1850 e il 1936 [3. S. 160].

Таблица 1

Население Истрии с 1880 по 2011 г. по данным Д. Степановича, М. Клеменича и др.
 [3. S. 160–161; 4. S. 623–627]

Население, чел. (%)							
Год	Хорваты	Словенцы	Итальянцы	Немцы	Регион. самосознание	Остальные	Всего
1880 ²	81 175 (45,5)	6995 (3,9)	79 155 (44,4)	4 231 (2,4)	неизв.	6 825 (3,8)	178 831
1910 ³	126 478 (47,7)	10 254 (3,8)	98 520 (37,2)	12 452 (4,7)	неизв.	17 132 (6,5)	264 836
1921	—	—	—	—	—	—	240 221
1931	—	—	—	—	—	—	251 065
1945 ⁴	160 872 (69,1)	2 771 (1,2)	58 861 (26,2)	неизв.	неизв.	10 443 (4,5)	232 767
1948	155 701 (75,3)	4 606 (2,2)	42 727 (20,7)	неизв.	неизв.	3 619 (7,4)	206 653
1953	155 603 (77,8)	5 552 (2,8)	23 934 (12)	неизв.	неизв.	14 729 (7,4)	199 278
1981	157 112 (72,2)	3 434 (1,6)	7 859 (3,6)	неизв.	3 691 (1,7)	45 510 (20,9)	217 606
1991	135 170 (57,7)	3 671 (1,6)	15 627 (6,7)	неизв.	37 654 (16,1)	42 023 (17,9)	234 145
2001	148 328 (71,9)	2 020 (1,0)	14 284 (6,9)	180 (0,09)	8 865 (4,3)	32 667 (15,83)	206 344
2011	142 173 (68,33)	1 793 (0,86)	12 543 (6,03)	неизв.	25 203 (12,11)	26 343 (12,66)	208 055

итальянско-югославской границы в районе Триеста (1946 г.). Примечательно и иное расхождение — между данными абсолютной численности населения за 1945 г., встречающимися у Д. Дуковски, с одной стороны, и другими авторами — с другой (см. табл. 2, сноска 8).

В 1945–1948 гг. большая часть полуострова Истрия (за исключением г. Триеста) перешла в состав социалистической Югославии, где большая (около 90%) его часть вошла в состав Хорватии, а меньшая (около 10%, включая города Копер и Поторож) досталась Словении. Возникновение в Истрии республиканских границ, в 1991 г. ставших государственными, привело к изменению методики подсчета населения, проводившегося теперь в каждой республике отдельно. Следовательно, при анализе ситуации в современной Истрии вернее говорить о границах Истрийской жупании (административная единица современной Хорватии). Отдельно следует рассматривать ситуацию в словенской Истрии, как и в Триесте, находящимся в составе Италии. Кроме того, как отметила М.Ю. Мартынова, на сегодняшний день также нет точной статистики, отражающей этнический состав населения Триеста, поскольку все граждане Италии рассматриваются как итальянцы [7. С. 158–159].

Изменение методики подсчета объясняет значительное снижение численности населения Истрии, фигурирующее в хорватских работах, основывающихся

²См.: Posebni popis miestah u Primorju, izdala C. K. Statistička Komisija, Wien 1885 [4. S. 623].

³См.: Spezial ortstreptorium fur das Osterreichisch-Ilyrische Kustenland, K. k. Statistisehen Zentralkommission, Wien 1918 [4. S. 624].

⁴См.: Cadastre National del'Istrie 1. 10. 1945, Sušak, 1946 [4. S. 624].

Таблица 2

**Хорватское, словенское и итальянское население Истрии по подсчетам Д. Дуковски
[5. S. 635–636; 6. S. 147]***

Год	Население (%)						Всего
	На хорв. языке	На словен. языке	На итальян. языке	Немцы	Регион. самосознание	Остальные	
1910	175 945 (43,52)	57 691 (14,27)	154 194 (38,14) ⁵	—	—	—	404 286 (процентным соотношением «охвачено» 387 840 чел.) ⁶
	хорваты	словенцы	итальянцы				
1921	168 000 (45,5)	55 000 (14,8)	147 000 (39,7)				ок. 370 000 (без учета немцев и других нацио- нальностей)
1931							
октябрь 1945 ⁷	176 075 (53)	54 210 (16,3)	91 316 (27,5)				332 271
1948							163 527 ⁸
1953							158 220
1961							176 838
1971							175 429

в большинстве своем на переписях социалистического периода (с 1948 по 1991 г.). При этом эти данные также не являются бесспорными. Так, они лишь частично отражают проблему оттока из Истрии итальянского населения, произошедшего с 1940–1960-е годы (см. ниже). Кроме того, данные переписей Истрии 1948–1971 гг. были поставлены под сомнение Д. Дуковски, который ориентировался в этом вопросе на подсчеты другого исследователя А. Лаушича (см. табл. 2, сноска 9).

В целом если ситуация до середины XX в. характеризуется отсутствием верифицированных данных при наличии достаточно однозначных интерпретаций, то начиная со второй половины 1940-х годов наличие вполне подтвержденных данных югославских переписей уравнивается наличием дискуссии

* Таблица составлена мной, данные, выделенные курсивом, также высчитаны мной на основании данных источника. — А.П.

⁵ Приводя данные о говорящих на итальянском языке, Д. Дуковски сделал оговорку, что «10–12% говоривших на итальянском языке также относились к хорватскому этносу» [5. S. 635]. Хотя утверждение носит политический характер, оно имеет определенные основания ввиду особенностей самоопределения жителей-билингвов или выходцев из смешанных семей, обусловленных бытовыми нюансами (например, отсутствием в смешанной, итальянско-хорватской, семье одного из родителей и ограниченными возможностями, в связи с этим, участвовать в воспитании ребенка. — А.П.).

⁶ В данных за 1910 и 1921 г. Д. Дуковски ориентируется на работы итальянских исследователей Francesco SALATA, *Per le nuove provincie e per l'Italia*, Roma 1922., 386.; G. SALVEMINI, *Dal Patto di Londra alla pace di Roma*, Torino 1925., 88.–89.; *Dalla guerra alla dittatura*, III/2, Milano 1964., 293. А также на документальные данные архива г. Пула DAP, Prefektura Pula (dalje: PP) (1931.), kut. 111, fascioli X-2/5 [5. S. 635].

⁷ Источник этих данных неясен [5. S. 147].

⁸ Данные за 1948, 1953, 1961 и 1971 гг. взяты из Ante Laušić, «Prilog proučavanju staleških razlika i društveno-gospodarskih odnosa u srednjovjekovnim Poljicama», Radovi, Zagreb, Zavod za hrvatsku povijest, god. 15, 1982, str. 5–32 [5. S. 634–636; 6. S. 147].

об итальянских беженцах из Истрии, а также о содержании понятия «региональная идентичность» или «истрийская идентичность». Далее охарактеризуем основные параметры дискуссии, ведущейся в хорватской, итальянской и истрийской историографии по данным вопросам.

Основные расхождения в определении населения Истрии касаются периода с 1910 по 1945 г., когда полуостров находился не в составе Югославии. Оба источника данных свидетельствуют о значительном снижении абсолютной численности населения Истрии. Однако масштабы этого снижения авторам представляются по-разному. Так, Д. Степанович утверждал, что с 1910 по 1948 г. население Истрии сократилось с 264 до 206 тыс. человек (табл. 1), в то время как Д. Дуковски написал о сокращении населения Истрии с 404 до 163 тыс. человек к 1948 г. (табл. 2). Следует отметить, что оба автора сходятся в том, что 1910 г. был пиковым с точки зрения абсолютной численности населения Истрии — в течение следующих десятилетий, в том числе в социалистический период, оно так и не достигло этого уровня.

По итогам Первой мировой войны Истрия вошла в состав Италии. Передача полуострова под начало Рима являлось одним из условий Лондонского договора 26 апреля 1915 г., заключенного между Италией и Антантой, в соответствии с которым Италия покинула Тройственный союз и продолжила войну на стороне Антанты.

23 марта 1919 г. в Милане был создан Итальянский союз борьбы, преобразованный в ноябре 1921 г. в Национальную фашистскую партию (НФП). В апреле 1919 г. первые фашистские сообщества возникли в Пуле, а в июле они появились в остальных городах южной и западной Истрии (Воднян, Ровинь, Пореч, Пиран, Копер, Пазин, Лабин). К 1928 г. в Истрии действовало 67 ячеек и секций НФП куда входили 6823 человека [8. S. 128–129]. Укрепление фашистского режима сопровождалось мерами ассимиляторского характера — в 1920 г. были введены запретительные меры в отношении издававшихся в Триесте газет на хорватском языке: либеральной газеты «*Pučki prijatelj*» (рус. «Друг народа») и либеральной «*Stara naša sloga*» (рус. «Наше древнее единение»). Единственным оппозиционным изданием стала газета «Слово Истрии» (хорв. «*Istarska riječ*»), издававшаяся с января 1923 по январь 1929 г. Осенью 1923 г. было принято положение о преподавании в школах исключительно на итальянском языке [9. S. 485, 491]. Осенью 1923 г. началась реализация школьной реформы министра образования фашистской Италии Дж. Джентиле о ведении в школах преподавания исключительно на итальянском языке, а затем и в судопроизводстве. Запрещались хорватско-словенские культурные, религиозные, спортивные общества. С введением в 1926 г. Специального трибунала в связи с законом о защите государства (ит. *Tribunale Speciale per la difesa dello Stato*) начались судебные процессы против жителей Истрии: с февраля 1927 по июль 1932 г. были осуждены 106 человек, в общей сложности получивших 1124 года тюремного заключения, пятерых приговорили к смертной казни (при том, что в рамках всей Италии в этот период было вынесено всего девять смертных приговоров) [5. S. 636]. Осуществлялась практика переименования имен на итальянский манер [10. С. 383–401; 11. С. 106–111].

Д. Дуковски утверждал, что в 1910 г. 43,52% населения Истрии говорило на хорватском языке, а в 1921 г. на полуострове проживали 168 тыс. хорватов, 55 тыс. словенцев и 147 тыс. итальянцев. На основании «вилки» между данными процентного соотношения 1910 г. и абсолютными данными, найденными

в архиве г. Пулы за 1921 г. и итальянской историографии (см. табл. 2, сноска 7) исследователь заключил, что с 1910 по 1921 г. полуостров покинуло 23 тысячи хорватского населения. Мои подсчеты (см. выделение курсивом в табл. 2) на основании процентных данных 1910 г. и абсолютных данных 1921 г. показали снижение хорватского населения лишь на 7 тыс. человек. Расхождение абсолютных и процентных данных в целом объясняется оговоркой Д. Дуковски, что «10–12% населения, говорившего по-итальянски, также принадлежало к хорватскому этносу» (при этом аргументы в пользу этого уточнения не представлены) [5. S. 635].

Не имея точных данных за 1930–1940-е годы, Д. Дуковски сделал далеко идущий вывод, что к началу Второй мировой войны национальная структура по причинам насильственной ассимиляции изменилась в пользу итальянцев [5. S. 635]. При этом исследователь вполне обоснованно выразил сомнение в достоверности данных переписей населения, проводившихся в фашистской Италии в 1931 и 1936 гг.: в отличие от переписи 1921 г., когда определение состава населения учитывало языковой признак, переписи 1930-х годов проводились «в соответствии с фашистскими идеологическими установками о едином народе и едином языке в Италии» [5. S. 635]. Оценки других хорватских исследователей, содержащиеся в работах 2000-х годов, говорят о том, что с 1918 по 1943 г. Истрию покинули 53 тысячи хорватов, при том, что на 29 тысяч увеличилось число итальянцев [12. S. 128].

Хорватские исследователи склонны подчеркивать мотивы репрессий в отношении славянского (прежде всего хорватского населения) в фашистской Италии. Однако статистические данные 1930-х годов по Истрии, при всей ограниченности, не дают основания утверждать с определенностью, что итальянская национальная политика, развернувшаяся на полуострове в 1920-е годы, основывалась на вытеснении нетитульной нации. Приводимые в исследованиях абсолютные цифры не являются значительными при сравнении с репрессиями, совершавшимися в отношении других этнических групп Восточной Европы в годы Второй мировой войны (сербы в Хорватии), а также в ходе этнических чисток 1990-х годов. Характерно, что при драматизации итальянского воздействия хорватской стороной не используются радикальные понятия «геноцид» и «этническая чистка», как в отношении событий в Боснии и Герцеговине лета 1995 г. в Сребренице или хорватских беженцев с территории Сербской Краины. Очевидно, что, констатируя факт репрессий в Истрии, хорватские авторы не стремятся политизировать данный вопрос, что объясняется особенностями политических отношений Хорватии и Италии.

По итогам Второй мировой войны большая часть полуострова Истрия перешла в состав Хорватии. Данные послевоенных переписей показали рост числа хорватского населения в Истрии, доля которого выросла к 1953 г. до 77,8 % (см. табл. 1). Хорватские авторы М. Клеменчич, В. Кушар и Ж. Рихтер объяснили это достаточно просто: «Уже первая перепись 1945 г. показала, что переписи австрийского времени “скрывали” значительное число истрийских хорватов» [4. S. 613], ставя, как и многие другие хорватские авторы во главу угла вопрос о национал-централистской политике фашистской Италии, в соответствии с которой славянское население должно было быть ассимилировано.

Однако данный подход скрывает более серьезную проблему оттока беженцев и политической эмиграции, затронувшую Истрию в связи с политическими событиями второй половины 1940-х — середины 1950-х годов, а именно в связи

с кризисом вокруг Триеста, разделением города на англо-американскую («Зона А») и югославскую сферу влияния («Зона Б») с последующей демаркацией границы.

По данным югославских переписей общее население Истрии снизилось с 232 тыс. человек в 1945 г. до 199 тыс. в 1953 г. (табл. 1). Хотя в силу политических причин данные могут быть заниженными, они явно говорят о значительном смещении баланса не в пользу итальянского населения: если хорватское население с 1945 по 1953 г. снизилось всего со 160 до 155 тыс., то итальянское население сократилось с 58 до 23 тыс. (в процентном соотношении с 26,2% до 12%), а к 1981 г. и вовсе достигло минимального уровня 3,6%. Отмечу, что данные переписи 1981 г. вызвали резкий протест Итальянского союза Истрии и Риеки, потребовавшего от югославского правительства расследования причины возникновения таких низких показателей [13. S. 662].

Ключевой точкой разногласий между хорватской и итальянской историографией является вопрос об итальянских беженцах из Истрии в Италию. Отток значительной массы итальянского населения в 1943–1956 гг., вызванный событиями Второй мировой войны, политическими репрессиями югославского правительства, а также постановлением 1948 г., разрешавшим выезд итальянцев за рубеж, получил название в историографии как «исход итальянцев» (хорв. *egzodus Talijana*, ит. *Il grande esodo*). Абсолютные данные югославской (хорватской) и итальянской историографии по этому вопросу расходятся. Например, данные Итальянской энциклопедии (Трессани) и Союза беженцев в Италию (*Associazione degli esuli*) говорят о 300 и 350 тыс. беженцев, пришедших из Юлийской Краины (полуостров Истрия и прилегающие районы к итальянской границе) и Далмации. Югославские данные конца 1980-х годов (Центр исторических исследований г. Ровинь) говорят о 201 440 изгнанников. В дальнейшем обе цифры претерпели коррекцию, и теперь хорватская и итальянская историография фиксируют цифру в 200–225 тыс. беженцев из района Истрии и Риеки в 1945–1971 гг. [5. S. 662–664]. Более радикальная трактовка, присутствующая в хорватской историографии, настаивает на том, что в общей сложности районы Истрии, г. Риеки и г. Задара к началу 1970-х годов покинули до 116 тыс. итальянцев и 25 тыс. хорватов [14. S. 638]. Причем даже эти, вероятно заниженные, данные слабо сочетаются с показателями югославской статистики (табл. 1), по которой максимальный спад населения Истрии с 1945 по 1953 г. составил всего 33–34 тыс. человек.

Таким образом, существует значительное расхождение статистических данных, порожденное политическими причинами, методологией подсчета и географией охвата проблемы (с одной стороны — беженцы из Юлийской Краины, Далмации, с другой — беженцы из Истрии как географической категории, включающей и Хорватию, и Словению, с третьей стороны, беженцы из районов Истрии, отошедших к республике Хорватия). При том, что в 2000-е годы в научной хорватской литературе возобладал примирительный тон (по отношению к тональности публикаций 1990-х годов), представители итальянского сообщества в Истрии занимают более радикальную позицию по вопросу беженцев: «Всего в течение нескольких лет исходом итальянцев были искоренены столетние традиции цивилизации, изменению подверглась мультикультурная и мультиэтническая идентичность полуострова», — отметил Э. Джуричин, утверждая что «более половины» населения Истрии и г. Риека покинули родной дом начиная со второй половины 1940-х годов [13. S. 653]. Очевидно, что разногласия по этому вопросу продолжают сохраняться.

В послевоенный период, как уже указывалось выше, наблюдалась тенденция к смещению баланса населения Истрии. По данным переписи 1981 г. доля хорватского населения (72,2% или 157,1 тыс.) несколько снизилась относительно пикового уровня 1953 г. (77,8%). Но даже при этом драматическим выглядит сокращение итальянского населения до уровня 3,8% к 1981 г. (7859 человек), а также словенской диаспоры (которая с 1953 по 1981 сократилась с 5552 до 3434 человека, т.е. на 39%). При этом общая численность населения полуострова выросла с 199 тыс. в 1953 г. до 217 тыс. в 1981 г. В какую же категорию попадает неучтенное население?

К началу 1980-х годов применительно к Истрии возникло такое понятие как «региональная идентичность», к которой переписью 1991 г. было отнесено более 16% населения полуострова. Значительна и группа «остальные», составлявшая в этот период 17–20% населения полуострова (42–45 тыс. человек). На сегодняшний день имеющиеся исследования не дают точного ответа о параметрах классификации данных групп. Поэтому ответ возможно дать только на основе общего контекста.

Во-первых, в данный период в Югославии наблюдалась определенная тенденция к преодолению этнических различий. В значительной степени это затронуло Хорватию, где доля населения, определявшего себя как «югославы», выросла с 2,34% в 1971 г. до 8% в 1981 г. Хорватия заняла первое место в Югославии по числу межатнических браков [15. С. 63]. Во-вторых, наблюдался приток населения в Истрию из других районов Югославии, (например, из Боснии и Герцеговины и албанских районов Югославии), обусловленный развитием туристической отрасли [4. С. 614].

В-третьих, во второй половине 1960-х годов в Югославии (как и во всей Европе, охваченной событиями 1968 года) развивались процессы либерализации, приведшие к всплеску националистических настроений. Прежде всего они затронули Хорватию, где возникло так называемое массовое движение («хорватская весна»), в рамках которого были выдвинуты лозунги по реабилитации хорватской культуры.

В-четвертых, либерализация и «массовое движение» также затронули и Истрию, где в этот период активно действовал Итальянский союз Истрии и Риеки (хорв. Talijanska unija Istrei Rijeke, ит. Unione degli Italiani dell'Istria e di Fiume). Возникший в июле 1944 г. как движение итальянских антифашистов, присоединившихся к югославскому партизанскому движению, с середины 1960-х годов Союз стал активно выступать за реабилитацию итальянской культуры в рамках республики Хорватия. Требования итальянской стороны включали широкий круг вопросов, включая право на поддержание научно-культурных связей с соответствующими организациями Италии, свободу книгопечатания и издательской деятельности, сохранение итальянских названий популярных отелей и туристических достопримечательностей [13. С. 659–660]. Несмотря на попытки Союза коммунистов Хорватии ограничить деятельность Итальянского союза, он так и не был запрещен и продолжил функционировать вплоть до конца 1980-х годов⁹.

Любопытно, что демографические изменения осознавались и на прикладном уровне. Так, в середине 1970-х годов исследователи в области

⁹ Не последнюю роль в данном вопросе сыграло Осимское соглашение 10 ноября 1975 г. между Югославией и Италией, урегулировавшее спорные вопросы в районе Триеста и основывавшееся на принципе пропорциональности в защите нацменьшинств. — А.П.

безопасности видели в подъеме итальянского движения в Истрии не только связь с итальянскими неофашистскими организациями (активизировавшимися в Италии в период так называемых свинцовых семидесятых), но и инструмент расширения НАТО, заинтересованного в компенсации потерь на южном фланге, вызванных (временным) выходом из НАТО Греции в 1974 г. в связи с Кипрским кризисом. Анализируя возможные угрозы, исходящие со стороны Италии, Р. Павич отметил, что контроль над побережьем Адриатики зависит «не только от мощи соседней морской державы, но и [...] от силы нашего южнославянского этнического, политико-генетического и государственного тыла» [16. S. 128]. Таким образом, мотив итальянской угрозы, получивший развитие в 1990-е годы (см. ниже), фигурировал в научно-политической литературе уже в середине 1970-х годов, хотя и осмысливался в крайне нетипичном (с позиции сегодняшнего дня) антинатовском русле югославской политики «неприсоединения» и славянского объединения.

К моменту распада Югославии доля населения хорватской Истрии, самоопределившаяся в качестве представителей «титульной» нации, составляла всего 57,7% (135,1 тыс.). С другой стороны, в 1991 г. в два раза, по сравнению с 1981 г., выросло число сторонников итальянской, а также региональной самоидентификации. Получивший развитие в 1990-е годы феномен не остался незамеченным представителями национал-консервативного спектра хорватской общественной мысли, утверждавшей, что усиление истрийского регионализма отвечало интересам «итальянской и сербо-югославской политики» [15. С. 194].

В этой связи следует охарактеризовать особенности общественно-политических процессов, развивавшихся в Истрии с конца 1980-х годов. В результате идеологических разногласий в рамках возникшей диссидентской «Группы 88» возникли два течения: сторонников «наднационального» характера региональной идентичности и сторонников ориентации на Италию. Деятельность первой группы привела к образованию 14 февраля 1990 г. партии «Истрийский демократический сабор» (ИДС) (хорв. *Istarski demokratski sabor*, ит. *Dieta democratica istriana*). Деятельность второй группы привела к возникновению партии «Итальянский союз» (хорв. *Talijanska unija*, ит. *Unione Italiana*) 15 июля 1991 г. На общенациональных выборах в 1992 г. партия ИДС набрала 3,18% голосов и получила, в коалиции с другими регионально-автономистскими партиями «Демократический союз Риеки» (хорв. *Riječki demokratski savez*) и «Далматинская акция» (хорв. *Dalmatinska Akcija*) шесть мест в парламенте Хорватии. Также в 1993 г. с результатом 72% ИДС впервые выиграла местные выборы Истрийской жупании [17], повторив этот результат на всех последующих местных выборах (в том числе на последних выборах 2017 г.). При этом ни один из национальных парламентариев в 1990-е годы не определял себя как итальянец [18. S. 153, 159].

В международном плане особое положение Истрии определялось трехсторонним соглашением между Италией, Хорватией и Словенией (15 января 1992 г.) «О взаимопонимании по вопросу сохранения прав этнических меньшинств», подписанное за два дня до международного признания Хорватии со стороны Италии. 5 ноября 1996 г. возникла новая редакция этого соглашения [19]. Наконец, принятие в 2002 г. правительством Хорватии конституционного закона о правах национальных меньшинств, в частности санкционирующего развитие связей с «материнским государством» (т.е. Италией), также

способствовало сохранению особого положения Истрии [20]. <https://www.zakon.hr/z/295/Ustavni-zakon-o-pravima-nacionalnih-manjina>

По итогам переписи 2001 г., этнический баланс в Истрийской жупании Хорватии резко сместился в пользу хорватского населения, рост которого наблюдается как в относительных (71,9%), так и в абсолютных цифрах (со 135,1 тыс. в 1991 г. до 148,3 в 2001 г.). В этот период резко снизилось число сторонников «регионального» самоопределения – с 16,1 до 4,3% (или с 37,6 тыс. до 8865 человек). Заметно падение группы «остальные» – с 17,9 до 15,83% или с 42 тыс. до 32,6 тыс. (см. табл. 1).

Напрашивается очевидный вывод, что увеличение доли хорватского населения неким образом связано с политикой централизации, проводившейся правящим Хорватским демократическим содружеством (ХДС) в 1990-е годы, победой в военном конфликте 1991–1995 гг. и ликвидацией сербской территориальной автономии. Следует отметить, что общее население региона в этот период сократилось с 234,1 тыс. до 206,3 тыс. – иными словами, увеличение доли хорватов на полуострове произошло не в последнюю очередь за счет уменьшения численности остальных групп и общего оттока населения.

Перепись 2011 г. свидетельствует о снижении доли хорватского населения Истрии относительно уровня 2001 г. как в абсолютном исчислении (со 148,3 тыс. в 2001 до 142,1 тыс. в 2011 г.), так и в относительном (с 71,9% до 68,33%). Есть основания говорить об умеренном развитии итальянского представительства. Хотя абсолютная и относительная численность итальянцев на полуострове также несколько снизилась (с 14,2 тыс. или 6,9% в 2001 г. до 12,5 тыс. или 6,03% в 2011 г.) виден ее значительный рост в абсолютном исчислении относительно данных за 1981 г. (3,6% или 7859 чел. в 1981 г.). Любопытно новое увеличение сторонников регионального самоопределения – с 8865 человек (4,3%) в 2001 г. до 25203 человек (12,11%) к 2011 г. [21. S. 52–53].

Следует подчеркнуть, что перепись 2011 г. показала общее увеличение численности населения Истрии относительно уровня 2001 г. (с 206,3 до 208 тыс. человек), что является контртенденцией ввиду общего сокращения населения независимой Хорватии, вызванного трудовой миграцией и низкой рождаемостью уже во второй половине 2010-х годов. Сегодня, по некоторым оценкам, общее население Хорватии незначительно превышает уровень 4 млн человек [22]. Перепись населения, которая, вероятно, будет проведена в начале 2020-х годов, даст новые данные по этому вопросу, которые будут представлять интерес как с точки зрения влияния на полуостров социально-экономических тенденций, так и с точки зрения расстановки сил между различными этническими группами, проживающими в Истрии.

Принципиальным вопросом при анализе данных по населению Истрии новейшего периода является содержание понятий «Региональное самосознание» и «Остальные» (табл. 1). Перепись населения Хорватии 2011 г. показала, что 6,03% населения Истрийской жупании составляли представители итальянской национальности (12543 человека). Другими заметными нацменьшинствами являлись сербы (7206 человек или 3,46%), бошняки (6146 или 2,95%) и албанцы (2393 или 1,15%). Словенцев насчитывалось 1793 чел. или 0,86%, что ниже ожидаемого ввиду приграничного расположения государства Словения [21. S. 52–53].

По конфессиональному признаку 75,08% населения Истрии в 2011 г. составили католики (156,2 тыс. человек), 4,79% мусульмане (9965 чел.), 3,47% православные (7220 чел.). При этом 15,88% населения (33 тыс. чел.) самоопределились как агностики, атеисты либо уклонились от религиозного самоопределения [21. S. 129]. Следует добавить, что по данным 2011 г. на полуострове проживали 7206 представителей сербской национальности [21. S. 53]. Также было обнаружено 2866 говорящих на боснийском языке. Само понятие «боснийский язык» в соответствующей графе отчета крайне любопытно, поскольку наряду с этим, фигурируют понятия «хорватский язык» и «хорватско-сербский язык», очевидно, абсорбирующего большинство носителей сербо-хорватской языковой группы [21. S. 106–107]. Также 98% населения являлись обладателями хорватского гражданства (204 тыс. чел.) [21. S. 72].

Вся эта пестрая картина крайне слабо покрывается разделением по принципу национального и регионального самоопределения, предложенным хорватскими исследователями в таблицах 1 и 2. Главным вопросом является волновое изменение динамики групп со слабо выраженным этнонациональным самоопределением («Региональное самосознание» и «Остальные»), наблюдаемое с начала 1980-х годов и продолжавшееся уже в 2000-е годы. Какие же объяснения этого феномена представляются наиболее возможными?

Прежде всего, можно говорить о наличии в Истрии феномена подвижной («плавающей») идентичности как реакции на политические события XX в., закончившиеся образованием независимой Хорватии. В некотором смысле он может быть тождественен ситуации в Черногории (где в начале 1990-х понятие «черногорец» было связано с сербским самоопределением, а в период независимости стало синонимом отдельной политической нации). Однако точный ответ на этот вопрос требует отдельного исследования.

Во-вторых, необходимо более внимательно отследить причины «перетекания» самоопределения из группы «Остальные» в группу «Региональное самосознание», которое имело место в период 2001–2011 гг. Не менее важен вопрос, насколько региональное самосознание в Истрии формируется под влиянием Италии как государства с более мощным экономическим потенциалом и культурной надстройкой.

Существует вопрос несовпадения языковой и политической идентичности. В ходе переписи 1991 г. лишь 57,7% населения Истрии самоопределились как хорваты. При этом 76,6% определили хорватский язык в качестве родного языка [4. S. 615]. Увеличение сторонников хорватского самоопределения с 1991 по 2001 г. (со 135 до 148 тыс. или до 71,9%) говорит о «подгонке» этнических данных к языковым. Однако механизм этого перехода непонятен. Наконец, сохраняет актуальность политизация в именовании языка ввиду принадлежности хорватского языка к существовавшему в СФРЮ сербскохорватскому языку и охватывавшему несколько этносов (хорваты, сербы, бошняки, черногорцы).

Стоит добавить, что по данным переписи 2011 г. 14 205 человек определяли в качестве основного языка итальянский язык — при том, что лишь 12 543 человека считали себя членами итальянского национального меньшинства [21. S. 53]. В соответствии с простым делением *лишь 88,2% носителей итальянского языка определяют себя итальянцами по национальному признаку. Самоопределение остальных 12% не является ясным.*

Все эти моменты являются составной частью главного вопроса: что же все-таки формирует наднациональную «особую» истрийскую общность, наличие которой констатируют исследователи [3. S. 149–150]. Является ли она «плавающим котлом» и результатом смешанных браков или композицией различных автономных этнических групп — хорватов, словенцев, других народов бывшей Югославии, а также иных народов? Здесь существуют различные мнения. Как отметила М.Ю. Мартынова, хотя политическая граница действительно стала водоразделом для жителей пограничных территорий, о полной ассимиляции говорить еще рано: «Находясь на периферии “культурного ареала”, жители приграничных регионов меньше подвержены ассимиляции и унификации традиций, что позволяет им до сих пор сохранять локальные варианты культуры и плюрализм идентичностей» [7. С. 172].

Однако настроенная более радикально хорватская национальная историография видит в региональной идентичности инструмент разрушения хорватской национальной идентичности. Отправной точкой для размышлений в этой плоскости является осмысление понятия «истриянин» (хорв. Istrijan). Шетич, считая данный термин естественным с точки зрения географии, отметил, что в историческом смысле понятие «истриянин» имеет негативную коннотацию, поскольку в XX в. оно использовалось сначала «итальянско-фашистской», а затем «югославско-коммунистической» политикой («одним “истриянином” больше означало, что одним хорватом стало меньше») [12. S. 133].

Сегодня же истриянин в хорватском централистском понимании — это «принадлежащий к суверенной хорватской нации гражданин Хорватии, независимо от того, ощущает ли он себя на национальном уровне итальянцем или хорватом» [12. S. 129]. Наряду с этим существует стремление утвердить альтернативное определение «истранин» (хорв. Istranin), под которым понимается житель хорватской Истрии (Истрийской жупании), разделяющий нормы хорватского литературного языка вне зависимости от национального самоощущения.

Таким образом, определенная часть хорватской историографии соглашается с понятием «истриянин» в его регионально-географическом понимании, отмечая, также, что оно не должно являться надстройкой, за которой скрывается различие между хорватской, словенской или итальянской идентичностью [12. S. 133]. Однако анализ этнополитических процессов дает основания утверждать, что рост численности представителей «региональной» самоидентификации в конце 1980 — начале 1990-х годов происходил параллельно с развитием другой самоидентичности — итальянской. Первичное ознакомление с вопросом партийного строительства в Истрии указывает на наличие между двумя политическими платформами (ориентация на Италию — формирование наднациональности) принципиального различия. Нельзя также исключать и что циклическое изменение региональной группы, наблюдаемое с 1980-х годов по сегодняшний день, является, в действительности, формой защиты от процессов, развивающихся в тяготеющей к моноэтничности континентальной Хорватии. Следует добавить, что и в самой Италии, спустя 160 лет с момента возникновения единого государства, также сохраняется сильное влияние регионального самоопределения, базирующегося на языковой, географической и культурной основе. Следовательно, региональная идентичность Истрии может являться неким воспроизведением итальянской модели.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Per un' Istria ancora più forte! (26.08.2016). URL: https://issuu.com/idsddi2016/docs/novo_tal (дата обращения: 08.01.2021).
2. Очерки политической истории стран Центральной и Юго-Восточной Европы. Конец XX – начало XXI вв. / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.; СПб., 2020.
3. *Stjepanović D.* Samoodređenje i multietnički regionalizmi na post-jugoslavenskom prostoru. Politička misao: časopis za politologiju. Fakultet političkih znanosti. 2015. Vol. 52. № 1.
4. *Klemenčić M., Kušar V., Richter Ž.* Promjene Narodnosnog sastava Istre. Prostorna analiza popisnih podataka 1880–1991 // Društvena istraživanja: časopis za opća društvena pitanja. 1993. Vol. 2. № 4–5 (6–7).
5. *Dukovski D.* Egzodus talijanskog stanovništva iz Istre 1945–1956 // Časopis za suvremenu povijest. Hrvatski institut za povijest, 2001. Vol. 33. № 3.
6. *Dukovski D.* Dva egzodusa: hrvatski (1919–1941.) i talijanski (1943–1955.) // Adrias: zbornik radova Zavoda za znanstveni i umjetnički rad Hrvatske akademije znanosti i umjetnosti u Splitu. 2008. № 15.
7. *Мартынова М.Ю.* Модель Триеста и население итальяно-славянского пограничья // Европа меньшинств – меньшинства в Европе. Этнокультурные, религиозные и языковые группы. / Отв. ред. Кабицкий М.Е., Мартынова М.Ю. М., 2016.
8. *Dukovski D.* Neki momenti razvoja fašističkog pokreta na Pazinšćini u okvirima općeg razvoja «Istarskog fašizma» 1919–1929 (kroz komentare arhivske građe) // Vjesnik Istarskog arhiva. Državni arhiv u Pazinu. 1994. Vol. 2–3. № (1992–1993.).
9. *Šetić N.* Politička aktivnosti starskih Hrvata okupljenih okolišta Istarska riječ u Trstu 1923–1929 // Časopis za suvremenu povijest. 2009. Vol. 41. № 2.
10. *Пилипенко Г.П.* Словенцы в провинции Триест: социолингвистическая и этнокультурная ситуация // Славянский альманах. 2015. № 3–4.
11. *Пилипенко Г.П., Ясинская М.В.* Экспедиция к словенцам в Италии // Славяноведение. 2018. № 1.
12. *Šetić N.* O nacionalnom identitetu Istre u XX. stoljeću // Identitet Istre – ishodište i perspektive. Zagreb, 2006.
13. *Giuricin E.* Talijanska nacionalna zajednica (1945–2003) // Istra kroz vrijeme. Pregled povijesti Istre sa osvrtom na grad Rijeku. Rovinj: Unione Italiana – Fiume. 2009.
14. *Žerjavić V.* Doseljavanje i iseljavanje s područja Istre, Rijeke i Zadra u razdoblju 1910–1971. // Društvena istraživanja: časopis za opća društvena pitanja. 1993. Vol. 2. № 4–5 (6–7).
15. *Пивоваренко А.А.* Хорватия: история, политика, идеология. Конец XX – начало XXI века. М., 2018.
16. *Pavić R.* Evropska sigurnost i problemi jadranskog akvatorija – historijski i suvremeni aspekti. Politička misao, 1975. Vol. 12. № 1–2.
17. Lokalni izbori u Hrvatskoj 1993. Rezultati. URL: https://www.izbori.hr/arhiva-izbora/data/lokalni/1993/rezultati/1993_1_Rezultati_18_Istarska.pdf (дата обращения: 08.01.2021).
18. *Ilišin V.* Strukturna dinamika hrvatskog parlamenta // Politička misao: časopis za politologiju. 1999. Vol. 36. № 3.
19. List of international treaties and international acts concluded between the Republic of Croatia and Italian Republic. URL: <http://www.mvep.hr/en/foreign-politics/bilateral-relations/overview-by-country/italy,53.html> (дата обращения 08.01.2021).
20. Ustavni zakon o pravima nacionalnih manjina (2002). URL: <https://www.zakon.hr/z/295/Ustavni-zakon-o-pravima-nacionalnih-manjina> (дата обращения: 08.01.2021).
21. Popis stanovništva, kućanstava i stanova 2011. Stanovništvo prema državljanstvu, narodnosti, vjeri i materinskom jeziku // Državni zavod za statistiku Republike Hrvatske, URL: https://www.dzs.hr/Hrv_Eng/publication/2012/SI-1469.pdf (дата обращения: 08.01.2021)
22. Procjena stanovništva Republike Hrvatske u 2021. URL: https://www.dzs.hr/Hrv_Eng/publication/2020/07-01-03_01_2020.htm (дата обращения: 08.01.2021).

Эволюция взглядов Леона Василевского на белорусский вопрос

© 2021 г. Д.А. Короткова

Институт славяноведения РАН

D_korotkova@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются работы польского публициста, политика, эксперта по национальным проблемам Леона Василевского, посвященные белорусскому вопросу: перспективам развития нации, положению белорусского меньшинства в Польской республике, его влиянию на безопасность государства.

Ключевые слова: Леон Василевский, Юзеф Пилсудский, национальное самосознание, Рижский мир, «белорусский Пьемонт».

Ссылка для цитирования: Короткова Д.А. Эволюция взглядов Леона Василевского на белорусский вопрос // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 50–56. DOI: 10.31857/S0869544X0014978-8.

The evolution of Leon Wasilewski's views on the Belorussian issue

© 2021. D.A. Korotkova

D_korotkova@mail.ru

Abstract. The article analyzes the works of the Polish writer and politician, an expert on nationality problems Leon Wasilewski devoted to Belarussian issue: prospects of development of the nation, the Belarussian minority situation in Poland and its influence on the state security.

Keywords: Leon Wasilewski, Józef Piłsudski, national consciousness, Riga peace treaty, Belarussian Piemonte.

For citation: Korotkova D.A. The evolution of Leon Wasilewski's views on the Belorussian issue // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences* = *Slavyanovedenie*. 2021. No. 3. Pp. 50–56. DOI: 10.31857/S0869544X0014978-8.

Леон Василевский (1870–1936) — одна из самых ярких, пожалуй, фигур польской политики начала XX в. Социалист, борец за возрождение Польского государства, ставший первым министром иностранных дел в правительстве Е. Морачевского (конец 1918 — начало 1919 г.), один из ближайших сподвижников Ю. Пилсудского и харизматичный политик, участник Рижской мирной конференции (был в то время польским посланником в Эстонии), а затем глава (с польской стороны) Смешанной комиссии по делимитации советско-польской границы, он

считался в свое время едва ли не главным знатоком национального вопроса среди польского руководства. В межвоенный период возглавлял Институт новейшей истории им. Ю. Пилсудского и Институт исследования национального вопроса (Instytut badań spraw narodowościowych), в 1929 г. основал журнал «Независимость» («Niepodległość»).

Л. Василевский оставил огромное публицистическое наследие. В первую очередь его привлекало изучение украинского вопроса, однако и белорусско-литовским проблемам он уделял немало внимания на протяжении практически всей жизни. По его мнению, огромную роль в развитии нации играет государство. Поэтому народы делятся на государственные или негосударственные, а эти последние на исторические и неисторические (имевшие и не имевшие в прошлом опыт государственного строительства). Анализируя, какие черты характеризуют население определенной территории как нацию, он пришел к выводу, что единственным фактором, имеющим значение, является национальное самосознание [1. С. 48]. Условием, необходимым для его появления, он считал формирование национально ориентированной интеллигенции: учителей, студентов, духовенство, которые становятся носителями национальной идеи и одновременно ее распространителями в широких массах народа.

Будучи признанным знатоком национального вопроса, он все же прежде всего был политиком, и это отражалось в его позиции по конкретным проблемам, а также и в том, как эта позиция менялась со временем. Польские исследователи считают ее «объективной, не имеющей следов шовинизма» [2. С. 54], однако при этом «характерной для польского борца за независимость». Для белорусской тематики можно отметить такие моменты, как: негативная оценка роли российского элемента в населении Белоруссии, акцент на польском происхождении первых деятелей белорусского возрождения и вообще их тесные связи с польской культурой. Василевский считал Россию, как царскую, так и революционную, тюрьмой всех народов, в ней проживавших, и призывал к совместной борьбе против нее.

Одной из первых работ Л. Василевского, в которой поднималась тема белорусского возрождения, стала книга «Литва и ее народы» («Litwa i jej ludy»), выпущенная в Варшаве в 1907 г. Описывая современное положение белорусов и белорусского языка, он отметил их склонность к ассимиляции польской или российской культурами и практически полное отсутствие национальной интеллигенции [3. С. 7–8]. Исследователь писал, что еще в начале XX в. сохранялось представление об исторической Литве как о едином многонациональном организме и что это представление разделяли не только местные поляки, но и представители других наций, в том числе белорусы. При этом до конца XIX в. белорусский язык сохранял способность, в свою очередь, ассимилировать литовский, благодаря чему литовская этническая территория сокращалась в пользу белорусской. Эту ситуацию, однако, переломило появление литовской национальной интеллигенции, которая сумела вполне успешно не только остановить ассимиляцию литовцев, но и добиться подъема национального самосознания [3. С. 10]. Подобные выводы о белорусах, как о «сырой этнографической массе», легко поддающейся ассимиляции, и практически полном отсутствии в их среде национальной интеллигенции содержит и сочинение «Современные славяне. Очерк статистики и этнографии» («Współczesna słowianszczyzna. Zarys etnograficzno-statystyczny») (издано в Варшаве в 1909 г.).

Надо сказать, что уже в эти годы такое мнение о белорусском вопросе не вполне отвечало действительности: еще до первой русской революции,

в 1903 г., была создана Белорусская революционная партия, затем переименованная в Белорусскую социалистическую громаду, с 1906 г. в Вильно выпускался еженедельник «Наша Нива», ставший центром развития белорусской литературы. Таким образом, первый этап, по Василевскому, развития национального самосознания уже состоялся.

Это несоответствие было исправлено в следующей, пожалуй, наиболее известной работе Л. Василевского, посвященной белорусской проблеме: «Литва и Белоруссия. Прошлое – настоящее – тенденции развития» («Litwa i Białoruś. Przeszłość – terażniejszość – tendencje rozwojowe»). Развитие белорусской идеи, когда наряду с чисто литературной деятельностью польских по преимуществу интеллигентских кружков начала развиваться и политическая активность, автор связал с общей радикализацией общества во время первой русской революции. Василевский отметил не только исключительное значение «Нашей Нивы» для белорусского самосознания, но и миролюбивый характер, отсутствие шовинистических проявлений в ее публикациях – черты, которые он приписывал и всему движению, полемизируя с польскими изданиями, опасавшимися роста агрессии белорусских националистов по мере расширения их влияния [1. С. 198]. Не допуская, что белорусы уже были готовы к борьбе за собственное государство, Василевский отметил, тем не менее, значительный рост национального самосознания в предвоенный период. Кроме того, это издание стало обобщением накопленных к тому моменту исследований белорусского вопроса. Оно было посвящено как историческим корням народа, так и современному состоянию его, в первую очередь с акцентом на национальном самосознании. Василевский отметил огромное значение церкви в самоидентификации белорусов: как костел выступал одним из главных факторов полонизации, так и благодаря православной церкви русская культура в белорусских губерниях не была наносной, но развивалась органично, принималась как своя [4. С. 66]. Важным пунктом также стала критика результатов переписи 1897 г., в которой, как считал исследователь, численность белорусов занижалась в пользу великорусов [1. С. 94]. Замечу, что и в дальнейшем Л. Василевский уделял значительное внимание статистике и оценке ее достоверности.

Во время Великой войны взгляды его на то, как должны выглядеть границы Польши на востоке, были, как пишут польские историки, «эластичными» [2. С. 55], в зависимости от развития ситуации даже приближаясь к инкорпоративной концепции Романа Дмовского. Так, в 1917 г. Василевский писал о том, что следует опасаться включения в границы будущего польского государства значительного количества населения, которое связывает себя с Россией (в первую очередь православных белорусов), поскольку это даст ей основания для постоянного вмешательства в польские дела [5. С. 13]. Наиболее отвечающей польским интересам он назвал линию разделения польско-католического и белорусско-православно-го населения.

Поддержав Пилсудского в его ориентации на Германию, Василевский рассматривал дальнейшее развитие событий в соответствии с текущим положением дел: в зоне немецкой оккупации оказалась западная Белоруссия и этническая Литва. Восточная же часть края стала базой российских войск. Говорить о том, как будет проходить разграничение Польши с соседями, можно было, по мнению Василевского, только в этой, нероссийской части региона [5. С. 15]. Большое значение имели общественные настроения в Польше: многовековая традиция совместно-го бытия, тесная экономическая связь Царства Польского с исторической Литвой

выработали во всех слоях польского общества глубокое убеждение, что после падения российского ярма уния Польши и Литвы будет непременно возобновлена. Очень показательно, с точки зрения Василевского, что создание на литовских землях, отнятых у России, независимого государства, связанного унией с Польшей, было единственным постулатом, с которым согласились все без исключения партии Царства Польского — от национал-демократов до ППС (Польской социалистической партии) [6. С. 75].

Василевский считал белорусов, особенно католиков, потенциальными союзниками польского населения в борьбе против литовских амбиций (создание независимого, в том числе от Польши, государства) и предполагал их скорую ассимиляцию с польским, более влиятельным, населением [7. С. 79–80]. Антипольская позиция виленских белорусских политиков не имела для польских лидеров какого-либо значения в силу их очевидной непопулярности в белорусском обществе. Эти настроения Василевский склонен был объяснять немецким вмешательством [2. С. 56] (с 1915 г. западная часть Белоруссии находилась в зоне оккупации германских войск, которые разрешили национальную агитацию. К полякам в Литве, как самой влиятельной и амбициозной части общества, немцы очень скоро стали враждебны. Этой враждебностью польский политик и объяснял их поддержку белорусского возрождения, в реальности, впрочем, весьма незначительную). Что же касается планов создания белорусского государства, то, по словам политика, это не приходило в начале 1917 г. в голову «даже самым заядлым фантастам» [5. С. 16].

Польские социалисты, сторонники Пилсудского, с большим беспокойством приняли провозглашение 11 декабря 1917 г. Литовским советом (Тарибой) независимости Литовского государства. Причиной тому была оглашенная литовскими политиками территориальная программа, согласно которой в состав новой республики должны были войти и исторически литовские, и этнически белорусские земли, на которые претендовала и Польша — Виленская и Гродненская губернии [7. С. 78]. В статье «Литовский вопрос и проблема Литвы» («Kwestia litewska a sprawa Litwy»), написанной в начале 1918 г., Василевский призывает разделять понятия Литвы этнической и исторической, поскольку первая составляет едва шестую часть второй, и потому неправомерно желание литовских лидеров решать судьбу всего края, не считаясь с мнением большинства его жителей, прежде всего поляков, наиболее развитого культурно из всех народов края, и белорусов, составляющих большинство его населения. Он требовал, чтобы вопрос о государственном будущем исторической Литвы решался с учетом интересов всех его жителей и протестовал против попыток литовцев ассимилировать прочие народы. И в этой, как и в предыдущей, статье Василевский надеялся на поддержку белорусов-католиков в борьбе против литовских амбиций [7. С. 80].

Подобные взгляды он высказал и в статье, опубликованной в № 6 «Культуры Польши» («Kultury Polski») за 1918 г., — «Границы Польского государства на востоке» («Granice państwa Polskiego na Wschodzie»). Поскольку виды на возрождение Польского государства становились все более определенными, то и рассуждения о границах и взаимоотношениях с соседними народами переходили в практическую плоскость. «Теперь, после падения царского режима, все народности, населяющие восточные земли бывшей Речи Посполитой, формулируют собственные национально-государственные программы, стремясь к немедленному их воплощению в жизнь. Так, Украина их уже в некоторой степени реализовала, создав самостоятельную республику, литовцы желают создать собственное государство, к тому же стремятся последнее время даже белорусы», — писал Василевский [8. С.84].

Восстановление исторических границ Василевский теперь считал уже невозможным. Однако и этнический принцип не представлялся ему безупречным, поскольку «практически нигде мы не имеем дела с четко очерченными границами между народностями [...]». Разграничение между польским и белорусским населением вообще почти невозможно, поскольку здесь языковой критерий, которого достаточно в случае с литовцами, совершенно не подходит. Значительная часть жителей, употребляющих в повседневной речи белорусский язык, считает себя поляками (белорусы-католики в Виленской, Гродненской и частично Минской губ.» [8. С. 85].

Необходимым условием для установления справедливой границы он видел «разграничение на основе обоюдной выгоды всех договаривающихся сторон при отсутствии какого-либо не только давления, но даже и влияния извне». Установление границ Василевский связывал с тем, как конкретно сложатся отношения Польши с теми государствами, которые образуются на ее восточной границе. Так, если бы Литва согласилась на унию с Польшей, он считал возможным уступить ей Вильно, в случае же неблагоприятного развития событий настаивал на включении Вильно и Виленской губернии в Польское государство. Что касается границ с Белоруссией, то он считал нужным, если бы она не вошла в союз с Польшей, добиваться присоединения к Польше тех белорусских территорий, жители которых тяготели к польской культуре и при переписи населения записывались поляками, отдавали детей в польские школы. Таким образом, он видел в таком случае границу как границу между католическим и православным населением — «от Польских Инфлянт до Пинска». Конкретную линию границы, согласно планам Василевского, следовало устанавливать «только по взаимной договоренности Польши с полномочным представителем каждого из народов» [8. С. 86].

Во время советско-польской войны Василевский поддерживал проект «белорусского Пьемонта», т.е. создания на территории, занятой польскими войсками, связанного союзом с Польшей, но формально независимого Белорусского государства, в качестве центра притяжения остальных белорусских земель. Василевский высказался за присоединение Минска, как «естественного центра развития белорусской идеи», к польской части края. Он опасался, однако, что в случае занятия слишком большой части Белоруссии она станет базой для постоянных провокаций советского руководства [9. С. 40] (в чем и оказался в дальнейшем прав). Весной 1920 г. с его участием в Минске прошли переговоры с признаваемой поляками Верховной радой БНР, на которых белорусам была обещана культурная автономия [10. С. 215]. Однако во время советского наступления Минск перешел в руки большевиков. Когда в ходе советско-польских мирных переговоров в Риге Василевский встретился с лидерами белорусских националистов, ему пришлось сообщить им уже согласованную польской делегацией позицию, согласно которой Минск не подлежал польской оккупации [11. С. 14]. В итоге Минск стал столицей БССР. Александр Ладось, секретарь польской делегации, в воспоминаниях подчеркнул «лояльность и дисциплину» Василевского, который был вынужден защищать позицию, с которой сам был внутренне не согласен [12. С. 241].

В 1920-х годах Василевский неоднократно обращался к теме белорусского национального возрождения. Оно оказалось, вопреки его ожиданиям, достаточно жизнеспособным, хотя так и не обрело комфортных условий для развития, которыми лидер ППС считал создание собственного национального государства. Беспокойство у него вызывало несоответствие численности белорусского народа и амбиций белорусских политиков реальному угнетенному положению белорусского меньшинства в Польше. Причиной этого он считал влияние реакции с ее крайне

националистическими лозунгами. Такая ситуация, писал он, серьезно угрожает самому существованию Польского государства, а также положению польского меньшинства в других странах [13. С. 11–12]. В одной из работ 1925 г. он писал, что политика польского правительства в отношении меньшинств совершенно неудовлетворительна. Он предлагал существенно расширить школьное образование на белорусском языке, дать возможность культурной деятельности, оказывать систематическую экономическую поддержку восточным, значительно более бедным, чем Польша, регионам [14. С. 17–18].

В 1925 г. он выпустил и новую обобщающую монографию о положении в регионе «Литва и Белоруссия. Исторически-политический очерк отношений соседних народов» («Litwa i Białoruś. Zarys historyczno-polityczny stosunków narodów ościennych»). Она носила скорее информационный характер. В ней он критиковал официальную статистику Польши, считая, что она, как раньше Россия, занижает количество белорусов в пользу поляков (он считал более реальным число 1 600 000 против официальных данных в 1 035 000 чел. [15. С. 248]). Непоследовательная и дискриминационная политика польских властей, писал Василевский, привела к тому, что белорусский вопрос стал одним из самых острых в государстве (например, [16]).

Вообще в 1925–1927 гг., в период наибольшего подъема протестного движения на восточных крессах (окраинах) Польши, Василевский издал ряд статей и брошюр [17–20], а также подавал меморандумы властям с анализом ситуации и конкретными предложениями по ее исправлению.

В целом в регионе преобладала российская культура, признавал он, хотя в 1920-е годы наблюдался заметный рост украинского и белорусского национальных движений. Чтобы успокоить брожение в крае, Василевский предложил введение для белорусов и украинцев территориальной автономии. Наиболее существенные уступки, по его мнению, нужны были в культурной сфере (для белорусов он полагал их достаточными). Это означало возрождение практически уничтоженной белорусской школы, допущение употребления белорусского языка в богослужении и местном самоуправлении. Чтобы обеспечить школы учительскими кадрами, он считал необходимым открыть учительскую семинарию. Для облегчения белорусам доступа в польские вузы следовало предоставить публичные права еще сохранившимся белорусским гимназиям в Вильно и Новогрудке (замечу, что именно эти требования белорусских лидеров Василевский отверг на встрече с ними в марте 1920 г. в Минске). Кроме того, нужно было ввести обещанную еще в 1919 г. выборность местных властей, дать возможность белорусам избираться хотя бы на низовые должности, а также прекратить преследования православного духовенства.

Что же касается насущных экономических проблем, то в этой сфере Василевский не предложил никаких конкретных мер. Даже осадничество (наделение поляков, главным образом из военных, землями на восточных землях, с целью уменьшить земельный голод в центральной Польше), предмет наиболее острой критики белорусских оппозиционеров, практически не нашло отражения в работах Василевского.

Обращает внимание, что наибольшее беспокойство у автора вызывало то, что недочеты польской политики в отношении меньшинств могут ослабить стабильность Польского государства и стать орудием атаки со стороны Советской России. Неоднократно Василевский анализировал и советскую национальную политику. Сравнения с положением в БССР у него достаточно часты, но, конечно,

образцовой он ее не считал. Успехи белорусизации на советской стороне границы были, по его мнению, только «фасадом»: руководство БССР в большинстве российское и еврейское, успехи в переводе школы и делопроизводства на белорусский язык скромны и сама эта деятельность непоследовательна. Тем не менее не следовало ее недооценивать, поскольку новостями об успехах БССР на ниве коренизации подогревалось недовольство белорусских масс в Польше [17. С. 394–396].

В 1930-е годы он практически не высказывался на тему меньшинств в Польше, единственная работа такого рода в этот период носит сугубо информационный и безоценочный характер [21]. Польская исследовательница творчества Василевского Б. Сточевска объяснила это его нежеланием становиться в открытую оппозицию маршалу, которого, несмотря на идеологические расхождения после майского переворота, он глубоко уважал [1. С. 246].

Сторонник идеи независимости Польши, Василевский изначально стоял на позициях федерализма. Тем не менее, интересы Польши как целого были для него важнее его принципов и симпатий в национальном вопросе, поэтому он поддержал позицию большинства во время Рижских переговоров. Тем не менее идеи эти оставались для него привлекательны; в межвоенный период он много писал о необходимости соблюдать права меньшинств, важные не только в качестве конституционных деклараций в духе времени, но и с точки зрения безопасности государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Stoczeńska B.* Litwa, Białoruś, Ukraina w myśli politycznej Leona Wasilewskiego. Warszawa, 2009.
2. *Gursztyn P.* Białoruś i Białorusini w pracach Leona Wasilewskiego // *Białoruskie zeszyty historyczne.* № 15. Białystok, 2001.
3. *Wasilewski L.* Litwa i jej ludy. Warszawa, 1907.
4. *Wasilewski L.* Litwa i Białoruś. Przeszłość – terażniejszość – tendencje rozwojowe. Kraków, 1912.
5. *Wasilewski L.* O wschodnią granicę państwa Polskiego. Warszawa, 1917.
6. O Litwę // *L. Wasilewski.* Drogi do porozumienia. Wybór pism. Kraków, 2001.
7. Kwestia litewska a sprawa Litwy. // *L. Wasilewski.* Drogi do porozumienia. Wybór pism. Kraków, 2001.
8. Granice państwa Polskiego na Wschodzie. // *L. Wasilewski.* Drogi do porozumienia. Wybór pism. Kraków, 2001.
9. *Faryś J.* Koncepcje polskiej polityki zagranicznej 1918–1939. Warszawa, 1981.
10. *Wasilewski L.* Litwa i Białoruś. Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych. Warszawa, 1925.
11. *Obiezierski M.* Wspomnienia z polsko-rosyjskiej konferencji pokojowej ryskiej dla ułożenia preliminarzów pokojowych (wrzesień–paźdz. 1920 r). Warszawa, 1938.
12. *Ładoś A.* Wasilewski w rokowaniach ryskich (wspomnienia osobiste) // *Niepodległość.* 1937. № 16.
13. *Maciej Pszczołkowski* (pseud. L. Wasilewskiego). Polska dla Polaków czy Polska dla wszystkich obywateli polskich? Warszawa, 1924.
14. *Wasilewski L.* Białoruś i ruch białoruski. Przegląd współczesny. 1924. № 9.
15. *Wasilewski L.* Litwa i Białoruś. Zarys historyczno-polityczny stosunków narodowościowych. Warszawa, 1925.
16. *Wasilewski L.* Ile może być naprawdę Białorusinów w Polsce // *Droga.* 1926. № 6–7.
17. *Wasilewski L.* Sprawa kresów i mniejszości narodowych w Polsce. Warszawa, 1925.
18. *Wasilewski L.* W sprawie stosunków narodowych na kresach wschodnich // *Sprawy narodowościowe,* 1927. № 5.
19. *Wasilewski L.* Polityka rządów pomajowych na Wołyniu i Białorusi // *Przegląd Poranny.* 1927. № 271.
20. *Wasilewski L.* Jak powstały obecne stosunki narodowościowe w Polsce // *Wiedza i Życie.* 1927.
21. *Wasilewski L.* Skład narodowościowy państw europejskich. Warszawa, 1933.

Славяноведение, 2021, № 3, с. 57–63

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 3, pp. 57–63

DOI: 10.31857/S0869544X0014975-5

Оригинальная статья /
Original Article

Утопичность в романе Марии Майеровой «Площадь республики»

© 2021 г. А.В. Амелина

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская федерация)

anna.v.amelina@mail.ru

Аннотация. Статья написана в рамках разработки темы утопичности в творчестве классика чешского соцреализма М. Майеровой (1882–1967) и посвящена утопизму ее раннего политического романа о французских анархистах «Площадь республики» (1914).

Ключевые слова: соцреализм, утопизм, утопия, антиутопия, чешская литература.

Ссылка для цитирования: Амелина А.В. Утопичность в романе Марии Майеровой «Площадь республики» // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 57–63. DOI: 10.31857/S0869544X0014975-5.

Utopianism in the novel of M. Majerová «Republic Square»

© 2021. A.V. Amelina

anna.v.amelina@mail.ru

Abstract. The article is written as part of the development of the theme of utopianism in the work of the classic of Czech socialist realism M. Majerová (1882–1967) and is dedicated to the utopianism of her early political novel about French anarchists «Republic Square» (1914).

Keywords: socialist realism, utopianism, utopia, antiutopia, Czech literature.

For citation: Amelina A.V. Utopianism in the novel of M. Majerová «Republic Square» // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences* = *Slavyanovedenie*. 2021. No. 3. Pp. 57–63. DOI: 10.31857/S0869544X0014975-5.

Мария Майерова — одна из выдающихся фигур чешской литературы XX в., журналист, публицист, политический активист рабочего коммунистического движения и признанный классик литературы. После «бархатной» революции она была издателями и литературоведами забыта почти на 20 лет, однако в последние годы интерес к ней возвращается. Прежде всего исследователей интересует нереалистические элементы эстетики писательницы. В 2006 г. появляется статья Марии Мравцовой «Плотина, авангардный роман Марии Майеровой» [1], где автор обратилась к той стороне поэтики, которая выходит

за рамки соцреализма — к мозаичности и монтажности сюжета и к кубичности описаний. В 2010 г. этот антиутопический роман «Плотина» был впервые переиздан, мало того — после смены политического режима это было первое переиздание Майеровой вообще. В том же году выходит книга Даны Нытловой «Мария Майерова. Фам-фаталь чешского авангарда» [2] с подзаголовком «Мария Майерова — чешская коммунистка сквозь призму феминизма», где жизнь и творчество писательницы рассматриваются в гендерном аспекте и с точки зрения истории феминистического движения. Таким образом, спустя более чем 15 лет, величайшая представительница чешской литературы начинает вновь привлекать внимание исследователей, но уже в другом ракурсе, вне канонов соцреализма. И Мария Майерова в этом смысле не единственный автор XX в., возвращение к крупным писателям отвергнутой идеологии является частью общей тенденции.

Утопическая «волна» в чешской литературе межвоенного периода оставила огромное количество художественных и публицистических текстов, причем первые — в основной массе утопии со знаком «минус» (если не брать в расчет авторов массовой продукции), это произведения К. Чапека, Я. Вайсса, И. Гуссмманна, Э. Вахека и др. Мир этих антиутопий — мир современной авторам цивилизации, апофеозом развития которой стала Первая мировая война.

Утопичность со знаком «плюс» среди «признанных» писателей проявляется, в первую очередь, в документально-художественных жанрах (путевых очерках), а их утопический мир — это мир советской России. Уникальность этого феномена в том, что, с одной стороны, авторы подобных текстов (утопий со знаком «плюс», дающих образ идеального мира) были сторонниками революции, представителями левого политического крыла, изначально настроенными на положительное изображение страны Советов, а значит — являлись носителями утопического сознания и, намеренно или нет, несмотря на документальную природу очерка, пропускали в ткань текста жанровые маркеры утопии. С другой стороны, победа революции в России и полное переустройство общества в соответствии с социалистическими доктринами сами по себе были утопическим проектом, претворившимся в жизнь, что также направляло восприятие в определенное русло. Таким образом, и субъект восприятия (чешские писатели), и объект восприятия (советская Россия) еще до создания текстов предопределили их утопическое наполнение.

Как и другим убежденным коммунистам, Майеровой было присуще утопическое сознание, которое находит выражение в ее текстах. Изображая советскую Россию, впервые посетив ее в 1924 г., в изданной в следующем году книге очерков «День после революции» писательница претендует на историческую правду, и, тем не менее, получившийся образ, сказку из детства Майеровой, можно называть утопическим — даже в очерк проникают жанровые элементы утопии [3].

В романе «Плотина» (книгой вышел в 1932 г.) писательница демонстрирует другую сторону утопического сознания и создает утопический текст на этот раз намеренно (в отличие от очерков), а именно — антиутопию, хотя, что касается жанра, она значительно отступает от канона. Этот роман выделяется на фоне десятков утопических и антиутопических романов, к тому времени вышедших в Чехии, прежде всего тем, что автор, переносясь в недалекое будущее и критически изображая пражское общество накануне готовящейся «утопической» революции и подрыва строящейся плотины, утопическую форму выбирает из цензурных соображений (о чем она сама потом напишет), тем самым словно

насмехаясь над жанром не только утопии (что и есть суть жанра антиутопии), но и над антиутопией (это проявилось и в том, что подрыв плотины оказался фикцией), таким образом она вновь возвращает читателя к утопии, но уже воспринимаемой писательницей как достижимая реальность (сравним с арифметическим «минус на минус дают плюс») [4].

В своем раннем романе «Площадь Республики» (1914), созданном под впечатлением от поездки во Францию и основанном на реальных событиях (в 1906 г., например, в Париже взорвали бомбу анархист Стрига и его товарищ, студент Александр Соколов), Майерова описывает быт и характеризует взгляды французских анархистов. В свое время это произведение стало уникальным явлением, поскольку было единственным успешным политическим романом [5. С. 225–226]. Написан он был до Октябрьской революции и до обретения Чехией независимости от немцев, т.е. и национальная, и социалистическая утопия еще не были для автора настолько возможны в ближайшей перспективе, как это стало при написании романа «Плотина».

В целом Майерова, очевидно, настроена к утопии анархистов крайне скептически, отсутствие четкой программы действий, организации, необходимых для социальной революции, о которой грезит автор, аморфность лидеров, гедонизм, опора на моральное перерождение общества вместо его материальной трансформации — все это не приемлет чешская писательница как недостаточную, слишком абстрактную и размытую, далекую от реальности утопию, противопоставляя ей при этом свою утопию, достижимую: «Лука предчувствовал назревающую революцию — скорые суды, кровавые казни тиранов, разрушение ненавистных зданий, динамит под тюрьмами, бегство банкиров и биржевиков за границу, братские объятия солдат и революционеров, переселение обитателей подвалов в роскошные венские особняки в центре города» [6. С. 10].

В этом романе также проявляется особенность утопичности Майеровой, и вообще всех славянских утопий в целом, — она, будучи чешкой, большое значение придавала не только классовой солидарности, но и национальной, о чем писательница сама говорит в романе. Национальный мотив просматривается и в судьбе главного героя, который, будучи по происхождению евреем (Яков Гольдшмидт), скрываясь от «погромов» и царской полиции, эмигрировал в Вену, где его сородичи не проявили никакой «национальной солидарности» и лишь пользовались его беззащитным положением, и платили ему за работу гроши [6. С. 8]. Герой сделал новые документы и стал называться евангелическим именем Лука. Момент этот достаточно интересен с точки зрения взглядов Майеровой на национальную проблему. Очевидно, что она ценит национальную сплоченность и взаимовыручку, однако этого не находит у евреев, являющихся, в ее представлении, оплотом капиталистического уклада, с которым она так рьяно борется. И в отказе от еврейства в пользу классового движения автор, по сути, видит для них выход. Так, например, в очерках «День после революции» она одобрительно пишет о Троцком, что в нем нет ничего еврейского [7. С. 50]. Лука же, в свою очередь, — «двадцатилетний русский еврей с задумчивыми глазами, Лука — мечтатель, неисправимый мечтатель» в conversatione [6. С. 12].

Впрочем, отношение героя к анархистам представлено в «Площади республики» в динамике. Сначала Лука очень увлекается идеями анархистов, а Либертад, их лидер, обращает его в свою практически сектантскую веру, но

постепенно наступает разочарование. Вероятно, что-то подобное произошло и с самой Майеровой во время ее поездки.

Главный герой, отвернувшийся впоследствии от анархистов и решившийся на политическое убийство, представляется читателю мечтателем-идеалистом. Парадоксально, насколько этот образ контрастирует с приземленными французскими анархистами, слишком озабоченными материальным комфортом. Анархисты не терпят мещанской среды, они исповедуют «высокую идею прогресса», в то время как остальные «замечают только, что хлеб стал дороже» [6. С. 29], однако по сути они в обыденной жизни мало чем отличаются от мещан и не преминут насладиться благами цивилизации. Интересно, что анархисты при этом упрекают социалистов в идеализме: «Бывают такие [...], толкуют о государстве будущего, а у самих башмаки каши просят и в животе урчит с голодухи.— Это называется социалистический идеализм» [6. С. 47]. В то же время Лука смущен их образом жизни, далеким от борьбы за существование пролетариев: «Лука никак не мог представить себе рабочего в роли дачника — сидит себе сложа руки у моря и наслаждается природой» [6. С. 46–47]. Контрастны и описания Парижа: с одной стороны, трущобы, по которым бродит голодный и замерзший Лука, и с другой — Люксембургский сад, место встречи анархистов, при «райской летней погоде», где на солнце играют нарядные дети, играет музыка и благоухают розы. Эти два парижских пространства отражают и разницу двух миров: нищих рабочих и разглагольствующих анархистов.

Есть, однако, у Луки с анархистами и что-то общее. Их привлекают эксперименты: один из анархистов, Жаваль, поливал больного ребенка зимой холодной водой, таким образом пытаясь его закалить и вылечить, чем чуть не довел его до смерти, а Лука за него «невольнo вступился, потому что всегда испытывал безмерное уважение к научным экспериментам» [6. С. 52]. Жаваль утверждал, что жизнь без болезней и страданий может обеспечить только наука, а «жертвы бывают всюду [...], ты лучше подумай, скольким людям помогла наука» [6. С. 55]. Такая вера в науку и пренебрежение жертвами свойственны носителям утопического сознания, и поэтому именно она, очевидно, стала точкой соприкосновения революционера Луки и анархистов, а ознакомившись с трудом Либертада «Анархия», Лука стал его воспринимать как истинного пророка, нового Моисея.

Но со временем герой разуверивается, причем чем дальше, тем больше, в особенности в Либертаде. Сначала Луку смущали пристрастия к «мещанским» благам, которые ставились во главу угла и трактовались как первичные ценности по отношению к борьбе: «Разве только буржуям полагается есть вкусно и регулярно? что в этом зазорного? [...] Только когда люди научатся правильно питаться, три раза в день [...], только тогда они будут способны вести борьбу за освобождение» [6. С. 67], «Не знаю, почему анархисту нельзя пить вино, если оно ему по вкусу и известно, что оно не вредно» [6. С. 70]. Таким же было и отношение Либертада к «любви»: «человек не должен пренебрегать духовными радостями, иначе он обеднит свою жизнь, а это не может быть целью науки» [6. С. 73]. Разочаровывает Луку и Росита, в которую он был влюблен, — она жила за счет присылаемых дедом денег, ни в чем себе не отказывала и оказалась привыкшей к «легкой и беспечной жизни и не решилась бы связать себя хотя бы даже внешне моральными обязательствами» [6. С. 69], однако носила при этом украинскую вышитую сорочку.

Вскоре Лука понимает, что анархисты не стремятся к немедленному преобразованию мира и не приемлют революцию и насилие: «Анархист [...] и разумный человек никогда не совершит насилия над своим ближним. Он не станет швырять бомб. Зачем рисковать? Ведь на месте одной снесенной головы у гидры вырастет десять других» [6. С. 75]. Колония Либертада казалась Луке «моделью будущих человеческих отношений. Либертад создал грядущее общество в миниатюре, Либертад находит новую красоту в свободной любви [...], создает новую мораль» [6. С. 76], однако своего применения здесь Лука найти не смог. Как и многие утописты, Либертад ищет основы в первобытном, видя в нем свободу: «А разве некультурны были люди, обитавшие в джунглях? [...] Человек создал себе культуру потому, что ему необходимо было возместить утраченную свободу, привольную жизнь» [6. С. 86]. Либертаду все равно, кто правит страной, он признает только человечество как общество, обладающее целостностью интересов, и свою коммуну, в то время как отдельные государства ему безразличны.

Создавая собственную новую мораль, Либертад не признавал законы и мораль внешнего мира, тем самым встав на одну доску с обычными уголовниками в глазах Луки: «Что это, Либертад? Ведь это... кража! [...] — Собственность есть кража» [6. С. 111], — начал свое долгое оправдание Либертад. «Мораль, Лука, [...] каждый творит по своим потребностям. Одну мораль человек создает для себя и скрыто, но постоянно придерживается ее. Ось этой морали — его “я”, интересы этого “я”» [6. С. 112]. Потом, вроде, Лука ухватился за идею Либертада об отчуждении наследства, но вскоре пришел к выводу, что наследники взбунтуются и сильные мира сего с ними объединятся: «Нет, общественный переворот не обойдется без кровопролития, и поэтому правы террористы, призывающие никого не щадить...» [6. С. 115]. Таким образом, отдаленность, туманность и сомнительная достижимость идей анархистов все больше толкали Луку к действию. Их программа нравственного исправления общества была слишком долгой и утопично-идеалистичной и его не устраивала: «Каждый шаг на пути прогресса общества приближает нас к возможной революции. Только после длительного процесса развития, когда мы проветрим, вычистим и вымоем все уголки, когда идеи будут отобраны, как зерна для посева, а люди, прикрывавшиеся словами, будто щитом, отбросят их и с боевым пылом, в открытую, ринутся друг на друга, только после всего этого станет возможно привести в систему критику существующего общества, выбрать из нее лучшее, чтобы нарисовать верную картину будущего, за которое мы будем бороться...» [6. С. 141]; «Вести работу? Насильно организоваться и заставлять себя вести работу? Нет, наша цель не в этом. Мы стремимся создать сознательную личность. Это трудная, но плодотворная задача, результаты ее надежны» [6. С. 168].

Почитав по совету соратников труды французских философов в библиотеке, Лука пришел к тому, что немедленное претворение своих идей в действительность стало для него неотвратимым и естественным: «Если бы я не знал преимуществ коммунистического строя, я отстаивал бы нынешнюю демократическую республику и никогда бы не стремился к ее свержению», — думал он про себя [6. С. 149], «Свободная Республика! [...] Допустимо ли, чтобы в республике старые люди умирали на улице? Мысли в голове путались [...]. Он сознавал, что теряет веру» [6. С. 149]. Нищета, с которой он столкнулся на парижских улицах, особенно в сравнении с достатком в коммуне анархистов, поставило на его последних сомнениях точку: «Республика для меня больше не существует! [...] Где были мои глаза, почему я не видел всего этого прежде? Не видел нищих детей, не видел девочек в коротких юбочках, продающих себя на

бульваре Клиши, подростков, замученных поденщиной...» [6. С. 153]. Лука осознает, что нет больше путей мира и покоя, «есть пути, по которым тянутся толпы, они идут за знаменами, за звучными лозунгами к прекрасным целям. Но они идут по этому пути не как паломники, проводящие время в служении вере, исполненные солидарности, нет, они ссорятся, дерутся. Как звери, пожирают друг друга и вместо лозунгов солидарности пишат на своих знаменах заносчивые слова, выражающие их личные интересы» [6. С. 173]¹. К таким мыслям привели его наблюдения за ведущим мещанский образ жизни французским пролетариатом, из которого вырастает впоследствии буржуазия. Отчаяние от невозможности единения приводит Луку к мысли о терроре: «“Не будь капиталистов – распался бы капитал [...] Перестрелять бы их одного за другим! А потом увидим, что можно сделать. Если даже не настанет сразу всеобщее братство, идеальное братство Прудона, хуже, чем сейчас, не будет”. [...] Мысль о терроре, которая вернула его к жизни, становится все настойчивее и настойчивее и кажется ему особенно правильной и обоснованной именно потому, что все другие средства не привели к цели. “Другого пути нет”, – говорит он себе» [6. С. 197]; «Ждать, пока все пойдет своим путем естественного развития [...]. Справедливо ли это? Почему так долго должны ждать те, к кому счастливая жизнь придет только в результате постепенной эволюции общества, то есть через несколько столетий? А не возникнет ли и тогда в ходе этого развития новый класс пролетариев, новых отверженных?» [6. С. 198].

Такой поворот к террору у Майеровой видится типичным, косоворотка в Париже, по ее утверждению, в те годы ассоциировалась с русскими революционерами и террористами [6. С. 24]. Причину этого писательница усматривает в русской национальной традиции: деды ждали раскрепощения от Бога и потеряли в него веру, отцы от царя – и получали пулю в лоб, а сыны, потеряв веру и в Бога, и в царя, ждут революцию от французских анархистов [6. С. 139] и, не находя выхода своей энергии среди них, они решаются на террор – таков сюжетный итог романа.

Если взглянуть на все творчество Майеровой в целом, можно сделать вывод, что она, во-первых, однозначно является носителем утопического сознания, однако воплощается оно не столько в форме утопии в ее классическом понимании, сколько в так называемом утопизме. Утопизм – понятие, которое рассматривается, например, в статьях Е.Л. Чертковой как отдельный тип сознания, возникший на основе специфического понимания и применения утопических идей и поисков. «“Мифическое” преображение мира вытесняется в утопизме стремлением к его реальному преобразованию в соответствии с предлагаемой моделью, а построение идеального мира усилиями мысли и воображения вытесняется революционными методами его преобразования ради осуществления абстрактных принципов» [8]. Особенностью утопизма как разновидности утопии является то, что идеал подменяется целью и становится проектом. Это разведение утопии и утопизма позволяет нам понять суть неприятия Майеровой анархистов. Последние пытались воплотить свои идеи

¹ Добавим, что уже здесь у Майеровой появляется мотив реки, стихии, которая может все снести, реализовавшийся полноценно в «Плотине»: «Человеческая река безудержно неслась; в нее торопливо, волнуясь, вливались все новые безымянные ручейки. Лука стоял уже час, а река все катила свои волны, два часа, и картина не менялась. Что это, волшебство? Что здесь происходит? Может быть, это призраки? Нет, нет, река и впрямь бесконечна, впечатляюща и покойна. А ведь эти люди могли бы... Но, что же, значит, они не хотят? Значит, ничего не произойдет, ничего? [...] Где же действие? Где освобождение?» [6. С. 11].

на микроуровне, на уровне одной общины, их идеи касались больше морали и могли претвориться в жизнь на макроуровне лишь в их фантазиях. То есть, по сути, их утопия гораздо ближе к утопии Платона и относится больше к миру идей, чем к миру вещей. В то время как утопизм самой Майеровой уже в обозримом будущем направлен на системное изменение реальности, трансформацию макросоциума. Однако, несмотря на такую цель, Майерова, очевидно, отказалась от изображения ее насильственного достижения (и, видимо, от самой идеи также). В очерках о России она о революции не упоминает ни разу, у нее представлены два различных мира — реализованная социалистическая утопия и капиталистическая антиутопия, но переход между ними в виде революции и гражданской войны она словно игнорирует. Как и многие чехи, писательница вряд ли желала своей стране таких потрясений, а альтернативу она по сути представила уже в романе «Плотина» — это труд и развитие технической цивилизации.

Мария Майерова, безусловно, непростой автор с точки зрения исследования утопичности. С одной стороны, как убежденная коммунистка она верит в заведомо утопическую идею. С другой стороны, рациональность и критичность ее мышления, а также осознанный выбор реализма в качестве своей эстетической доминанты не позволяют ей уйти в идеализм и мечтательство и создать чистую художественную утопию. Утопичность у нее скрывается под масками очерков и анти-антиутопии, но все равно просвечивает как идейно и композиционно, так и жанровыми признаками утопии, глубоко укоренившимися в ее художественном сознании. Написать реалистичную утопию невозможно в принципе, поскольку утопия предполагает обрезку и фрагментарность реальности (возможно, поэтому «Плотина» считается авангардным романом) и поскольку она, многогранная и многополюсная, в односторонне идеальную утопию просто не вмещается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Mravcová M. Přehrada. Avantgardní román Marie Majerové // Český jazyk a literatura. 2006. Ročník 56. Č. 5.*
2. *Nývltová D. Femme fatale české avantgardy: Marie Majerová — česká komunistka ve víru. Praha, 2011.*
3. *Амелина А.В. Утопичность в восприятии Советской России в чешской среде в 1920—1930-е гг. (Я. Вайсс, М. Майерова, Ю. Фучик) // Русский человек и Россия в восприятии славянских народов. М., 2014.*
4. *Амелина А.В. «Плотина» — «утопический» роман Марии Майеровой // Славянский мир: общность и многообразие. Тезисы конференции молодых ученых в рамках Дней славянской письменности и культуры. 21—22 мая 2019 г. М., 2019.*
5. *Пиша А.М. Послесловие // Майерова М. Площадь Республики. Лучший из миров. М., 1970.*
6. *Майерова М. Площадь Республики. Лучший из миров. М., 1970.*
7. *Majerová M. Den po revoluci. Praha, 1925.*
8. *Черткова Е.Л. Утопизм социальный // Новая философская энциклопедия. М., 2001. Т. 4.*

Славяноведение, 2021, № 3, с. 64–79

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 3, pp. 64–79

DOI: 10.31857/S0869544X0014870-0

Оригинальная статья /
Original Article

Контактные явления в языке этнических чехов сербского Баната

© 2021 г. С.А. Борисов

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

borisovsergius@gmail.com

Статья подготовлена в рамках проекта РНФ 20-78-10030
«Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций
у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона»

Аннотация. В статье делается попытка составить на материале полевых записей 2013–2019 гг. типологию фонетических, морфологических, лексических, синтаксических явлений, возникших в идиоме чешского этнического меньшинства в Воеводине в результате контакта с сербским языком окружения. Отдельно рассмотрены случаи переключения кода, метаязыкового комментирования.

Ключевые слова: социолингвистика, билингвизм, языковая ситуация, этнические меньшинства, полевое исследование, чешский язык, сербский язык, языковые контакты, Банат, переключение кода, метаязыковое комментирование.

Ссылка для цитирования: Борисов С.А. Контактные явления в языке этнических чехов сербского Баната // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 64–79. DOI: 10.31857/S0869544X0014870-0.

Contact phenomena in the language of the ethnic Czechs in Serbian Banat

© 2021. S.A. Borisov

borisovsergius@gmail.com

Abstract. The article provides an attempt of making a typology of phonetic, morphological, lexical, syntactic phenomena that arose in the idiom of the Czech ethnic minority in Vojvodina as a result of contact with the Serbian language of the environment, which is based on field records of 2013–2019. Cases of code-switching, metalinguistic comments are considered separately.

Keywords: Sociolinguistics, bilingualism, language situation, ethnic minorities, field research, Czech language, Serbian language, language contacts, Banat, code-switching, metalinguistic comments.

For citation: Borisov S.A. Contact phenomena in the language of the ethnic Czechs in Serbian Banat // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie*. 2021. No. 3. Pp. 64–79. DOI: 10.31857/S0869544X0014870-0.

В последние годы наблюдается повышение внимания лингвистов к чешскому языку за пределами Чехии. Чешским переселенческим говорам на Северном Кавказе и в Западной Сибири посвящены новейшие исследования С.С. Скорвида [1]. В этих работах не только описываются до сих практически неизученные диалекты чешских общин, но и разрабатывается типология инославянских переселенческих говоров в России [2]. В Хорватии вопросами языка чешского меньшинства долгие годы занималась М. Согрова. Объектами ее интереса были межязыковая интерференция и языковые контакты между чешским и хорватским языком [3]. Родной идиом, его фонетику, морфологию [4], лексический состав [5], а также вопросы самоидентификации через использование миноритарного языка в Хорватии изучает Х. Страник [6]. Наблюдается также интерес современных исследователей к теме языка потомков эмигрантов в Южной Америке. В 2010 г. вышла монография Л. Зайицовой о чешском языке в Парагвае [7], в которой данный идиом рассматривается, прежде всего, в контексте его контакта с другими переселенческими говорами, доминирующим языком окружения — испанским, а также с языком коренных жителей Парагвая гуарани. Об актуальности контактной проблематики свидетельствует большое количество выпускных работ чешских студентов, защищавшихся в последнее время. Среди них упомянем работы Т. Штохловой о языковом сдвиге у чехов в Сербии [8], А. Фрнховой о языке чешского села Шумица в Румынии [9], К. Выскочиловой об особенностях синтаксиса чехов в румынском Банате [10], К. Гофмановой о языке чешских анклавов в Аргентине [11]. В настоящее время тему моравской диалектной основы идиома представителей старшего поколения чехов в аргентинской провинции Чако разрабатывает в своей магистерской диссертации А. Галаштова [12].

История региона Банат, территория которого сегодня разделена между Румынией, Сербией и Венгрией, способствовала развитию языковых контактов у местного населения. Как замечает М. Номати, на формирование этноязыкового рельефа в регионе наибольшее влияние оказали два исторических периода. Первый из них — эпоха владычества Османской империи, когда Банат населяют, в основном, румыны и сербы (не контактировавшие с турецким языком вследствие минимального присутствия мусульманской администрации). Второй — период австрийских и венгерских реколонизаций, когда на отвоеванные земли переселяются немцы, чехи, словаки, болгары, хорваты, цыгане [13. С. 551]. Болгарскими банатскими говорами занимался С. Стойков [14]. Он же предлагал критерии для выделения банатского языкового союза [15]. Немецкие говоры румынского Баната описала А. Тома [16]. Проблематикой реализации языковых идеологий и многоязычия, прежде всего у немцев и венгров румынского Баната, занимается П. Лайхонен [17]. Г.П. Пилипенко описал и дал характеристику языковой и этнокультурной ситуации воеводинских венгров [18]. Полевые исследования среди цыган и румын сербского Баната проводит Б. Сикимич [19]. Большой интерес для исследователей представляет билингвизм так называемых карашевцев, владеющих славянским (сербским/хорватским) и романским (румынским банатским) идиомами [20].

Систематическое научное изучение чешских сообществ за пределами Чехии, в том числе в Югославии и Румынии, начинается после создания Первой Чехословацкой республики. На протяжении 1920-х годов важным периодическим изданием, в котором печатались статьи, посвященные жизни чешских и словацких переселенцев, являлся сборник Чехословацкого национального совета «*Naše zahraničí*» («Наше зарубежье»). Среди основополагающих работ того

времени, посвященных чехам и словакам в Югославии, можно выделить труды Я. Ауэрхана [21], возглавившего созданный в 1928 г. Чехословацкий институт зарубежья. Следующий период активного интереса исследователей к жизни чешского сообщества в Югославии относится к 1960–1970-м годам. Результаты полевых исследований опубликовал этнограф И. Герольдова [22]. Изучением языка банатских чехов в Румынии и Воеводине занимался пражский богемист С. Утешены [23–25], который в это время принимал участие в работе по составлению «Чешского языкового атласа». Исследования чешского меньшинства в Банате, проводившиеся в первое двадцатилетие XXI в., носили скорее историко-этнографический, чем филологический характер. Новой темой этих исследований стал религиозный аспект чешских миграций на Балканы, интерес к которому вызвала теория антропологов М. Якоубека и З.Р. Нешпора, согласно которой первые чешские переселенцы-евангелисты пришли в банатское село Сфынта-Елена (рум. Sfânta Elena, чеш. Svatá Helena), входящее сегодня в состав Румынии, еще до массовой миграции в 1820-е годы [26]. В сербском Банате историк и этнолог М. Павласек провел подробное исследование уже не существующей сегодня общины чехов-евангелистов в селе Велико-Средиште (Veliko Središte) недалеко от г. Вршац [27].

1. По данным последней переписи населения, проводившейся в Сербии в 2011 г., к чешскому этносу себя относили 1824 человека, а своим родным чешский язык называли 810 человек. Чехи проживают главным образом в автономном крае Воеводина, большая часть (более 1/3 всех чехов в Сербии) – в общине Бела-Црква (644 чел.), где они составляют 3,7% населения [28. С. 119], а чешский язык имеет статус официального [29]. Речь идет о самом городе Бела-Црква, селах Крушчица (Kruščica), Чешко-Село (Češko Selo). В Белграде к чехам себя относят 307 человек, также более сотни чехов было переписано в городах Ковин (Kovin), Вршац (Vršac) и Нови-Сад (Novi Sad) [28. С. 119]. Для извлечения статистических данных мы также обращались к результатам переписи 2002 г., согласно которым чешское меньшинство в момент ее проведения насчитывало 2211 человек [30. С. 23]. Этнический состав автономного края Воеводина отличается большим разнообразием. Так, в непосредственной близости от чешских сел находятся румынские села, например: Куштилъ (Kuštilj), Войводинци (Vojvodinci), Стража (Straža) (румыны составляют более 80% населения в каждом из них) [31. С. 158], населенные пункты, где большинство составляют венгры: Добричево (Dobričevo), Шушара (Šušara) [32. С. 32–34], практически во всех населенных пунктах вокруг чешских сел, а также в самих Крушчице и Чешко-Село присутствует определенная доля цыганского населения [32. С. 33–35]. Кроме того, немцы, поселившиеся на территории Воеводины в конце XVIII в., оставались крупной этнической группой вплоть до Второй мировой войны¹.

Как уже упоминалось выше, Банат целиком отошел Габсбургской монархии после подписания в 1718 г. Пожаревацкого мира с Османской империей. Австрийский двор, проводя последовательную политику заселения отвоеванных земель, в 20-е годы XVIII в. поощрял переселение немцев на новые территории. Речь идет, прежде всего, о колонистах из германских земель, в несколько меньшем количестве прибывали немцы из Чехии, Моравии и Силезии [33. С. 31].

¹ В повседневной речи опрошенных нами информантов-чехов до сегодняшнего дня сохранились немецкие варианты некоторых топонимов: *Vajskirx* (нем. Weisskirchen, сейчас Bela Crkva), *Krušic* (нем. Kruschitz, сейчас Kruščica).

Первая волна переселений чехов относится к 1823–1825 гг., когда несколько семей из Чешского королевства по приглашению лесоторговца Мадьяри (венг. Magyarly) прибыли в долину Дуная, район Джердапского ущелья (территория современной Румынии). Приехавшие семьи — католики и евангелисты из центральночешских областей. В социальном отношении — бедные ремесленники (плотники, столяры, кузнецы), которых предприниматель планировал использовать в качестве рабочей силы для вырубki лесов в гористой местности сегодняшнего румынского Баната. Колонисты первой волны не получили обещанных предпринимателем условий жизни и обратились к командованию Валахско-Иллирского полка на Военной границе с просьбой включить их поселения в состав граничарских, что впоследствии было выполнено. Вторая волна переселений чехов в Банат (1826–1828) была инициативой двора: новые поселенцы становились граничарами, взамен им предлагался участок земли, оплата дороги до места назначения, освобождение от уплаты налогов на пять или десять лет, освобождение от воинской повинности на десять лет, предоставлялись семена для выращивания сельскохозяйственных культур, а также древесина для постройки домов. К 1828 г. в Южном Банате проживал 1961 чех. Однако в течение следующих 30 лет происходили вторичные миграции внутри Баната из-за трудностей с добыванием питьевой воды, в связи с удаленностью от городов и крупных дорог, а в некоторых селах и по причине низкого качества домов, которые строились для будущих колонистов заранее. В это время чехи начинают селиться на территориях, расположенных за рекой Нера — сегодня эта часть Баната принадлежит Южнобанатскому округу Сербии. Так, в 1829–1832 гг. несколько чешских семей переселилось в село Велико-Средиште (Veliko Središte) около города Вршац, в 1837 г. было основано чешское село Аблиан, или Фабиан (Ablian, Fabián) — современное Чешко-Село [34. С. 33–42]. В 1850-е годы в Велико-Средиште пришли также около 300 переселенцев из Моравии. Эта миграция имела под собой не только социально-экономические причины, но и конфессиональные: большую часть колонистов этой волны составляли реформаторы-евангелисты, рассчитывавшие получить большую свободу своего вероисповедания в мультиэтнических землях Южной Венгрии [27. С. 10].

Подробные записи в хрониках, протоколах собраний, метрических книгах упомянутой евангелической общины села Велико-Средиште позволяют точно определить населенные пункты, из которых пришли моравские переселенцы: речь идет о селах в окрестностях Брно и Годонина [27. С. 10]. Колонисты данной волны были носителями центральноморавских (южная подгруппа) [35. С. 246] и восточноморавских (словацкая подгруппа) говоров [35. С. 268]. К сожалению, на сегодняшний день можно констатировать практически завершенный процесс вымирания чешской общины в селе Велико-Средиште (в статье 2012 г. М. Павласек указывает на то, что число говорящих по-чешски в селе уже не превышает 10 человек [36. С. 30]). В метрических книгах католических приходов записи о месте рождения вносились не всегда или были слишком общими (например *Bohemia* или *Csech*, позже *Moravia* [27. С. 8]). Около 12 существующих записей все же позволяют сделать приблизительный вывод о происхождении нескольких семей из центральной Чехии (окрестности Часлава, Бероуна, Коуржима, Подебрад, Пршибрама), а также из юго-западной Чехии (окрестности Пльзень, Клатови) [37. С. 6–7]. На юго-западную собственно чешскую диалектную основу чешского идиома в селе Крушчица указывает и С. Утешены [25. С. 139].

2. Под языковыми контактами в лингвистике понимается «взаимодействие двух или более языков, оказывающее влияние на структуру и словарь одного или многих из них». Такое взаимодействие вызвано «необходимостью общения между представителями разных этнических и языковых групп, вступающих между собой в интенсивные связи по хозяйственным, политическим и другим причинам» [38. С. 237]. Как уже было сказано, рассматриваемый регион характеризуется большим этноязыковым разнообразием, а следовательно — многочисленными и разнообразными языковыми контактами. В статье, однако, рассматриваются только те явления, которые закрепились в языковом идиоме воеводинских чехов в результате контакта с мажоритарным языком окружения — сербским. Сфера использования информантами сербского языка обширна: работа, решение административных вопросов в различных учреждениях, общение с медицинским персоналом в больницах и поликлиниках, образование, магазины, общение с родственниками, соседями, друзьями не-чехами. На чешском языке говорят в основном в семье и с соседями. В ситуациях, когда в компании присутствует человек, не владеющий чешским, но владеющий сербским, беседа ведется на сербском. У детей с 1 по 4 класс есть возможность изучать предмет «чешский язык с элементами национальной культуры» в школе в селе Крушчица и в двух школах в г. Бела-Црква, но преподавание всех остальных предметов ведется на сербском. Раз в две недели на Радио Воеводины выходит получасовая передача «Чешское слово» («České slovo») на чешском языке. Кроме того, некоторые информанты слушают и смотрят программы чешских СМИ через Интернет [39].

Материалом для лингвистического анализа в настоящей статье послужили нарративы, записанные в аудио- и видеоформатах. Часть из них (записи 2013–2015 гг.) подготовлена коллективом неправительственной организации «Школа-плюс им. Досифея Обрадовича» (Бела-Црква) и предоставлена для изучения Институтом балканистики САНИ². Другая часть была записана мной во время полевого исследования, проводившегося в сентябре 2019 г. В 2013 г. сотрудниками «Школы-плюс» был опрошен 21 информант, объем записей составил 11 часов, в 2015 г. были записаны нарративы 11 человек общей длительностью шесть часов. Автор настоящей статьи работал в Сербии с 9 по 12 сентября 2019 г. Работа проводилась в населенных пунктах Бела-Црква, Крушчица, Чешко-Село, Вршац, записано около 20 часов интервью с 15 собеседниками. Возраст информантов — от 57 до 82 лет. Представители молодого поколения чехов в большинстве своем в поисках работы уехали в крупные города Сербии и за границу (подробнее об экспедиции см. [39]). Также состоялось несколько бесед с чешским учителем, приехавшим в Крушчицу по линии Министерства образования, молодежи и спорта ЧР для преподавания чешского языка и культуры в общинах Бела-Црква и Вршац. Данная программа действует с начала 2000-х годов.

При проведении интервью исследователи руководствовались стратегией неформальной полунаправленной беседы. Интервьюер задавал тему для разговора, однако в дальнейшем старался без необходимости не вмешиваться в нарратив своего собеседника (ср. похожий метод в [40. С. 280]). Таким образом, насколько это было возможно, минимизировался эффект присутствия исследователя, и речь информанта становилась относительно свободной и приближенной

² Автор выражает благодарность д-ру Биляне Сикимич (Институт балканистики САНИ, Белград) за предоставленные материалы.

к практике его повседневного общения (см. о «парадоксе наблюдателя» у У. Лабова [41. С. 121–122]). Стоит отметить, что сотрудник «Школы-плюс» А. Стеглик, проводивший интервью в 2013–2015 гг., сам является представителем чешского меньшинства. Он хорошо знаком информантам и говорит на том же диалекте. Его высказывания также учитывались при анализе данных записей. Темами интервью стали объекты нематериальной культуры: календарные и религиозные праздники, обряды семейно-бытового цикла (рождение ребенка, крестины, свадьба, похороны), сфера народной мифологии и демонологии (рассказы о нечистой силе, о сглазе и методах его снятия); жилье и хозяйство (были зафиксированы названия частей дома, хозяйственных построек, орудий труда); цикл сельскохозяйственных работ (посадки, сбор урожая, молотба зерна, производство вина, забой скота и приготовление продуктов из мяса). Были также записаны приграничные и трансграничные нарративы (о родственниках в румынской части Баната, о переходе через пограничную реку Неру). Информантам задавались вопросы об истории колонизации чехами земель Баната, о жизни миноритарной общины в XX в., о современном ее состоянии. Широкий круг тем позволил зафиксировать разнообразную лексику.

В результате анализа имеющегося звучащего материала было обнаружено большое количество контактных явлений в области фонетики, морфологии, синтаксиса и лексики. В статье рассмотрены самые частотные из них, а также отмечены наиболее характерные дискурсивные практики.

3. В области фонетики выделим несколько наиболее характерных контактных явлений, затрагивающих консонантизм, вокализм, а также место ударения в чешском идиоме.

3.1. Одной из характерных черт является произношение перед гласными переднего ряда аффрикат [tʃ] и [dʒ] (*xč'eli*, *dž'elali*³, *xič'ili*, *xodž'ili*) вместо палатализованных [tʃ'] и [dʒ'] (*xt'eli* «хотели», *d'elali* «делали», *xit'ili* «поймали», *xod'ili* «ходили»). Подобные замены можно наблюдать в силезских говорах чешского языка: в западной (опавской) подгруппе [tʃ'] и [dʒ'] также заменяются аффрикатами [35. S. 294], в восточной (остравской) – свистящими [sʃ'] и [dʒʃ'] (*s'ixo* «тихо», *dz'en'* «день») [35. S. 300]. Утешены объясняет данную черту влиянием сербского языка [25. S. 140]. Похожее явление присутствует в речи венгров, проживающих в г. Нови-Сад, однако, в отличие от чешского, не является повсеместным: Г.П. Пилипенко указывает на то, что «характерно оно для отдельных информантов, которые испытывают сильное влияние сербского языка, редко используют венгерский язык» [18. С. 199–200]. С другой стороны, хотя речь идет о сербском/хорватском языке окружения, подобная ассибиляция не выделяется в работах, посвященных чехам в Боснии и Герцеговине [42] и чехам в Хорватии [43]. В чешских переселенческих говорах Кавказа и Сибири также отмечается стандартное противопоставление *t–t'*, *d–d'* [1. С. 51]. Наконец, Утешены отмечает, что ассибиляция отсутствует и в идиоме румынских чехов, несмотря на наличие ее в банатских говорах румынского языка [25. S. 140].

³ В примерах используется упрощенная транскрипция на основе стандартной чешской орфографии с некоторыми модификациями. Место ударения отмечается знаком «˘», расположенным перед ударным слогом. Мягкость обозначается апострофом: *ročn'ik*. Долгота гласных обозначена только в тех случаях, где она встречается в речи информантов. Для обозначения задненебного согласного, передающегося в стандартной орфографии *ch*, в транскрипции используется символ *x*. Для транскрипции цитат на других языках применяется запись, приближенная к стандартной орфографии этих языков.

Приведу еще несколько примеров:

(3.1.1)	КМ: <i>Ne'vjedž'eli sme za 'lepši, tak nam to 'bilo 'dobri.</i>	КМ: Мы лучшего не знали, поэтому нам это было хорошо (Крушчица, 2015).
(3.1.2)	ВВ: <i>'Zrnje se kle'palo. U'tšihali se 'hlavi, 'nosili se 'domu. I 'potom od 'dževa ta'kovi pa'lički se u'dž'elat, ne. 'Xič'iš z 'jedn(o)u 'ruk(o)u za 'hlavu, i tu maš pa'ličku, i-i 'biješ po to(m) 'suncoketu, 'o(no) to 'padne 'dolu.</i>	ВВ: Зерно выбивали. Отрезали головки (подсолнечника), приносили их домой. И потом из дерева такие палочки делали. Берешь одной рукой головку, а тут у тебя палочка, и бьешь по этому подсолнуху, и оно все падает вниз (Крушчица, 2015).

3.2. В речи сербских чехов редко встречается произношение глухого и звонкого вариантов фонемы *ř*. На их месте в большинстве случаев фиксируется произношение [š] и [ž], а также сочетаний [rš] и [rž]: *pšitahlo* «привлекло», *tšī* «три», *pšeci* «предки», *žemželo* «умерло», *katežinskej* «екатерининский, на день св. Екатерины», *ržekne* «скажет». Процесс утраты фонемы *ř*, судя по всему, находится в завершающей стадии, поскольку С. Утешены в статье 1970 г. указывал на то, что «у молодого поколения *ř* сегодня начинает утрачивать свою вибрацию и переходит в *ž*, *š*, иногда раскладывается в *rž*, *rš*» [25. S. 141]. Представители того «молодого поколения», таким образом, стали участниками наших новых полевых исследований. В существующих работах, посвященных чехам в Хорватии, Боснии, на Северном Кавказе и в Сибири данная замена не обнаружена: во всех транскрипциях указывается чешский вибрант *ř*. Тем не менее, нами было отмечено сходное явление в речи чехов в Румынии [39], а также в Боснии и Герцеговине [44].

3.3. В большинстве чешских диалектов ударение располагается на первом слоге тактовой группы. Исключение составляют силезские говоры, где проявляется парокситоническое ударение, сближающее эту группу говоров с польскими диалектами [45. S. 502]. В речи сербских чехов ударение утрачивает свой фиксированный характер.

3.3.1. Распространена безударность односложных предлогов: ударение смещается на имя или местоимение.

(3.3.1.1)	СМ: <i>Vzal si se'kiru, 'jidlo i šel 'pješki do_ 'lesa.</i>	СМ: Он взял с собой топор, еду и пошел в лес (Вршац, 2015).
(3.3.1.2)	ИЙ: <i>Ja di(š) sem 'xod'il do_ 'školi, dak tam ta 'mala 'vesn'ička [...]</i>	ИЙ: Я когда ходил в школу, то там эта маленькая деревенька [...] (Вршац, 2019).
(3.3.1.3)	ТА: <i>[...] a 'pondž'eli, 'pondž'eli 'bilo.. 'xod'ilo se 'jako po_ 'vesn'ici [...]</i>	ТА: [...] а (в) понедельник, в понедельник было... ходили по деревне [...] (Чешко-Село, 2013).

Смещение ударения с предлога на имя или местоимение отмечается и у носителей стандартного идиома в Чехии. Оно бывает вызвано логическим выделением слова во фразе, но встречается также и в нейтральных высказываниях [46. S. 243]. Э. Габетинова выделяет следующую зависимость для неакцентированного употребления: в сочетаниях предлога с односложным словом ударение обычно падает на предлог; с двусложным словом — отмечается колебание места ударения; с трехсложным словом — в половине проанализированных случаев ударение падает на предлог; со словами, состоящими из четырех и более слогов — ударение падает на имя или местоимение [46. S. 246]. Аналогичное явление у северокавказских чехов С.С. Скорвид относит скорее к эмфатическому средству, но отмечает, что «предлог иногда словно подчиняется общему

ритму фразы» [47. С. 146–147]. С. Утешены указывает на то, что у сербских чехов безударность предлога встречается гораздо чаще, чем в речи жителей Чехии, и предполагает здесь влияние сербского ударения [25. С. 139–140]. Д. Миркович также выделяет случаи переноса ударения с предлога вправо и интерпретирует их, с одной стороны, как средство выделения слова, с другой – как перенос сербского/хорватского типа ударения [43. С. 198–199]. С. Попович характеризует ударение у чехов в боснийских селах Нова-Вес и Мачино-Брдо как системное и полностью соответствующее чешским диалектам в Чехии: оно располагается на первом слоге, предлоги – ударные [42. С. 68].

Встречается также безударное произношение приставок и начальных элементов наречий, образованных от предлогов (ср. [25. С. 140]):

(3.3.1.4)	ТА: 'Muzika i maš'kari vod'poledne 'bilo pro'd'et'í.	ТА: Музыка (танцы) и маскарад днем были для детей (Чешко-Село, 2013).
(3.3.1.5)	VV: Jo, 'von'í ne'pšili od nix na'jednu	ВВ: Да, они не пришли от них вдруг сразу (Крушчица, 2015).
(3.3.1.6)	KM: 'Pšijde 'mládenec pro... pro 'družičku, 'jako pro tu 'holku, 'kera je mu 'družička i pši'nese ji 'n'akej... poklon	KM: Придет дружок за... за дружкой, ну за той девушкой, которая ему дружка, и принесет ей какой-нибудь... (серб.) подарок (Крушчица, 2015).

3.3.2. Аналогичным, на мой взгляд, является перенос ударения с *ne* в отрицательных формах глаголов. С.С. Скорвид упоминает данное явление среди других примеров на эмфатический сдвиг ударения [47. С. 146]. Тем не менее его можно рассматривать не только как признак экспрессии, но также предположить влияние языка окружения. В особенности это касается форм прошедшего времени, так как в чешском языке отрицательная частица составляет одно фонетическое слово с *l*-причастием, что нехарактерно для сербского, где она входит в состав вспомогательного глагола *biti*:

(3.3.2.1)	KM: Ne'sed'eli sme tak po 'koutex 'jako tej.	KM: Мы не сидели так по углам, как сейчас [сидят] (Крушчица, 2015).
(3.3.2.2)	KM: Vod 'Katežini se vic ne'tancuvalo, aš na-a 'doček 'noviho 'roku.	KM: После св. Екатерины уже не танцевали, до кануна Нового года (Крушчица, 2015).

3.3.3. В языке воеводинских чехов ударение в заимствованных из сербского языка лексемах часто сохраняет свое место, а не переходит на первый слог. Однако Д. Миркович [43. С. 196] и С. Попович [42. С. 68], наоборот, отмечают такой переход в идиомах хорватских и боснийских чехов. Вероятно, здесь можно говорить о разной степени фонетической и просодической адаптации заимствованных лексем.

(3.3.3.1)	KM: 'kamaratki 'naše generácije	KM: подруги нашего поколения (Крушчица, 2015).
(3.3.3.2)	VV: I tu se nasèlili i 'dželali 'zemn'edželstvo.	ВВ: И они поселились здесь и занимались земледелием (Крушчица, 2015).

3.4. Наблюдается также сокращение гласных основы и окончаний глаголов, прилагательных и местоимений. При этом ударение может переходить на место долгого гласного, например: *pši'tahlo* (чеш. přitáhlo – притянуло, приманило), *sed'laci* (чеш. sedláci – крестьяне), *dž'e'lava se* (чеш. dělává se – делается). Сокращение гласных характерно для юго-восточной (чешско-моравской) подгруппы собственно чешских диалектов [35. С. 236], а также центрально-моравских [35. С. 242], восточно-моравских [35. С. 264], силезских [35. С. 287] и переходных чешско-польских [35. С. 309] диалектов чешского языка, поэтому данное явление

нельзя однозначно трактовать как контактное. Количественные изменения гласных отмечаются также у чехов в румынском Банате [23. S. 203]. С. Попович выделяет в речи боснийских чехов случаи употребления у разных информантов в одинаковых позициях как долгих, так и кратких гласных, связывая это с различной (собственно чешской и моравской) основой диалектов переселенцев. Кроме того, отмечаются полудолгие гласные, которые «практически соответствуют сербохорватским долготам», т.е. в этом случае речь идет именно о контактном явлении [42. S. 37–42]. Диалектные и контактные случаи количественного изменения гласных также выделяет Д. Миркович в идиоме хорватских чехов [43. S. 176–194].

4. В результате интенсивного контакта с мажоритарным окружением в языке воеводинских чехов закрепились лексические заимствования из сербского языка. С. Утешены отмечал, что до Первой мировой войны местный чешский идиом находился под сильным влиянием немецкого языка ввиду контактов с немецкоязычным населением Бела-Црквы. В конце 1960-х годов он констатировал, что старшее поколение жителей с. Крушчица еще активно говорит на немецком, в то время как речь молодежи «наводнена» заимствованиями из литературного и диалектного сербского [25. S. 141].

Анализ интервью 2013–2019 гг. показал, что среди заимствованных из сербского литературного языка, а также из сербских (смедеревско-вршачких) говоров Баната, полнозначных лексем преобладают слова из сферы сельского хозяйства — повседневного быта сельских жителей (что, в том числе, может быть обусловлено темами самих интервью). К ним относятся, например, названия культур, которые выращивают местные жители: *suncoket* (серб. *suncokret* «подсолнечник»), *paradajz* («помидор»); названия орудий труда и хозяйственной утвари: *vršalica* («молотилка»), *vetrenjača* («мельница»). Встречаются регионализмы, например: *lotvoz* [48. С. 70] (бочка для винограда), *masta* [48. С. 73] (сладкий виноградный сок). Также заимствуются административные термины, названия профессий, школьные, вузовские, медицинские термины — лексика, использующаяся в тех учреждениях, где информанты могут говорить только на сербском языке, например: *državni* («государственный»), *nastava* («занятие»), *porodilište* («роддом»), *vojska* («армия»).

(4.1)	VV: 'Pruti vod 'suncoketu se 'vazali do 'snopax,	ВВ: Прутья подсолнечника связывали в снопы (Крушчица, 2015).
(4.2)	SM: 'Zbirat 'vínohrat, sme ji pro'sili nas 'pus-tit da 'deme 'zbirat, pa sme ji 'pšinesli 'mástu.	СМ: Собирать виноград, мы ее просили нас отпустить, чтобы мы пошли собирать, потом мы ей приносили виноградный сок (Крушчица, 2015).
(4.3)	IJ: Von 'držel 'nastavu 'jenom na 'srpski. 'Mi-sim 'předavan'i 'jenom na 'srpskom.	ИЙ: Он вел занятия только на сербском. Я имею в виду, лекции только на сербском (Вршац, 2019).
(4.4)	MJ: 'Tadi sme 'mn'eli 'jednu 'babičku, ne 'dok-torku, 'kera xo'dž'ila po'radžat 'ženski, 'diš sem ja 'se narodž'il, 'po stavenix 'domu. A 'potom, 'diš sem se ja vo'žen'il, 'moje 'd'z'ec'i, ve 'Vaj-skirxu je poro'dilišt'e.	МЙ: Здесь у нас была одна бабушка, не доктор, которая ходила принимать роды у женщин, когда я родился, по домам. А потом, когда я женился, мои дети, в Вайскирхе (совр. Бела-Црква) есть роддом (Крушчица, 2019).
(4.5)	IJ: Tam sem bil tši 'roky. Jsem to 'završil. 'Učil sem za pre'cizniho 'mexaničara. Sem to 'završil, 'vodešel sem k 'vojsku.	ИЙ: Там я был три года. Я это (учебу) закончил. Я учился на специалиста по точной механике. Я это закончил, пошел в армию (Вршац, 2019).

Среди заимствованных слов встречаются гиперкорректные контаминированные формы. В примере (4.3) сербская лексема *predavanje* («лекция», «занятие») приобретает окончание по модели чешских существительных среднего рода на *-í*. Также здесь появляется гиперкорректное *ř*, вероятно, по аналогии с чешской приставкой *pře-*. В сербском слове *porodilište* из примера (4.4), в свою очередь, конечный согласный основы смягчается в соответствии с чешским склонением существительных среднего рода на *-e*. Влияние чешского языка, т.е. факт адаптации близкородственных сербских лексем, уже отмечал у жителей Крушчицы С. Утешены [25. S. 142–143], аналогичное явление наблюдается у хорватских чехов [43. S. 283–285].

В сербском языке, в отличие от чешского, используются названия месяцев латинского происхождения, которые также заимствуются в речи представителей чешского меньшинства (поскольку собственно чешские названия не используются или просто неизвестны), однако в ситуации общения с исследователем информанты старались вспомнить их чешские аналоги:

(4.6)	VV: 'Zabiječki 'bili vod <i>de'cembru</i> , vod 'patnactiho 'dvacatiho <i>de'cembru</i> .	ВВ: Забой скота был с декабря, с пятнадцатого-двадцатого декабря (Крушчица, 2015).
(4.7)	IJ: Ja se 'jmenuju (имя). 'Ročn'ik 'tisic 'devjecet 'čtiricet i 'sedmej. 'Třet'i sep'temb(e)r. <i>Jak se řekne na 'česki?</i> V: 'Zaři. IJ: 'Třet'iho 'zaři.	ИЙ: Меня зовут (имя). Год рождения тысяча девятьсот сорок седьмой. Третье сентября. <i>Как сказать по-чешски?</i> В: (чеш.) <i>Сентябрь</i> . ИЙ: Третьего сентября (Вршац, 2019).

Активно также заимствуются слова несамостоятельных частей речи: союзы, предлоги, частицы, междометия (а также формы местоимений в функции междометий), некоторые из них являются дискурсивными маркерами, например: *pa*, *ta* («ну», «но»), *ovaj* («этот»), *evo*, *eto* («вот»), *nego* («чем»), *baš* («именно, особенно»), *valjda* («наверное»), *barem* («хоть», «хотя бы») (ср. у С. Утешены об этих заимствованиях в речи жителей Крушчицы [25. S. 143], а также об употреблении общебалканских частиц *takar*, *barem*, *baš* среди чехов в Румынии [23. S. 205]; у Д. Мирковича о заимствовании слов несамостоятельных частей речи [43. S. 291–292] у чехов в Хорватии).

(4.8)	SA: <i>Pa</i> 'nevim, 'val'da 'misleli, že 'tadi 'bude 'lepši žit i.. 'dobra zem i..	СА: Ну, не знаю, наверное, они думали, что здесь будет лучше жить и... хорошая земля и... (Вршац, 2015).
(4.9)	VV: i 'takže se <i>baš</i> ne- ne'libi 'nam se to <i>baš</i>	ВВ: так что особо не, не нравится нам это особо (Крушчица, 2015)

5. Рассмотрим самые яркие контактные особенности синтаксиса, выявленные в речи сербских чехов.

5.1. Многочисленны примеры использования сербского предлога *za* («для») на месте чешских предлогов *pro* («для» — со значением направленности на объект или адресата) и *na* («для» — со значением инструмента или цели) (то же наблюдается у боснийских [42. S. 72] и у хорватских [43. S. 317–320] чехов), что объясняется их семантической и грамматической близостью (оба предлога управляют винительным падежом): *mn'eli peci za xleb* («у них были печи для [приготовления] хлеба»), *saráci za xomuti*, *za hámi*, *za úzdi dž'elat* («шорники, чтобы делать хомуты, сбриу, узды»). По аналогии союз *protože* («потому что») преобразуется в *zato že* (ср. серб. *zato što*), чему способствует изоморфизм чешского

и сербского союзов: *zato že to Zla'č'ica tu blisko* («потому что Златица здесь близко»), *zato že mn'el kon'e strakati* («потому что у него были кони пегие»).

5.2. К контактным особенностям синтаксиса мы относим употребления сербских *da*-конструкций (ср. [25. S. 143; 42. S. 74; 43. S. 313–314]). *Da* может употребляться при придаточных предложениях со значением цели («чтобы»), где в стандартном чешском используются кондициональные конструкции с элементом *aby* (примеры (5.2.1), (5.2.2)). Также *da* выступает в роли подчинительного союза, аналогичного чешскому *že* («что») (пример (5.2.3)).

(5.2.1)	SM: 'Deda bil ve 'zatvoru, že 'bršil 'troxu ječ'menu. <i>Da</i> ma dat co 'svin'am, kr- 'kon'am, jag do 'řeknu.	СМ: Дед сидел в тюрьме за то, что обмолот немного ячменя, чтобы у него было, что дать свиньям, коням, так сказать (Вршац, 2015).
(5.2.2)	VV: Muj 'tata bil ve 'velkim 'póli, i ja sem uč'ikal 'pješki, i-i... <i>da</i> mu 'hlasim, že 'deda 'umžel.	ВВ: Мой папа был в большом поле, и я побегал пешком и... чтобы сказать, что дед умер (Крушчица, 2015).
(5.2.3)	SA: Jak to se 'stalo, baž do 'Krušici <i>da</i> 'pšišli?	СА: Как так случилось, что они именно в Крушицу пришли? (Крушчица, 2015)

5.3. В речь воеводинских чехов проникает также сербская конструкция (*i*)*ma* + объект в родительном падеже, служащая для указания на наличие чего-либо (в цитируемых здесь работах подобные примеры найти не удалось):

(5.3.1)	SA: Ti špic'namen, ma 'plno vi 'Krušici? VV: Jo-o-o... 'Hodn'e <i>ih ma</i> : (имя) 'taki vi 'Krušic al' je (прозвище)... ma špic'namen, ne.	СА: Эти прозвища... их много в Крушчице? ВВ: Да... Много их: (имя) тоже в Крушчице, но он (прозвище), у него прозвище (Крушчица, 2015).
---------	---	--

6. Для речи представителей меньшинств в этнически смешанных регионах характерно переключение кода (*code-switching*), понимаемое как «процесс перехода с одного языкового кода (языка или диалекта) на другой в зависимости от социального контекста или речевой ситуации» [49]. На момент написания С. Утешены статьи о языке чехов в данном регионе, понятие *code-switching* еще не было сформулировано, однако он указывает на то, что «большинство двуязычных и многоязычных говорящих меняют свои высказывания с учетом того, кто их слушает, поэтому, когда слушатели разные (когда у них различные языковые компетенции. — С.Б.), они переходят с одного языка на другой, иногда посреди фразы, а при цитации используют оба или несколько языков совершенно произвольно» [25. S. 144].

6.1. Приведем несколько примеров зафиксированных нами случаев переключения кодов (курсивом выделены синтагмы на сербском):

(6.1.1)	SA: <i>Razgo'varamo sa</i> (имя). 'Ona je 'godište... 'keri ste 'ročn'ik? BR: 'Třicet 'osmi. SA: 'Třicet 'vosmi, 'dobře. 'Budeme na 'češt'in'i 'mluvit. BR: Na 'česku, na... <i>pa da</i> , diš...	СА: (серб.) <i>Мы разговариваем с</i> (имя). <i>Ее год рождения...</i> Какого вы года? БР: Тридцать восьмой. СА: Тридцать восьмой, хорошо. Будем на чешском говорить. БР: На чешском, на... (серб.) <i>Ну да</i> , раз уж... (Вршац, 2015).
(6.1.2)	SA: 'Nalazimo se u 'kuč'i kod 'gospodž'e (имя). 'Ona je 'trideset 'petog 'godište. Vi ste 'saglasni da vas 'snimimo? HF: 'Jesam SA: E, tej 'budeme 'češt'inom. Vi ste 'čexin'a? 'Česka? HF: Ja sem 'česka, 'ano.	СА: (серб.) <i>Мы находимся в доме госпожи</i> (имя). <i>Ее год рождения тридцать пятый. Вы согласны с тем, что мы вас будем записывать?</i> ГФ: (серб.) <i>Да, [согласна]</i> . СА: Ну, теперь будем по-чешски. Вы (серб.) <i>чешка?</i> Чешка? ГФ: Я чешка, да (Вршац, 2015).

(6.1.3)	KM: I 'Dikovo 'táta dok ne 'umřel, von 'taki hrál. 'Jeho 'bilo «Tri 'sarme na 'plitkom 'tan'jiru», to 'dicki 'spíval. I tak, 'bili 'všelijiaki ti 'starohradni pis'nički ⁴ : «Moja 'mala de'vojčica» i co č'i ja vim.	KM: И папа Дык, пока не умер, он тоже играл. Его [любимое] было “Tri sarme na plitkom tanjiru”, он это всегда пел. Вот так, были эти разные староградские песни: «Moja mala devojčica» и не знаю, что еще (Крушчица, 2015).
(6.1.4)	SM: [...] 'mn'ela tši 'roki i tak šek: «Ajde da se 'potegrifujem». I 'pšišli do Vajskirxu	СМ: ...[мне] было три года, и он тогда сказал: (серб. искаж.) «Пойдемте фотографироваться», — и [мы] пришли в Вайскирх (совр. Бела-Црква) (Вршач, 2015).

В некоторых случаях переключение кода мотивировано стратегией интервьюера, а также реакцией информанта на языковое поведение собеседника. Так в начале каждого интервью «Школы-плюс» исследователь А. Стеглик дает на сербском языке краткую преамбулу, в которой сообщает имя и фамилию собеседника и спрашивает разрешение на запись разговора, после чего просит информанта говорить далее на чешском и сам переходит на чешский язык. В примере (6.1.1), уточняя год рождения собеседницы, он сразу же обращается к ней по-чешски: *'keri ste 'ročn'ik?* («какого вы года?») — и она отвечает ему также на чешском. В примере (6.1.2) вся преамбула, включая вопрос, адресованный непосредственно информантке, звучит на сербском языке, поэтому она при ответе использует сербский. Далее интервьюер переходит на чешский, однако употребляет сербскую лексему *čexin'a* («чешка») и сразу «исправляется», дублируя ее чешским вариантом *češka* для того, чтобы диалог продолжался на чешском (о стратегии дублирования см. также [51. С. 145; 44]). Переключение кода также характерно для ситуаций цитирования. В примере (6.1.3) информантка перечисляет названия сербских песен, а в примере (6.1.4) собеседница передает слова, которые говорил ей в детстве отец по-сербски.

6.2. Многие выделяемые здесь особенности речи мультязычных информантов, разумеется, осознаются и самими говорящими (у сербских чехов это также отмечает Т. Штохлова [8. С. 50]). На явление метапрагматической осведомленности обращал внимание Дж. Фершуерен: «использование языка, как и другие формы социального поведения, интерпретируются актерами-участниками» [52. С. 99]. Все наши информанты в Воеводине в большей или меньшей степени контактируют с литературным чешским языком. Представители старшего поколения учились в существовавших в Воеводине чешских школах, сейчас многие из них имеют доступ к чешским СМИ, фильмам, книгам через Интернет. Поэтому в ходе интервью было также выявлено большое количество фактов метаязыкового комментирования собеседниками собственной речи. В ситуации разговора с исследователем информанты стараются говорить на как можно более чистом и правильном на их взгляд чешском языке: с одной стороны, чтобы интервьюер их хорошо понимал, с другой — чтобы показать собственный высокий уровень владения языком. Метаязыковые комментарии при этом могут содержать в себе переключение кода, либо же само такое переключение может стать объектом комментирования (ср. [44]). Рассмотрим виды дискурсивных стратегий на примерах:

⁴ Калька с серб. *starogradske pesme* — особый песенный жанр, возникший в городах на Балканах в конце XIX — начале XX в., и представляющий собой синтез народной песни и популярной эстрадной музыки того времени [50. С. 63–65].

(6.2.1)	VV: 'Hodn'e ix, tix 'koláču, 'kerej tše'bali jit do-o, do 'pece. Ja vim, ne 'muže bejt 'princes 'krofni da-a je 'pečeni, ve 'troubje, ve 'šporeč'e i ve-e 'peci 'ist'í... 'nejsu. To vod 'moje 'neboški 'mami vim 'akorát. To 'nevim, 'jak se 'česki 'žeknu. Ali 'princes 'krofne na 'srpski, to vim 'akorát.	ВВ: Много их, этих пирожных, которые нужно было [выпекать] в печи. Я знаю, что не могут быть <i>princes krofni</i> ⁵ , которые пекли в духовке, в (серб.) <i>плите</i> , <i>духовке</i> , и в печи одинаковыми... не могут быть. Я это знаю от своей покойной мамы. Я не знаю, как они по-чешски называются. Но <i>princes krofne</i> на сербском — это я как раз знаю (Крушчица, 2015).
(6.2.2)	VV: Ne bi mox 'ono ja. 'Možna 'starši 'keri 'nap-šiklad... da-a-a 'za'prosiš 'ovaj, e-e-e... (имя) no 'za'prosiš da č'i da interv'ju, on bi č'i 'hodn'e vic 'toho 'ješč'e vip'ravel, že ja. 'Hodn'e vic, 'ist'e 'hodn'e vic. I 'troxu 'lepši 'česki bi ti moh vi'pravjet 'nežli ja.	ВВ: Я не смогу это [объяснить]. Может, у кого-нибудь из старых <i>попросишь</i> , например, у (имя) <i>попросишь</i> , чтобы он тебе дал интервью: он бы тебе еще больше об этом рассказал, чем я. Гораздо больше, точно гораздо больше. И <i>немного лучше по-чешски мог тебе рассказать, чем я</i> (Крушчица, 2015).
(6.2.3)	BH: A vo'lala sem ho na 'fiksni, 'fiksni se 'taki mi iz'baci. I: [...] 'nema več 'fiksni. BH: 'Zato von mn'e vi'hazuje. [...] BH: 'Nema e-e 'fiksni... 'nema-a 'pevn(o)u 'linku.	БГ: А я звонила ему на (серб.) <i>стационарный</i> , <i>стационарный</i> у меня тоже (серб.) <i>сбрасывается</i> . И: [...] (серб.) у него уже нет <i>стационарного</i> . БГ: (серб.) <i>Поэтому</i> он меня сбрасывает. [...] БГ: у него нет, э-э (серб.) <i>стационарного</i> ... нет стационарной линии (Крушчица, 2019).
(6.2.4)	JM: 'Ten 'den 'bil na 'dvou 'funusex. 'Vite, co je 'funus? Diš 'n'egdo 'umže, diš e... diš 'n'egdo 'umže, pa diž ho ode 'viprovozď'it. Jak to vi 'žikate... 'saxrana... u 'nas 'žikaji 'funus.	ЙМ: В этот день он был на двух похоронах. Вы знаете, что такое похороны? Когда кто-нибудь умирает, когда э-э... когда кто-нибудь умирает, потом когда его идут провожать. Как вы это говорите... (серб.) <i>похороны</i> ... у нас говорят похороны... (Крушчица, 2019)

В примерах (6.2.1), (6.2.3), (6.2.4) реализуется стратегия подбора эквивалента на другом языке, стратегия «перевода». В (6.2.1) разговор ведут два представителя чешского меньшинства, поэтому перевод с чешского на сербский (*ve 'troubje* — *ve 'šporeč'e*) обусловлен скорее желанием информанта противопоставить слова «духовка» и «печь», и сербское слово показалось ему более подходящим для однозначной интерпретации. В (6.2.3) информантка (БГ) разговаривает по телефону с сербкой (И), при этом разговоре присутствуют автор статьи (с которым информанты общались на чешском) и второй исследователь (к которому информанты обращались на сербском). В первой реплике она строит фразу по правилам сербского языка (в чешском смысл «звонить кому-то по телефону» передает глагол *volat* + адресат звонка в дат. п.) и употребляет сербские слова *fiksni* и *izbaci se*. Во второй реплике она использует чешскую лексику *vi'hazuje* — возможно, «перевод» вызван тем, что вся речевая ситуация весьма нестандартна, и БГ начала колебаться, проверять свою речь на «правильность». Наконец, по окончании разговора она переводит и лексему *fiksni* (для того, чтобы было понятно обоим исследователям) с расширением в чешском варианте: *pevn(o)u linku*. В (6.2.4) помимо перевода *funus* — *saxrana* дополнительно реализуется еще одна распространенная метаязыковая стратегия: контроль понимания. Информанты прибегают к ней, когда им важно убедиться, что собеседник понимает, о чем идет речь. Контроль понимания может осуществляться не только в виде проверки знания собеседником какой-либо лексики на том или ином языке, но и в отношении понятия, которое за ней стоит. Информанты предполагают, что исследователю из города могут быть

⁵ (серб.) Пирожное типа профитролей.

не знакомы те или иные реалии, характерные для жизни в сельской местности (см. соответствующие примеры в [44]). В этом же высказывании находим примеры этноязыковых маркеров: информант связывает чешскую лексему *funus* со «своей» языковой традицией (*u nas žikaji funus*), а сербскую лексему *saxrana* выделяет как «чужую» (*jak to vi žikate... saxrana...*)⁶. Примеры такого маркирования зафиксированы у представителей национальных меньшинств Боснии и Герцеговины [44], а также в интернет-коммуникации русских в Эстонии [53. Р. 13] и сербов в словенской Белой Краине [54. S. 146].

В (6.2.2) отражены комментарии информанта, выражающие оценку собственных компетенций «говорения на хорошем чешском»: *'Ne bi 'mox 'ono ja*, а также его мыслей по поводу того, что «старики расскажут больше», а кто-то конкретный «немного лучше по-чешски будет тебе рассказывать»: *I 'troxu 'lepši 'česki bi ti moh vi'pravjet 'nežli ja*. В этом же примере находим примечательную контаминированную форму *za'prosiš* («попросишь»), произведенную от чешского глагола *poprosit* с использованием приставки *za-*, как в глаголе (серб.) *zamoliti* с тем же значением.

7. В Южнобанатском округе автономного края Воеводины компактно проживает чешская община, насчитывающая чуть более 1000 человек. К сожалению, ее численность с каждым годом сокращается вследствие естественной убыли населения и оттока молодых людей в крупные города Сербии и за границу. Тем не менее, сербские чехи стремятся сохранить свой язык и культуру как фактор идентичности, о чем свидетельствуют многочисленные метаязыковые комментарии, выражающие отношение информантов к собственной языковой компетенции, актуализирующейся во время интервью с исследователем. Собственно лингвистические исследования в данном сообществе не проводились с 1970-х годов, поэтому целью моей работы стал анализ нарративов, собранных в 2013–2019 гг., часть из которых (материалы 2019 г.) были записаны во время моей экспедиции в Южный Банат. В рамках данной статьи я сфокусировался на тех особенностях говора, которые возможно трактовать как возникшие под влиянием сербского языка. Были отмечены случаи приспособления фонетической системы, лексические и синтаксические заимствования. В результате языкового контакта возникают гибридные конструкции, обусловленные близостью грамматических систем двух языков. В статье впервые рассмотрены случаи переключения кода и выделены некоторые дискурсивные стратегии чехов сербского Баната. В целом отмечается закрепление в идиоме тех контактных особенностей, которые 50 лет назад исследователи выделяли у младшего поколения чехов, а также довольно высокая степень межъязыковой интерференции. Чешский язык в повседневной жизни используют, в основном, пожилые люди. Молодое поколение уезжает работать в крупные города, а их дети не овладевают чешским языком, так как родители часто считают это нецелесообразным. Таким образом, можно констатировать, что чешское меньшинство в сербском Банате сегодня постепенно ассимилируется с мажоритарным этносом.

⁶ Хотя данная реплика была обращена к автору статьи, под «вы» имеются в виду все же носители сербского языка. Вероятно, такая «оговорка» связана с тем, что информанты в данном регионе привыкли общаться с исследователями из Чехии и Сербии, поэтому интервьюер не-чех в начале знакомства иногда воспринимался как серб.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Скорвид С. С. Чешские переселенческие говоры на Северном Кавказе и в Западной Сибири // Славяноведение. 2014. № 1.
2. Скорвид С. С. К типологии инославянских переселенческих говоров в России // Slověne = Slovĕne. International Journal of Slavic Studies. 2017. № 1.
3. Sohrová M. O vlivu jazyka prostředí na mluvu menšiny // Přehled kulturních, literárních a školních otázek. 2014. № 32.
4. Straníková H. Změny slovesných prefixů v důsledku jazykového kontaktu mezi češtinou a chorvatštinou v češtině Čechů v Chorvatsku // Přehled kulturních a historických, literárních a školských otázek. 2014. № 32.
5. Straníková H. K některým jevům v slovní zásobě příslušníků české menšiny v Chorvatsku // Přehled kulturních a historických, literárních a školských otázek. 2011. № 9.
6. Stranjik H. Jazyk jako jeden ze základních pilířů identity // Po českých stopách na Daruvarsku. Olomouc, 2017.
7. Zajíčková L. Český jazyk v Paraguayi: studie o jazykovém kontaktu a zániku. Olomouc, 2010.
8. Štochllová T. Jazykový posun u českého společenství v Srbsku. Diplomová práce (Bc.). Filozofická fakulta UK. Ústav českého jazyka a teorie komunikace, Praha, 2017.
9. Frnochová A. Jazyk české menšiny v obci Šumice v rumunském Banátě. Diplomová práce (Mgr.). Filozofická fakulta UK. Ústav českého jazyka a teorie komunikace. Praha, 2012.
10. Vyskočilová K. Syntaktická analýza projevů českých mluvčích v rumunském Banátu. Diplomová práce (Bc.). Filozofická fakulta UK. Ústav českého jazyka a teorie komunikace. Praha, 2012.
11. Homanová K. Čeští krajané a podoba českého jazyka v argentinských enklávách (zvláště v okolí Presidencia Roque Saenz Pena). Diplomová práce. Ostravská univerzita. Filozofická fakulta. Katedra českého jazyka. Ostrava, 2006.
12. Halašiová A. Moravská nářečí u nejstarší generace mluvčích v argentinské provincii Chaco // Den mladé vědy 2020. Filozofická fakulta UK. Praha, 2020. URL: <https://www.ff.cuni.cz/wp-content/uploads/2020/05/Hala%C5%A1tov%C3%A11.pdf> (Data обращения: 04.08.2020).
13. Nomachi M. Language contact and structural changes in Serbian and other Slavic languages in the Banat region // У простору лингвистичке славистике. Зборник научних radova povodom 65 godina života akademika Predraga Pipera. Београд, 2015.
14. Стойков С. Банатский говор. София, 1967.
15. Стойков С. Банатский диалект // Славянская филология. 1968. Т. 10: Езикознание.
16. Toma A. Grenzen und Perspektiven einer Sprache und Kultur – die Lage des Deutschen im Rumänischer Banat // Sprachgebrauch – Sprachanpassung: Eine Untersuchung zum heutigen Gebrauch der deutschen Sprache in Westrumänien und zur sprachlichen Anpassung der Donauschwaben. Tübingen, 1998.
17. Laihonon P. Multilingualism and Language ideologies in the Rumanian Banat. Jyväskylä, 2005.
18. Пулипенко Г. П. Языковая и этнокультурная ситуация воеводинских венгров: взгляд «изнутри» и «извне». М., 2017.
19. Sikimić B. Romanians in Serbian Banat: Dynamic Epistemology // The Multilingual Society of Vojvodina: Intersecting Borders, Cultures and Identities. Sapporo, 2014.
20. Конѣр Д. В. Лексика свадбеной обрядности в славянском и румынском идиомах карашевцев в исторической области Банат. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. ИЛИ РАН. СПб., 2020.
21. Auerhan J. Čechoslováci v Jugoslávii, v Rumunsku, v Maďarsku a v Bulharsku. Praha, 1921.
22. Heroldová I. K otázce charakteru duchovní kultury banátských Čechů // Národopisný věstník Československý. 1974. № VIII–IX.
23. Utěšený S. O jazyce českých osad na jihu rumunského Banátu // Český lid. 1962. № 49 (5).
24. Utěšený S. Z druhé výpravy za češtinou v rumunském Banátě // Český lid. 1964. № 51 (1).
25. Utěšený S. O posrbsťování krušické češtiny v jugoslávském Banátě // Naše řeč. 1970. № 53 (3).
26. Jakoubek M., Nešpor Z. R. Nové poznatky o českých osadách v Banátu a v Bulharsku // Homo bohemicus. 2003. № 3.
27. Pavlásek M. Česká menšina v jihobanátské obci Veliké Središće. Její počátky a etnické procesy // Národopisná revue. 2010. № 20 (1).
28. Етноконфесионални и језички мозаик Србије. Београд, 2014.
29. Statut opštine Bela Crkva // Službeni list Opštine Bela Crkva 8/2008. URL: <https://www.pra-vamanjina.rs/attachments/Bela%20Crkva%20-%20STATUT.pdf> (Data обращения: 21.07.2020)
30. Етнички мозаик Србије према подацима пописа становништва 2002. Београд, 2004.

31. Бурић-Миловановић А. Двоструке мањине у Србији. О посебностима у религији и етничитету Румуна у Војводини. Београд, 2015.
32. Попис становништва, домаћинства и станова у 2002. Становништво. Национална или етничка припадност. Подаци по насељима. Београд, 2003.
33. Костяшов Ю. В. Сербь в Австрийской монархии в XVIII веке. Калининград, 1997.
34. Gece D. Historie českých komunit v Rumunsku. Praha, 2013.
35. Bělič J. Nástin české dialektologie. 1. vyd. Praha, 1972.
36. Pavlásek M. Prameny k dějinám české menšiny vojvodinské obce Veliké Srediště // Národopisný věstník. 2012. № XXIX (1).
37. Štěpánek V. Mizející menšina. Historie a současnost českého osídlení v srbském Banátu // Národopisná revue. 2003. № 13 (1).
38. Иванов Вяч. Вс. Контакты языковые // Языкознание. Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М., 1998.
39. Борисов С.А. Чешский язык и традиционная культура в полиэтническом окружении (результаты полевого исследования 2019 года в Сербии, Румынии, Боснии и Герцеговине) // Славянский альманах. 2021. № 1–2.
40. Пилипенко Г.П., Ясинская М.В. Поляки в казахстанских степях. Исследование языка и культуры // Славянский альманах. 2018. № 1–2.
41. Лабов У. Исследование языка в его социальном контексте // Новое в зарубежной лингвистике. 1975. № 7.
42. Popović S. Govor dvaju čeških naselja u Bosni (Nova Ves i Mačino Brdo). Beograd, 1968.
43. Mirković D. Govori Čeha u Slavoniji (Daruvar i okolina). Beograd, 1968.
44. Борисов С.А., Пилипенко Г.П. Дискурсивные практики и метаязыковое комментирование в речи представителей национальных меньшинств Боснии и Герцеговины (на примере славянских сообществ Республики Сербской) // Южнославянские филолог. 2021. № 2 [в печати].
45. Český jazykový atlas 5 / J. Balhar a kol. 2., elektronické, opravené a doplněné vydání. Praha, 2016. URL: <https://cja.ujc.cas.cz/CJA5/> (Дата обращения: 04.08.2020).
46. Habětinová E. K přízvukování předložkových spojení v mluvené češtině // Slovo a slovesnost. 1966. № XXVII.
47. Скорвид С.С. О некоторых просодических особенностях говора потомков чешских переселенцев на Северном Кавказе // Балто-славянская акцентология. IWoBA VII: Материалы VII международного семинара. М., 2016.
48. Томић М. Речник радимског говора // Српски дијалектолошки зборник. Београд, 1989. Књ. XXXV. Расправе и грађа.
49. Morrison C. D. Code-switching // Britannica. URL: <https://www.britannica.com/topic/code-switching> (Дата обращения: 29.07.2020)
50. Dumnić M. Defining Nostalgic Musicscape: Starogradska muzika in Skadarlija (Belgrade) as Sound Environment // Muzikološki zbornik. 2016. Zv. LII/2.
51. Токар Т. Я. До питання розвитку лексики українських острівних говірок Боснії // Дослідження з української діалектології. Київ, 1991.
52. Фершурен Дж. Заметки о метапрагматической осведомленности в использовании языка. Пер. с фр. Глембоцкой Я.О. // Критика и семиотика. 2001. № 3/4.
53. Verschik A. Metalinguistic comments and multilingual awareness: Estonian-Russian language contacts in blogs // Applied Linguistics Review. 2017. № 10 (3).
54. Petrović T. Srbi u Beloj Krajini. Jezička ideologija u procesu zamene jezika. Beograd, 2008.

Славяноведение, 2021, № 3, с. 80–88

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 3, pp. 80–88

DOI: 10.31857/S0869544X0014963-2

Оригинальная статья /
Original Article

Этнолингвистическая экспедиция в Миячию (Северная Македония)

© 2021 г. А.И. Чиварзина

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

mss-vah@yandex.ru

Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда по проекту «Славянские архаические зоны в пространстве Европы: этнолингвистические исследования» (рук. акад. С.М. Толстая), № 17-18-01373.

Аннотация. В настоящей статье освещены общие результаты этнолингвистической экспедиции 2020 г. в район Дебара (Республика Северная Македония). Эта граничащая с Албанией территория, на которой проживает население пестрого национального и религиозного состава, привлекает внимание исследователей как зона высокой сохранности архаических явлений не только в языке (диалекте), но и в народной духовной культуре. Православное славянское население данных мест известно под именем мияки, соответственно регион называется Миячия. Проживание в окружении представителей иной религии (ислама) и в условиях иноязычных контактов способствует более последовательному соблюдению местных традиций и обрядов. В ходе проведенного полевого обследования ряда сел Миячии записаны уникальные явления календарной обрядности, более нигде не встречающиеся в Южной Славии, а также мифологические народные представления и данные по семейной обрядности. В статье, помимо собственных экспедиционных записей, используются ранее опубликованные этнолингвистические исследования.

Ключевые слова: этнолингвистика, Дебар, Миячия, южнославянские диалекты, славянские архаические ареалы.

Ссылка для цитирования: Чиварзина А.И. Этнолингвистическая экспедиция в Миячию (Северная Македония) // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 80–88. DOI: 10.31857/S0869544X0014963-2.

Ethnolinguistic expedition to Mijačija (North Macedonia)

© 2021. A.I. Chivarzina

mss-vah@yandex.ru

Abstract. The article contains the general results of the ethnolinguistic expedition of 2020 to the Debar region (the Republic of North Macedonia). This borderline territory with a population that differs nationally and religiously attracts the researchers' attention as a

zone of high preservation of the archaic phenomena not only in the linguistic features of the Slavic dialect, but also in the folk culture. The Orthodox Slavic population of these places is known under the name of the Mijaks, and the region is called Mijačija. Surrounded by the followers of another religion (Islam) and in the foreign language environment one observes more consistently local traditions and rituals. In the course of the field survey of the Mijačija villages, the unique phenomena of the calendar rituals were recorded, which are not found anywhere else in South Slavia. Mythology and family traditions are also of the ethnolinguistic interest, since they allow us to fit this little-studied area into the general South Slavic context. In this article beside the author's records are used the previously published ethnolinguistic works.

Keywords: ethnolinguistics, Debar, Mijačija, South Slavic dialects, Slavic archaic zones.

For citation: Chivarzina A.I. Ethnolinguistic expedition to Mijačija (North Macedonia) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2021. No. 3. Pp. 80–88. DOI: 10.31857/S0869544X0014963-2.

В рамках проекта по изучению архаических ареалов Южной Славии 11–22 сентября 2020 г. состоялась этнолингвистическая экспедиция в район Дебара (Республика Северная Македония). В данном регионе, расположенном у границы с Албанией, проживает население разных этнических и религиозных групп. Славянское христианское население, известное под этнонимом мияки (*Mijačija*), на берегах реки Радика делит территорию с албанцами-мусульманами. Во времена Османского владычества часть православных приняла ислам, и так некогда единая общность распалась на две группы, которые, в свою очередь, дифференцированы по течению реки на микроареалы: Горна Река (от истока реки Радика до ущелья Борич), Долна Река (среднее течение), Голема Река (от впадения в Радика реки Мала Река до самого Дебарского озера), также само русло притока Мала Река считается отдельной микрозоной. Мияки – население, проживающее в пределах Долна, Мала и Голема Река [1. С. 7].

По данным первых лексико-словообразовательных и фонетико-грамматических томов ОЛА [2–5], говоры этой пограничной западномакедонской области относятся к зоне, где выявляются следы глубокой архаики [6. С. 6–24]. В фонетической системе дебарских (малореканских) говоров Б. Видоевский выделяет следующие характерные черты, которые противопоставлены остальным говорам македонского языка. В корневых морфемах **o* перешел в /*o*/: (*зон, рока, тожење, доп, собота, гроди*). Слоговые **r* и **l* остались в неизменном виде (*прсти, влк, слза, дрво*). Рефлексами **tj*, **dj* выступают как /*č*/, /*đ*/ (*мекава, врукина*), так и /шт/, /шч/, /ш/ или /жд/, /жц/, /ж/: (*плешти, помош, вежди, прежа*). В морфологии выделяется окончание *-et* для 3 л. мн. ч. (*тие викает/вике:т, носет/носе:т, ткает, спиет*) и общее для всех крайних западномакедонских наречий окончание *-t* для 3 л. ед. ч. (*требат, тој одит, таа јадет*). Деепричастие образуется прибавлением суффикса *-еки* (*викаеки, вракаеки, одеки*) (полное описание дебарских говоров см. [7. С. 213–244]). В экспедиционных записях вышеприведенные особенности фиксировались непоследовательно. Большинство опрошенных осенне-зимний период года проводят в городах, где общаются с помощью койне (разновидности литературного македонского языка, смеси диалекта и литературного языка). Информанты с высшим образованием старались говорить на литературном языке.

Расположение сел в ущельях посреди самых высоких гор Македонии – Шар Планина, Кораб, Дешан, Крчин, Бистра, Стогово не способствовало развитию земледелия в этих областях. Основным занятием населения испокон веков

было отгонное скотоводство, преимущественно овцеводство. В день св. Иеремии (*Еремија*, 14.05) стада перегоняли на летние пастбища, где те находились до Крестовоздвижения (*Крстовден*, 27.09). Первый раз скот стригли зимой, вторая стрижка *престриг* совершалась в августе: для этого овец пригоняли в село и предварительно купали в источнике — «чтобы плодились» (*за да се множат*). Расцвет овцеводства пришелся на XVIII в. После Балканских войн и образования независимых государств стало сложнее перегонять стада, не нарушая границы стран. А после Второй мировой войны было введено ограничение на частное овцеводство и отрасль пришла в упадок [1. С. 12–13].

Суровый климат и сложившаяся экономическая ситуация обусловили второй основной способ заработка населения — *печалбарство* (мак. *се печали* «трудиться, зарабатывать», однокоренное с *печал* «скорбь, беда» [8. С. 211–212]), *гурбетчиство* (от араб. через тур. *gurbet* «чужбина») — трудовая миграция. Население рассматриваемых мест прославилось известными иконописцами, строителями, резчиками по дереву. Здания и иные постройки, сохранившиеся в этих краях, хорошо исследованы и описаны этнографами и историками архитектуры [9]. Многие церкви на Балканах декорированы мастерами из мякских сел (Бигорский монастырь, церковь Свети Спас в Скопье). На заработки жители отправлялись два раза в год — в мае и в октябре. Договор заключался от праздника Крестовоздвижения (*Крстовден*, 27.09) или дня св. Димитрия (*Митровден*, 26.10.) до Юрьева (*Ѓурѡвден*, 06.05.) или Петрова дня (*Петровден*, 12.07.), в зависимости от главного сельского праздника — *слава* — в конкретной местности. На дни возвращения рабочих планировались свадьбы, помолвки, заключение договоров. Новое занятие населения способствовало появлению обрядов и ритуалов, связанных с обеспечением здоровья, безопасности и удачливости человека, отправляющегося *во печалба*. Обряды, посвященные прощанию с уходящими на заработки, типологически очень близки похоронам, проводам рекрутов, прощанием с невестой и органично вписываются в рамки семейной обрядности.

В иноязычном и иноконфессиональном окружении, как правило, лучше сохраняются отдельные явления традиционной духовной культуры (см. [10]). Из этнографической литературы, посвященной данному региону, и по материалам этнолингвистической экспедиции можно заключить о присутствии некоторого числа архаических элементов в обрядах календарного цикла и в семейной обрядности. Этнолингвистическое обследование осуществлялось по вопроснику А.А. Плотниковой [11]. В основном был собран материал по календарной и семейной обрядности, отчасти по народной мифологии края. Далее приведем некоторые наиболее яркие черты обследованной традиции.

Календарные праздники зимнего цикла занимают центральное место в народном календаре не только в рассматриваемом регионе, но и на широкой территории южнославянского культурно-языкового континуума. Одной из общих и распространенных архаических традиций является сжигание в очаге полена *бадник* накануне Рождества [12. С. 96, 398–411]. В Миячии в Сочельник (6.01) рано утром молодые мужчины шли в лес рубить *ба́дник*, *ба́днице*. Бадник в этой области представляет собой одну или несколько дубовых веток. При заготовке бадника ветка не должна была коснуться снега — *да не се омрсит* («чтобы не оскоромиться»). Носители традиции поясняли этот запрет тем, что в пост человек не ест ничего белого: молока, сыра, яиц. Поэтому и бадник не должен коснуться белого снега (ЙМ). Приписывание сжигаемой дубовой ветке

антропоморфных признаков свидетельствует о сохранении архаического восприятия окружающей природы.

Согласно одной из теорий, общее для южнославянского ареала наименование *бадник* образовано от глагола **bdēti* «бодрствовать», потому что одним из ритуальных действий с бадником является обычай в течение ночи не спать, наблюдая за его горением [12. С. 96]. Эта традиция сохранилась и в районе Дебара. Во время праздничного постного ужина *баднице* помещается в очаг и поджигается: *Како што си одит огон, така и кучата ќе да одит* (Как взвизывается огонь, так и дом пусть растет) — комментирует этот обычай одна из информанток в с. Ростуше (ВЕ). *Запалува најстариот член, татко ми на пример. Дедо ми ако бил жив. Тој го пали. Кој ќе види да догорит прв — него ќе биде телето, јагнето. Таа година — негова ќе биде* (Поджигает самый старший член семьи, мой отец, например. Мой дед, когда был жив. Он его поджигал. Кто первым увидит, как догорает, — его будет теленок, ягненок. Тот год — его будет) (ПТ).

К Сочельнику для семейного праздничного ужина выпекается ритуальный хлеб под общим родовым названием *погача*. Он делится между членами семьи, а первые куски предназначены Господу, дому и скоту (Ростуше, Битуше, Тресонче, Лазарополе). В с. Ростуше был записан обычай общинного совместного выпекания большого количества хлебов по числу православных семей в селе. В Сочельник в общий чан с тестом бросается монетка — в чей хлеб она попадет, тот считается удачливым: целый год на сельских праздниках ему первому предлагают угощение. Для названия этого небольшого ритуального хлеба также нет специального термина, используется общеупотребительная лексика — *погачиче* («лепешечка, пресная булочка») (ВЕ).

Все информанты отмечают широкое народное гуляние на Старый Новый год — *Василица* (14.01): *Василица многу се празнува во селото* (ПТ). К празднику делается специальная трость *суровица* (по одной из версий, от греч. *σοῦρβα* «кизил») из переплетенных ветвей кизила, сливы и виноградной лозы и украшается разноцветными нитями. Эта трость потом используется при ритуальных обходах домов: с нею танцевали колядующие дети — *василичари*, ею символически били по спине хозяина и хозяйку для передачи им жизненной энергии от переплетенных живых, молодых веток, называемых *сурови*, т.е. «крепкие, здоровые» (ТД, ЙЙ). Символика действия (битья) подкрепляется символикой кизила в традиционной культуре, обозначающего здоровье и силу [13. С. 492–494; 14]. Обряд колядования на Старый Новый год совершается на рассвете и включает обход дворов и домов, танцы, одаривание колядующих подарками и деньгами. Среди угощений яйца, мясо, сладости, небольшие булочки в виде креста *орлиња* и человечков *невѣстушки* (ЛА, ПТ, ЙМ). По словам информантов, в с. Ростуше существует традиция бросания колядующими соли в очаг с благопожеланиями о рождении в доме мальчиков. Были записаны следующие варианты благопожеланий, исполняемых при новогодних обходах, в распределении по селам: *Сузова, суровица, весела годиница, за многу години новата година* (*Сузова, суровица*, веселый годок, на многие годы новый год) (Осой, Лазарополе) (ПТ, БП, ЙЙ, ТД, БД); *Сузова, Суровица, весела годиница. Дај ми бабо пастрница, да натучам бакрница! Сузова!* (*Сузова, суровица*, веселый годок. Дай мне, баба, бастурму, чтобы мне положить в котелок. Сузова!) (Тресонче) (ЙМ, ЛА); *Суровица годиница / Дај ми убаво пастармица да натучам бакарница. / Сура сура година весел взрос на лоза. / Црвена јаболка во градина / Живо и здраво до година. Амин* (*Суровица*, годок. / Дай мне хорошую

бастурму, чтобы мне положить в котелок. / Молодой, молодой год, хороший прирост на лозе. / Красное яблоко в саду / Чтобы быть нам живыми и здоровыми весь год. Аминь) (Ростуше) (ВЕ).

В рассматриваемом регионе находится одна из главных православных святынь Македонии — Бигорский монастырь св. Иоанна Крестителя. Расположение вблизи культового центра способствовало закреплению особенностей в период празднования Богоявления — *Водици* (19.01). В тех селах, которые находятся непосредственно у монастыря и которые удалось посетить во время экспедиции (Ростуше, Битуше), существует богатая традиция празднования Крещения, включающая многочисленные застолья, совместное выпекание хлебов, обходы дворов, ритуальные процессии, танцы и песни. Из многих красочных элементов обряда остановимся на наиболее ярких моментах. Особо выделяется ритуальное кумовство. В селе выбираются две семьи, которые именуются кумовьями (*кумови*), хранителями креста (Ростуше) или двух крестов (Битуше) в течение года. *Кумови* становятся главными действующими лицами обряда, а их дома — центрами общественной жизни села в течение недели. Накануне праздника (17.01) выбранные кумовья приглашают все православные семейства в гости. Во время торжественного застолья крест / кресты обвязывают белыми и красными нитями, переплетенными с базиликом. В ночь на *Водопос* (18.01) все мужчины села во главе с кумовьями несут украшенную реликвию в Бигорский монастырь, где ее освящают и передают уже другим кумовьям, избранным на следующий год. Нити и базилик, украшавшие крест, используются как апомропей: вода, настоянная на них, считается целебной — ее пьют женщины, желающие забеременеть и счастливо разрешиться от бремени (ВЕ). Новые кумовья, вернувшись под утро в село, обходят все дворы и окропляют дома, что называется *ајазмо*. В с. Битуше 18 января называется *Мошки Водици*, потому что главная роль отводится мужчинам (з.-мак. *мож* «мужчина»). В ночь на Богоявление (19.01) реликвия хранится в сельской церкви. Следующий день в с. Битуше называется *Женски Водици*: женщины — *кумстарки* (т.е. сопровождающие «куму») — собираются в домах новых кумовьев по признаку родства и с обрядовыми песнями направляются в храм, чтобы забрать крест для хранения в течение будущего года (СР, ДГ, ВР). Во всех мякских селах Богоявление (19.01) сопровождается общим освящением воды в реке или в чане во дворе церкви. После освящения деревянный крест бросается в источник, поймавший его считается удачливым.

Праздничный период Великого поста наполнен многочисленными народными обычаями. Последняя неделя перед постом называется *Редовна* (мак. *ред* «порядок, череда» — по признаку отсутствия чередования постных и скоромных дней) или *Сърна* (мак. *сир* «сыр, брынза» — по признаку присутствия большого количества молочных продуктов). В последнее воскресенье — *Прочка* — принято навещать родителей и испрашивать прощение: *Проштевајте ако ви згрешиш нешто* (Простите, если согрешил против вас) (ВЕ). С утра в центре села жгут большой костер. Обычай разжигания масленичных костров фиксируется повсеместно в Македонии [12. С. 113]. Южнее от Дебара в с. Нерези, которое относится к региону Дримкол, фиксируется название *лапрди* «факел» (от мак. *ламба* «светильник», ср. *ламбарди* в районе Скопья) в значении «масленичный костер», но в близком регионе Мякчии не используется какое-либо название для этого ритуального костра (НМ). В этот день происходит также ритуальный обход ряженных. Молодежь переодевается — *се преоблекуваат женско во мошко, мошко — во женско* (переодеваются женщины в мужчин,

мужчины — в женщин) (ВЕ). В карнавальном шествии обязательно присутствуют персонажи «жених» и «невеста», «баба» и «дед», «врач».

Прощеное воскресенье завершается праздничным ужином в кругу родных и масленичной игрой *амканье*: старшая женщина семьи подвешивает яйцо на белой нитке, раскачивает яйцо перед лицом человека и старается слегка попасть по зубам (Ростуше, Битуше). Данный ритуал встречается в Македонии, Болгарии, в южной и юго-восточной Сербии [12. С. 119–121, 460–466].

В среду на последней неделе поста (*Страсна*) до рассвета в воду с красным красителем помещаются яйца по числу членов семьи. На следующее утро в *Велики четврток* яйца варятся. Именно их потом несут в монастырь и освящают в пасхальную ночь. Одно из яиц ставят в угол с иконами и хранят до будущего года. Через год это яйцо закапывают в место, где никто не ходит, или бросают в реку. Накануне Пасхи в субботу (*Велика собота*) готовят пирог — *нафора*, *погача*, украшенный пасхальным яйцом (*со велигденско јајце*): *како сакаш шарѝ си ја* <погачата>, *ама јајцето ти е на средината!* (как хочешь украшай себе его <пирог>, но яйцо должно быть у тебя по центру) (ВЕ).

Одним из центральных праздников календарного года является *Бурђевден*, день Георгия Победоносца (6.05). Вечер накануне называется *побильача вечер* (мак. *по билки* «за травами»). В этот день по всей Миячии принято собирать лекарственные травы. В с. Ростуше был записан обычай плести два венка: *Еден голем го врзуваш на половина да не те болела половина. Правиш венец и на глава го ставаш. И тој венец шо ти на глава на врата ќе си го обесиш спроти денот на вратата* [...] *Ако имаш стока, го ставаш на оние кутии што се за млеко* (Один большой повязываешь на поясницу, чтобы у тебя поясница не болела. Делаешь венок и на голову надеваешь. И тот венок, который у тебя на голове, потом вешаешь вечером (накануне дня) на дверь [...] Если есть скотина, надеваешь [венки] на молочные сосуды) (ВЕ).

На *Бурђевден* распространены обычаи, связанные с первым доением, ритуальные действия, направленные на увеличение количества молока и на здоровье скота [15. С. 601–604]. Рано утром хозяйка доит скотину, а молоко ставит кипятить. Кастрюля украшалась сплетенным накануне венком. В нем обязательно присутствовали растения, которые, по народным представлениям, способствуют увеличению количества молока: *Сабајле кравата ќе ја измолзеш, тенџерето го ставаш да се варат млекото. Еден венец и за тенџерето. И обавезно коприва. И една, плаво цвече, се вика млечајка, та млеко пушчат* (Утром подоишь корову, кастрюлю ставишь, чтобы варилось молоко. Один венок — и на кастрюлю. И обязательно крапива. И один, голубенький¹ цветочек — называется *млечајка* (от мак. *млеко* «молоко», растение с белым соком), он молоко пускает). При рассказе об использовании растений в этот день собеседники добавляли: *Коприва, нешто жолто — бучибутин — за млекото да бу-бу, да ботет повеќе* (Обязательно крапива, что-нибудь желтое — *бучибутин* «зверобой» — чтобы молоко «бу-бу», чтобы шумело больше). Использование растения *бучибутин* основано не только на сопоставлении желаемого объекта (жирного, желтого, молока) с цветом цветка, но и на внутренней форме названия: с одной стороны, мак. *бутин* «маслобойка», с другой стороны, мак. *бучи* «гудеть, шуметь» (шум в данном случае ассоциируется с множественностью). Предписывалось также весь день помешивать молоко: *И обавезно дента мотиш млекото. Да се*

¹ При уточняющих вопросах был назван синоним *лиљаково* «фиолетовый».

множит млекото (И обязательно весь день мешаешь молоко. Чтобы молока было больше) (ВЕ). Высохшие венки впоследствии скармливают скоту.

Помимо вышеперечисленных обычаев и обрядов, на рассвете праздничного дня в источнике набирается вода. Эта вода считается святой, на ней замешивается праздничный хлеб — *погача* (ср. [15. С. 604]). После литургии со свечой и иконой святого Георгия трижды обходят церковь с песнопением Георгию Победоносцу. По пути люди срывают цветы около церкви для украшения дверей дома.

По сравнению с другими регионами Македонии, и в частности с Куманово [16. С. 334–350; 17. С. 67, 92, 95; 12. С. 295, 486–494], где существует три календарных периода, посвященных изгнанию «гадов»², в Миячии приводятся специальные обряды, приуроченные только ко дню св. Иеремии (14.05). В этот день с утра один из членов семьи обходит жилые постройки три раза, звонит в колокольцы и стучит в металлические предметы, кастрюли со словами: *Бегај, бегај, поганицо, ете ти је Еремија* (Убегай, убегай, поганая, вот тебе Иеремия). В некоторых заклинательных формулах встречается и имя святого Афанасия — *со свети Танасија* (со святым Афанасием), — который считается покровителем скотоводов³. Помимо ядовитых змей, обряд направлен и на изгнание ужей, которые, по народным представлениям, высасывают молоко у кормящих матерей: *Смокот иде по жени што ги дојат децата. По млекото. По кравите, по овците. Змијата касна. А смокот само задавува* (Уж приходит к женщинам, которые кормят детей грудью. За молоком. Приходит к коровам, к овцам. Змея кусает, а уж только душит) (ПТ); *Смок цицат млеко на крава и жени, на родилка. Крв одит* (Уж сосет молоко у коровы и у кормящей женщины, роженицы. Кровь идет) (ВЕ). В селе Ростуше также был записан обычай жечь вечером в этот день чеснок, острый перец и пахучие травы, чтобы запахом прогнать вредоносных «гадов».

При этом существует поверье о змее-покровительнице, она именуется тем же словом *смок* «уж». Ее можно узнать по тому, что она не нападает на людей. Убивать такую змею строго запрещено: *Смок, тој што е чувар на црквата, Толосум се вика* (Тот <уж>, который является хранителем церкви, называется Толосум) (ПТ). Представление о духе-хранителе места под именами *смок* и *таласом* встречается преимущественно в македонско-сербско-болгарском ареале [12. С. 678–684]. Значение «змея, охраняющая дом» по отношению к этим двум лексемам исследователи фиксировали также на территории западной Македонии в районе Охрида (Пештани) [12. С. 233, 236, 239].

В обследуемом дебарском крае слово *толосум* используется также в качестве синонима к *вампир* для обозначения призрака умершего человека: *Си одам накај дома, и имаше една женичка онда и вика: Гледај онде еден толосум онде на джаман. Јас не гледам ништо! Па она гледала толосум! И доаѓам овде и викам: Шо е тоа толосум? И се смеат шо си знаат тука луѓево. Викает: вампир* (Иду я себе домой, была там одна женщина и говорит: «Смотри там толосум вон там на окне». Я не вижу ничего! А она якобы увидела толосум. Прихожу сюда

² По народным представлениям, «гадами» являются не только пресмыкающиеся, но и земноводные, и змееподобные рыбы. В этот класс также попадают насекомые и черви, как наиболее близкие к змеям и своим внешним видом, и способом передвижения [17. С. 273; 18].

³ В своей статье, посвященной весенним заклинательным формулам изгнания гадов, А.А. Плотнокова приводит более полный текст, включающий элементы расправы: *Бегај, бегај бубаче (вар. Поганицо)! Ете ти го Еремија со светого Танасија — ќе ти мотат черевата со целезно мотовило (со дрвено мотовило) (Убегай, убегай, жук (гадина)! Вот тебе Иеремия со святым Афанасием — они намотают твои кишки на железное (деревянное) мотовило* [17. С. 109].

и спрашиваю: «Что такое *толосум*?» И засмеялись те, которые знают тут. Говорят: «*Вампир*» (ЗП). Подобные представления встречаются также на сербско-болгарском пограничье и в селах на востоке Болгарии [12. С. 640–641, 644, 678–684]. А.А. Плотникова отмечает, что многозначность этого слова обусловлена заимствованным характером лексемы: греч. τέλεσµα «жертва, плата» (от греч. телέω «платить») или от тур. *tilsim* «талисман; чары» (от араб. طلسم *tilasm* «талисман; заклинание»). Это может свидетельствовать о связи данного типа наименования «демона–хозяина места» с представлениями как о воплощении духа предка, так и о строительной жертве и превращении погибшего человека в духа-хранителя [19. С. 339; 12. С. 236–237].

Проведенное этнолингвистическое исследование в регионе Миячии показывает, что здесь хорошо сохранились отдельные архаические черты славянской народной культуры. Как и ожидалось, в скотоводческом крае важное место занимают ритуалы, связанные с обеспечением здоровья и продуктивности скота. Расположение возле монастыря св. Иоанна Крестителя способствовало закреплению и развитию обычаев, приуроченных к зимним календарным праздникам. Многочисленные параллели с другими регионами Македонии дают возможность рассматривать данный край в общем контексте балканославянской традиционной народной культуры.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Петреска В. Пролетните обичаи, обреди и верувања кај Мијаците. Скопје, 1998.
2. Общеславянский лингвистический атлас. Серия лексико-словообразовательная. М., 1988. Вып. 1. Животный мир.
3. Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Београд, 1988. Вып. 1. Рефлексы *ѣ; Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. М., 1990. Вып. 2а. Рефлексы *ѣ.
4. Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Warszawa, 1990. Вып. 2б. Рефлексы *ѣ.
5. Общеславянский лингвистический атлас. Серия фонетико-грамматическая. Warszawa, 1994. Вып. 3. Рефлексы *ѣ, *ѣ, *ѣ, *ѣ.
6. Вендина Т.И. К вопросу о каталогизации зон архаики в современной Славии (по материалам ОЛА) // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1994–1996. Сб. статей. М., 2000.
7. Видоески Б. Дијалектите на македонскиот јазик. Скопје, 1998. Т. 1.
8. Българския етимологичен речник. София, 1999. Т. 5.
9. Брезоски С. Реканска куќа. Скопје, 1993.
10. Плотникова А.А. Славянские островные ареалы: Архаика и инновации. М., 2016.
11. Плотникова А.А. Материалы для этнолингвистического изучения балканославянского ареала. М., 2009.
12. Плотникова А.А. Этнолингвистическая география Южной Славии. М., 2004.
13. Агапкина Т.А. Кизил // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2.
14. Агапкина Т.А. Деревья в славянской народной традиции. Очерки. М., 2019.
15. Трефилова О.В. Юрьев день // Славянские древности: Этнолингвистический словарь. М., 2012. Т. 5.
16. Гура А.В. Символика животных в славянской народной традиции. М., 1997.
17. Плотникова А.А. Весенние заклинательные формулы изгнания гадов // Южные славяне в балканском и общеславянском контексте: Этнолингвистические очерки. М., 2013.
18. Гура А.В. Червь // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 2012. Т. 5.
19. Левкиевская Е.Е. Змея домашняя // Славянские древности: этнолингвистический словарь. М., 1999. Т. 2.

ИНФОРМАНТЫ

- БД – Борис Дракумен, 1951 г.р., с. Лазарополе.
БП – Блаже Поповски, 1955 г.р., с. Лазарополе.
ВЕ – Васка Ефтошка, 1963 г.р., с. Ростуше.
ВР – Васка Рафаиловска, 1961 г.р., с. Битуше.
ДГ – Драгица Ѓергеска, 1947 г.р., с. Битуше.
ЗП – Злата Поповски, 1968 г.р., с. Лазарополе (род. Свети Никола).
ЙЙ – Йосип Йосифоски, 1950 г.р., с. Лазарополе.
ЙМ – Йован Миронски, 1936 г.р., с. Тресонче.
ЛА – Любе Арсовски, 1936 г.р., с. Тресонче.
НМ – Нада Мартиноска, 1935 г.р., с. Нерези.
ПТ – Петко Трипуновски, 1949 г.р., с. Осой.
СР – Стефан Рафаиловски, 1958 г.р., с. Битуше.
ТД – Трайко Дойчиновски, 1936 г.р., с. Лазарополе.

Славяноведение, 2021, № 3, с. 89–93

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 3, pp. 89–93

DOI: 10.31857/S0869544X0014964-3

Оригинальная статья /
Original Article

Интернациональный компонент *eco-* в составе сложных слов чешского языка

© 2021 г. О.И. Черчук

Кафедра славянской филологии филологического
факультета МГУ им. М.В. Ломоносова

cherchuk-olga@yandex.ru

Аннотация. Проявление тенденции к языковой экономии выражается в образовании и использовании сложных слов – (квази)композигов. В прагматическом компоненте лексического значения таких новообразований нередко содержится эмоционально-оценочное значение, что позволяет использовать такие неологизмы как средство самовыражения, а также в составе специальной лексики публицистических текстов. В фокусе данного исследования интернациональный конструкт *eko-* (*ekologický*) в сложных словах чешского языка. В работе сопоставляются квазикомпозиговы и их функционально-семантические эквиваленты, представляющие собой производящие словосочетания. Представлены семантические группы неологизмов с данным компонентом. Анализ выполнен на материале чешской базы неологизмов Neomat, портала неологизмов *Čeština 2.0*, Чешского национального корпуса, а также поисковых систем.

Ключевые слова: чешский язык, неологизмы, сложные слова, композиция, квазикомпозиция, словосочетание.

Ссылка для цитирования: Черчук О.И. Интернациональный компонент *eco-* в составе сложных слов чешского языка // Славяноведение. 2021. № 3. С. 89–93. DOI: 10.31857/S0869544X0014964-3.

International component *eco-* in the composition of complex words in the Czech language

© 2021. O.I. Cherchuk

cherchuk-olga@yandex.ru

Abstract. The tendency towards linguistic economy is expressed in the formation and use of complex words - (quasi)compounds. The pragmatic component of the lexical meaning of such neologisms often contains an emotional and evaluative meaning, which makes it possible to use such neologisms as a means of self-expression, as well as a part of the special vocabulary of journalistic texts. The focus of this research is the international construct *eko-* (*ekologický*) in the composition of complex words of the Czech language. The paper compares quasi-compounds and their functional-semantic equivalents, which are multiple-word names. Semantic groups of neologisms with this component are presented. The analysis

was carried out on the material of the Czech neologism database Neomat, the neologism portal Čeština 2.0, the Czech National Corpus, as well as search systems.

Keywords: Czech language, neologisms, compound words, composition, quasicomposition, multiple-word names.

For citation: Cherchuk O.I. International component *eco-* in the composition of complex words in the Czech language // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2021. No. 3. Pp. 89–93. DOI: 10.31857/S0869544X0014964-3.

Активное использование композиции как способа словообразовательной деривации наблюдается не только в пласте общеупотребительных слов, но и в составе специальной лексики чешского языка. Нередко лексемы, которые обрели популярность в текстах публицистических и научных, переходят в разряд общеупотребительной или разговорной лексики.

Увеличение числа (квази)композигов в чешском языке является проявлением языковой экономии под влиянием иностранных языков. Количество неологизмов-композигов, образованных по модели «иностраннный префикс + корневая морфема», в чешской базе неологизмов Neomat [1] указывает на их активное образование и использование. Пристальное внимание к возрастанию количества композигов уделялось лингвистами еще с конца прошлого века. Исследователями, например, было отмечено, что в словаре [2] 27,19% неологизмов являются составными словами, большинство из которых состоят из двух заимствованных корневых морфем или морфемы иностранного происхождения в паре с чешским корнем [3. S. 139].

Для исследования был выбран один из интернациональных префиксов (собственно, префиксоидов), использующийся в чешском языке, — *eko-*. Новые слова, образованные в чешском языке при помощи форманта *eko-* в значении *ekologický* (т.е. экологичный, не оказывающий пагубного влияния на окружающую среду), появляются в чешском языке регулярно (до 2020 г. наблюдается растущая динамика): в 2017 г. — 15 новообразований, в 2018—25, в 2019—39, в 2020 г. — 17. Их жизнеспособность и популярность есть в большинстве случаев не что иное, как маркетинговый ход производителей товаров вследствие широкого распространения идеи правильного питания, заботы человека о своем здоровье и об окружающей среде. Образ здоровой, во всех отношениях правильной и не наносящей вреда планете жизни представлен во многих чешских неологизмах. Попытаемся систематизировать лексические новообразования с компонентом *eko-* по сферам употребления, а также сравнить частотность употребления с параллельными словосочетаниями.

Материалом для исследования послужили чешская база неологизмов Neomat, чешский портал Čeština 2.0 [4], Чешский национальный корпус [5], поисковые системы Seznam.cz [6] и Google.com [7]. Внимание было сосредоточено в первую очередь на сложных существительных.

Семантические группы неологизмов с префиксоидом *eko-*. В первую очередь пополняется группа существительных, обозначающих органическую продукцию, а также экологичные предметы быта, заменяющие привычные или синтетические: *ekokoloběžka* (*koloběžka* — самокат), *ekotoaleta*, *ekodukt* (эко-продукт), *ekokůže* (*kůže* — кожа), *ekožárovka* (*žárovka* — лампочка), *ekopytlík* (*pytlík* — мешок).

В отдельную группу выделяется категория людей, озабоченных решением проблем экологии и осознающих ответственность за сохранение природы. Их деятельность связана с экологическими проблемами: *ekoaktivistka*, *ekožena*, *ekočlověk* (*člověk* – человек), *ekodítě* (*dítě* – ребёнок), *ekofarmář(ka)* (*farmář* – фермер), *ekopolitik*, *ekorodič* (*rodič* – родитель), *ekopsycholog*, *ekovčelař* (*včelař* – пчеловод), *ekoúředník* (*úředník* – служащий, чиновник), *ekoministr* (министр окружающей среды).

События в жизни современного человека тоже не обходятся без префикса *eko-*: *ekosvatba* (*svatba* – свадьба), *ekosoutěž* (*soutěž* – соревнование), *ekosmrt* (*smrt* – смерть).

Актуальной задачей общества, которое заботится об окружающей среде, является решение транспортной проблемы. В связи с этим отмечается рост слов, связанных с экологической безопасностью автомобилей (*ekoauto*, *ekoautoservis*). Чаще всего это разного вида денежные расходы и выплаты: *ekodaň* (налог на автомобили, которые не соответствуют нормам выброса выхлопных газов), *ekošrotovné* (плата за утилизацию – финансовая помощь, предоставляемая государством владельцам старых автомобилей, чтобы они экологически утилизировали старую машину и купили новую), *ekovýpalné* (налог на старый автомобиль). Обозначение «зеленых» автомобилей и услуг по ремонту машин тоже присоединяет префикс *eko-*: *ekoauto*, *ekovozítko* (*vozítko* – малолитражный автомобиль), *ekoautoservis*.

Несмотря на то что внутренняя эмоциональная выразительность не является неотъемлемой частью значения компонента *eko-*, отметим, что некоторые неологизмы обладают эмоционально-экспрессивной окраской и представляют собой оценочную лексику. Чаще всего эко-слова содержат отрицательное отношение говорящего к ситуации. Оценочная семантика формируется, например, в словах *ekoterorista* (то же, что *ekoaktivista*, но с крайне неодобрительным оттенком), *ekosnob* (человек, который относится к природе пренебрежительно, но, сделав экологический жест, фотографирует результат и публикует в социальных сетях), *ekošlechta* (люди, агрессивно указывающие другим жить экологичнее, не понимая, что это может быть дорого), *ekoprase* (человек, намеренно разрушающий окружающую среду, *prase* – свинья), *ekopošuk* (*pošuk* – псих).

С помощью пейоративной лексики выражается также эмоциональное состояние: *ekošílenství* (*šílenství* – помешательство), *ekopokrytectví* (*pokrytectví* – лицемерие), *ekofanatik*, *ekoalarmista* (*alarmista* – человек, склонный сеять панику).

Анализ словообразовательных моделей сложных слов. Международный префикс *eko-* представляет собой морфему с обобщенным значением «экологичный», которая может самостоятельно присоединяться к словам и с помощью которой образуются различные квазикомпозиты. Квазикомпозиция – объединение корневых морфем и морфем «переходных»: префиксоидов, суффиксоидов, аффиксоидов [8. С. 63]. «Главное отличие композитов от квазикомпозитов заключается в том, что квазикомпозиты не являются производными. Сложное слово является производным тогда, когда каждая из входящих в его основу корневых морфем соотносится с производящей, т.е. замыкает на себе определенную словообразовательную цепочку» [9. С. 20]. В современном составе чешского языка можно наблюдать увеличение образования квазикомпозитов, особенно в новых и заимствованных словах: *velkopodnikatel*, *prvovýroba*, *euroskeptik*, *tvarosloví*, *plastovod*, *kafkolog* [10].

Я провела анализ конкуренции префикса *eko-* в составе квазикомпозитов и прилагательного *ekologický*, которое употребляется в синтагмах «*ekologický/á/é* + существительное». В качестве материала для исследования выбраны зафиксированные в базе неологизмов Neomat и на портале Čeština 2.0 лексемы, имеющие в своей структуре компонент *eko-*. Например, *ekologický jogurt* в сопоставлении с *ekojogurt*, *ekologický kožich* в конкуренции с *ekokožich* (см. Таблицу 1):

Таблица 1

(Квази)компози́ты	Количество употреблений	Словосочетания с прилагательным	Количество употреблений
ekozloděj	1	ekologický zloděj	3
ekodetektivka	1	ekologická detektivka	23
ekoúředník	7	ekologický úředník	50
ekošrotovné	57	ekologické šrotovné	91
ekopoezie	63	ekologická poezie	105
ekosmrt	37	ekologická smrt	182
ekovozítko	106	ekologické vozítko	734
ekofarmář	3	ekologický farmář	1220
ekožárovka	50	ekologická žárovka	1308
ekoprase	333	ekologické prase	1470
ekosoutěž	4260	ekologická soutěž	13400
ekopytlík	10100	ekologický pytlík	16400
ekokoncepce	198	ekologická koncepce	16700
ekodaň	48900	ekologická daň	102000
ekorodič	5	ekologický rodič	1
ekosnob	25	ekologický snob	0
ekoalarmista	67	ekologický alarmista	8
ekošlechta	81	ekologická šlechta	0
ekopokrytectví	124	ekologické pokrytectví	31
ekopošuk	188	ekologický pošuk	5
ekočlověk	506	ekologický člověk	211
ekodítě	614	ekologické dítě	111
ekošílenství	1790	ekologické šílenství	735
ekovýpalné	2000	ekologické výpalné	143
ekovčelař (название магазина)	4050	ekologický včelař	386
ekopsycholog	9370	ekologický psycholog	8
ekožena	11100	ekologická žena	402
ekoauto	80500	ekologické auto	14100

Выводы

Интернациональный префиксоид *eko-* проявляет себя как продуктивная морфема с обобщенной семантикой, с помощью которой образуются квазикомпозиты. Количество употреблений слов из второго столбца второй части таблицы позволяют говорить о том, что компонент *eko-* самостоятельно и напрямую присоединяется к корню слова, избегая первоначального словосочетания с прилагательным *ekologický*. Отметим также, что словосочетания с прилагательным *ekologický/á/é* являются вторичными.

Образование и употребление композитов основывается на принципе языковой экономии. Емкость языковых единиц — характерная черта публицистического стиля. Большинство неологизмов, обладающих эмоциональной окраской, чаще употребляются как квазикомпозиты, а не словосочетания (*ekorošuk*, *ekosnob*). Компонент *eko-* легко распознается, ёмкий и эмоциональный неологизм способствует воздействию на читателей. С помощью форманта *eko-*, а не *ekologický*, образуются также названия сайтов (*Ekožena*, *Ekofarmář*): короткие названия лучше запоминаются и отражают суть веб-порталов.

Квазикомпозиты и их аналоги в виде словосочетаний находятся в состоянии взаимной конкуренции. Проанализированный материал не продемонстрировал четких закономерностей, дальнейших исследований требует вопрос о том, какая модель обладает большей продуктивностью. Работа в данном направлении будет продолжена, выводы будут уточняться. Моей задачей является расширение словника и анализ других префиксальных компонентов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Databáze excerpčního materiálu Neomat. Verze 3.0. Oddělení současné lexikologie a lexikografie Ústavu pro jazyk český AV ČR. Praha, 2021. [Электронный ресурс]. URL: <http://neologismy.cz/> (дата обращения: 20.02.2021).
2. Martincová O. a kol. Nová slova v češtině 1. Nová slova v češtině 2. Slovníky neologismů. Praha, 1998, 2004.
3. Lotko E. Co odhaluje analýza neologismů v současné češtině? // Studia z filologii słowiańskiej ofiarowane profesor T.Z. Orłoš. Kraków, 2000.
4. Čeština 2.0. [Электронный ресурс]. URL: <https://cestina20.cz> (дата последнего обращения: 20.02.20).
5. Křen M., Cvrček V., Henyš J., Hnátková M., Jelínek T., Kocek J., Kovářková D., Křivan J., Milička J., Petkevič V., Procházka P., Skoumalová H., Šindlerová J., Škrabal, M., SYN2020: reprezentativní korpus psané češtiny. Ústav Českého národního korpusu FF UK. Praha, 2020. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.korpus.cz> (дата обращения: 20.02.2021).
6. Seznam.cz. Чешская поисковая система. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.seznam.cz> (дата обращения: 20.02.2021).
7. Google.com. Поисковая система Интернета. 2021. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.google.com> (дата обращения: 20.02.2021).
8. Bozděchová, I. Univerbace a (kvazi)kompozice v současné češtině // Univerbacija/univerbizacija u slavenskim jezicima. Sarajevo, 2018.
9. Клобуков Е.В., Гудилова С.В. Языковая специфика непроизводных сложных слов (квазикомпозитов) // Язык, сознание, коммуникация: Сб. статей. М., 2001. Вып. 20.
10. Bozděchová I. Kvizikompozice. CzechEncy – Nový encyklopedický slovník češtiny. URL: <https://www.czechency.org/slovník/KVAZIKOMPOZICE> (дата обращения: 20.02.2021).

DOI: 10.31857/S0869544X0015005-8

Оригинальная статья /
Original Article

«Истинный славизм» раннего В.И. Ламанского и полемика с позицией А.С. Пушкина (конец 1850-х годов)

© 2021 г. С.В. Селиверстов

Казахстан

seliverst.sv@googlemail.com

Аннотация. Рассматриваются взгляды молодого В.И. Ламанского, сформулированные в «Исторических письмах» конца 1850-х годов. В связи с критикой мнения А.С. Пушкина о «славянских ручьях» и «русском море» показаны представления об «истинном» и «петербургском» (пан)славизме, об особенностях положения и восприятия славян в Европе.

Ключевые слова: панславизм, Ламанский, Пушкин, Аксаков, «истинный» славизм, внутреннее единство и внешнее разнообразие, интеллектуальная история.

Ссылка для цитирования: *Селиверстов С.В. «Истинный славизм» раннего В.И. Ламанского и полемика с позицией А.С. Пушкина (конец 1850-х годов) // Славяноведение. 2021. № 3. С. 94–103. DOI: 10.31857/S0869544X0015005-8.*

«True Slavism» of young V.I. Lamansky and the polemics with A.S. Pushkin (late 1850-s)

© 2021 S.V. Seliverstov

Kazakhstan

seliverst.sv@googlemail.com

Abstract. The article analyzes the views of a young V. I. Lamansky formulated in the late 1850s on the pages of the «Historical letters». The author develops the conception of the «true» and the «St. Petersburg» (Pan)Slavism as well as here reveals the patterns of the Slavs' perception in European connection with the criticism of the A. S. Pushkin's opinion about the «Slavic streams» and the «Russian sea».

Keywords: Pan-Slavism, Lamansky, Pushkin, Aksakov, «true» Slavism, internal unity and external diversity, intellectual history.

For citation: *Seliverstov S.V. «True Slavism» of young V.I. Lamansky and the polemics with A. S. Pushkin (late 1850-s) // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2021. No. 3. Pp. 94–103. DOI: 10.31857/S0869544X0015005-8.*

Интеллектуальный путь В.И. Ламанского, как и большинства его образованных современников середины XIX в., начинался с увлечения Европой и европейскими идеями. «Еще 16 летн[им] гимназистом, — вспоминал он, — слыша дома беспрестанные разговоры и споры о вопросах политико-экономических [...], имея, наконец, под руками всю почти тогдашнюю самую строго запрещенную литературу [...] еще в 1848—1849 г. я упивался самым запрещенным чтением» [1. Л. 1об.]. Однако «выздоровел» молодой Ламанский от радикализма быстрее, чем многие. Сам он так объяснил этот поворот: «Только серьезные универс[итетские] занятия, знакомство с трудами славянофилов обратили меня к России и слав[янству] [...], охладили во мне интерес к Европе» [1. Л. 3]. Во второй половине 1850-х годов, после окончания Санкт-Петербургского университета Ламанский, как известно, познакомился и наладил общение с московскими славянофилами и их петербургскими соратниками (И.С. Аксаков, А.Ф. Гильфердинг, Ф.И. Тютчев, Ю.Ф. Самарин, Ф.В. Чижов) [2. С. 5], с которыми «проводил, бывало, много часов в беседах о различных вопросах славянских и о разных фазисах восточного вопроса» [3. С. 7]. Интереснейшая переписка с Аксаковым показывает, что Ламанский был глубоко погружен в славянофильский дискурс, но сохранял при этом самостоятельность мысли [4].

В конце 1850-х годов 25-летний славист работает над циклом статей под названием «Исторические письма» с намерением опубликовать их в Москве. Переговоры с И.С. Аксаковым шли не просто. Именно в тот период, как потом отмечал Ламанский, он, «уже числясь в славянофилах», «немилосердно осаждал» московского редактора «длиннейшими письмами» [1. Л. 1об.—2]. Наконец, в декабре 1858 г. Аксаков пообещал одно из «Исторических писем» «неприменно поместить» в трех номерах газеты «Парус», издание которой начиналось в январе предстоящего года [4. 1916. Кн. 9. С. 20—21]. Но публикация не состоялась, так как газета «Парус» была, как известно, закрыта по политическим соображениям. Тогда Аксаков, заинтересованный в сотрудничестве с Ламанским, в марте 1859 г. предложил напечатать «Исторические письма» в журнале «Русская беседа», что требовало определенной переделки под новый формат. Ламанский согласился [4. 1916. Кн. 9. С. 23—24]. К сожалению, и данная публикация не состоялась. Тем не менее эти статьи под названием «Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам», сохранившиеся в фонде Ламанского в Санкт-Петербургском филиале архива РАН, дают — как явления персональной и общественной интеллектуальной истории — адекватное представление о взглядах молодого славяноведа, проясняют важный этап в становлении его миропонимания.

Впервые «Исторические письма» Ламанского были введены в современный научный оборот в 2004 г. в приложении к диссертации О.В. Саприкиной [5. С. 209—264]. В 2016 г. В.А. Куприяновым и А.В. Малиновым было подробно прокомментировано и опубликовано первое из трех «Исторических писем» [6. С. 89—111]. В данной статье я хотел бы осветить некоторые аспекты из третьего и отчасти второго «Исторических писем», не получивших должной исследовательской интерпретации. В частности, имеется в виду концепт «истинного (пан)славизма» и полемика с позицией А.С. Пушкина.

Отправная константа историко-культурных взглядов Ламанского в том, что, будучи патриотом России и славянства, он на протяжении жизни исходил из конструктивного тезиса, сформулированного во втором «Историческом

письме»: «[...] история навсегда нас поставила выше всякой вражды к какой бы то ни было чужой национальности» [7. Л. 22]. Не отрицая разделения славян на отдельные «поколения» со своими названиями и наречиями, он протестует против внутриславянских распрей и раздоров [8. Л. 33об.—34]. Ламанский решительно выступает против национальной, «народной исключительности», против гордости и надменности, отрицает «презрение к чужим народностям» и подчеркивает, что «надо избегать народам всяких завоевательных соблазнов» [7. Л. 23]. Опираясь на эти общие подходы, и укреплялись во второй половине 1850-х годов его ранние прославянские представления.

Ламанский полагает, что идея панславизма, т.е. славянской солидарности, не есть что-то искусственное, а уходит в глубь веков. А потому необходимо «поближе ознакомить читателей со множеством [...] фактов, живо свидетельствующих о том, как издавна лучшие люди в различных землях славянских понимали необходимость для славян братского единения и общения» [8. Л. 38]. В этом он видит, в том числе, и свою задачу как исследователя и популяризатора. «Одним словом,— подчеркивается в третьем «Историческом письме», — идея панславизма зародилась очень давно; через длинный ряд веков проходит она сквозь всю историю славянскую, постепенно светлея, очищаясь и утверждаясь в народном сознании». Ламанский понимает, что могут быть разные представления о славизме, разные трактовки, поэтому указывает: «Конечно надо разуметь эту идею так, как понимают ее лучшие умы славянские, как она единственно может быть плодотворна для всех народов славянских и для всего человечества» [8. Л. 38]. Позже, в 1870-е годы, Ламанский отмечал, что «славянская идея» не есть нечто исключительное, она «также вызвана потребностями современного человечества, как некогда [...] призывались к жизни идеи эллинская, римская, византийская, германская». Поэтому те русские европейцы, которые отрицают необходимость и действительность славянской идеи, по существу отрицают право славянства «на самостоятельность, на будущее» в мировой истории [9. Л. 18—18об.]. Как видим, говоря о славянской идее, Ламанский уже с конца 1850-х годов имеет в виду такую идею, которая станет «плодотворной» не только локально для славян, а «для всего человечества». Но возможно ли это? Многое зависит от того, как понимаются отношения между народами в общеславянском контексте.

И здесь Ламанский подходит к принципиальному пункту, важному и для славянства, и для аналогичных национально-культурных региональных пан-тенденций XIX—XX вв. Он прямо утверждает, что, по существу, не считает «плодотворным» то понимание славянской идеи, которое, «к несчастью», было сформулировано в 1831 г. А.С. Пушкиным в программном стихотворении «Клеветникам России» [8. Л. 38]. Позиция, точнее вопрос Пушкина, вызвавший резонанс, хорошо известен: «Славянские ль ручьи сольются в Русском море? Оно ль иссякнет? вот вопрос» [10. С. 209]. Ламанский сожалеет, что великий поэт «поставил такой странный, неправильный вопрос». В письме к Аксакову от 17 октября 1858 г. (предшествовавшем третьему «Историческому письму») он высказывается даже еще более прямо и называет этот вопрос Пушкина «нелепым, безумным вопросом» [4. 1916. Кн. 9. С. 5]. Тем более что «неволью, самую силою своего дарования», этот пушкинский вопрос (и предполагаемый односторонний ответ о соединении европейских славян с Россией) «долгое время служил, а отчасти и поныне служит,— указывает Ламанский,— как бы главнейшим виновником равнодушия, безучастия большинства

русских образованных людей к своим соплеменникам, к их языкам и литературе» [8. Л. 38–38об.].

Молодой славяновед признается: «Нам, крепко любящим родного поэта, крайне больно признаваться в том тяжелом и скорбном чувстве, которое мы испытываем всякий раз, как только вспомним о некоторых мнениях Пушкина. Конечно, они совершенно противоречили его убеждениям, всегда чистым и высоким, вполне согласным с основными началами русской славянской народности, которой он был один из благороднейших представителей» [8. Л. 38об.]. По мнению Ламанского, «эти мнения Пушкина были наносные; он заразился ими в тех жалких кругах, в которых, по милости судьбы, ему часто приходилось обращаться. Только благодаря своему пустому, бессодержательному, так сказать, воспитанию могла славянская душа Пушкина легко подкупаться внешним блеском, формой без содержания, внешнею красотой силы, могущества и однообразия» [8. Л. 38об.]. А в упомянутом письме к Аксакову (октябрь 1858 г.) Ламанский говорит об этом так: «Пушкин был благородный человек, но он был несколько пуст и легкий, не имел никакого политического образования» [4. 1916. Кн. 9. С. 5]. И выделяет два вида славизма: один – собственно «в славянском духе», а другой – «в петербургском» (к которому относит и Пушкина) [4. 1916. Кн. 9. С. 10]. Действительно, столичное, внешне вполне стандартно европеизированное общество, в сознании которого «внешняя» европейская имперская форма, «внешняя красота силы» преобладала над «содержанием», не имело в числе своих умственных приоритетов самобытность народов. И потому-то, с горечью указывает Ламанский, «идея панславизма» в понятиях Пушкина «так близко подошла к тому чудовищному призраку, который создали себе по своим понятиям разные немцы пугливого воображения» [8. Л. 38об.–39].

Будучи знатоком европейской научной литературы и публицистики, Ламанский имеет в виду иррациональную алармистскую волну против славянства, поднятую немецкой прессой в 1840-е годы и продолжавшуюся впоследствии. Он компетентно обращает внимание на некоторые черты немецкого менталитета, которые проявились в отношении славянских народов. В частности, констатирует, что «фанатизм и нетерпимость к другим народностям ни в ком из европейцев так сильно не развиты, как в немцах». И потому «нам просто невероятной покажется, также как французам, англичанам и американцам, та отвратительная вражда, которою исполнены бывают повременные немецкие издания» [7. Л. 23об.]. Ламанский ссылается на мнения немецких авторов, которые еще в 1820–1830-е годы (т.е. задолго до Ф. Духинского) распространяли в Европе мысль об азиатском происхождении славян, утверждали, что славяне – это «народы монгольского поколения», «народы азиатские», которые «ворвались» в восточные пределы Европы [7. Л. 24об.]. «Позитивная» же точка зрения немецких авторов, и весьма распространенная, заключалась в том, что славяне являются «младшими братьями кельтов, их вторым, более удобным к употреблению, хотя и неисправленным изданием» [7. Л. 26об.]. По убеждению исследователя, России «решительно необходимо» знать подлинную историю германо-славянских отношений, так как без ее понимания «мы никогда не поймем ни своей собственной истории, ни истории Германии, знать которую основательно нам необходимо уже по тому одному, что Россия, как известно, весьма много приняла и получила от немцев, напр[имер] свою администрацию и бюрократию» [7. Л. 27об.].

Но как (в контексте той своеобразной публицистики, на которую указывал Ламанский) могли в немецких государствах в середине XIX в. воспринимать ростки интеллектуального пробуждения подчиненных, зависимых славянских народов? Ламанский приводит по этому поводу сказанное на славянском съезде в Праге в 1848 г.: «Неприятелям нашей народности удалось несколько взволновать Европу страшилищем политического панславизма, который будто бы грозил гибелью всему, что завоевано просвещением» [7. Л. 30]. Вот это «страшилище политического панславизма», придуманное европейскими деятелями «пугливого воображения», и бродило в середине XIX в. по Европе. Именно к этому «призраку», по представлению Ламанского, «так близко подошла» славянская идея Пушкина. Но у поэта, бесспорно, были свои убеждения, когда он формулировал мысль о «семейной распре», о «ручьях» и «море» в контексте событий 1831 г. Следует учесть, однако, что его взгляд сформировался еще до того, как по Европе распространился «призрак» панславизма, и притом в локальном русско-польском вопросе Пушкин полагал возможным абстрагироваться от «впечатлений» европейцев [11. С. 273]. Ламанский, наоборот, смотрел на славянскую проблематику не с локальной, а с более широкой и более общей точки зрения, смотрел глазами человека, который учитывал позднейшие негативные европейские предположения о славизме.

Провокативный вопрос, который задал Пушкин, не оставлял Ламанского и впоследствии. Даже через четверть века, в 1886 г. (т.е. спустя 55 лет после слов Пушкина), он, состоявшийся ученый, профессор, выступая в Славянском благотворительном обществе, заметил, что служителям слова и идеи, в отличие от дипломатов, позволительно размышлять «о верности или неверности поставленного Пушкиным вопроса» [2. С. 4].

По существу, в «Исторических письмах» автор полемизирует не только и даже не столько лично с Пушкиным. Отрицая его поэтическую метафору о «русском море», он отрицает в отношениях между Россией и славянскими народами консолидацию европейско-имперского типа. И при этом отстаивает историко-культурное разнообразие славянского мира. Каково же представление об оптимальных региональных славянских взаимоотношениях у самого Ламанского? Полемизируя с имперским подходом, предполагающим «слияние» славянских ручьев в общем море, он формулирует свое понимание славизма следующим образом: «Чистый панславизм стремится к взаимному духовному общению, к единству внутреннему, в тоже время сохраняя и оберегая внешнее разнообразие, вытекающее из местных особенностей каждой славянской земли, из личных качеств, свойственных каждой славянской народности отдельно» [8. Л. 39]. То есть подлинный, настоящий славизм, с точки зрения раннего Ламанского, предполагает не внешнее, политическое объединение, а духовно-культурное, «внутреннее», которое позволяет сохранить и развить национальное, этническое разнообразие объединенного мира.

Следует заметить, что Аксаков, кому доверял свои идеи на десятилетие младший Ламанский, также не был сторонником славизма в «петербургском духе». В своем ответном письме (от 27 октября 1858 г.) он замечает: «Сохрани меня Бог от мысли присоединять славян к России [...]. Нет, пусть все славянские племена, сколько бы их ни было, составят союз конфедеративный, оставаясь вполне независимыми, сохраняя каждое свою самостоятельность». Или: «Знайте всегда, что я вовсе не мечтаю и не желаю присоединения славян

к России» [4. 1916. Кн. 9. С. 11, 12]. То есть, по отношению к тезису Пушкина, Аксаков в целом разделял мнение своего корреспондента.

Далее в третьем «Историческом письме» Ламанский подчеркивает: «В истинном панславизме исчезают вместе с тем племенная вражда, братские распри, частная народная исключительность. Каждый народ славянский отдельно сохраняет свою личность в этом духовном, а не внешнем и материальном союзе, подобно равным братьям [...]. Проникнутые светлым и мирным духом панславизма, славяне представят собой один согласный хор, в котором каждый песенник может и будет занимать место запевалы, смотря по тому, в ком явится надобность в данное время. Притом чех, серб, русский, поляк — останутся вполне чехом, сербом, русским... и в то же время будут сознавать себя и славянами; так родные братья носят два названия: имя личное и фамилию — наружные знаки внутреннего единства и внешнего разнообразия» [8. Л. 39].

Обратим внимание: Ламанский вводит понятие «истинный панславизм», предполагающий взаимодействие и преодоление племенной вражды не через доминирование, а через осознание братской, общенациональной духовной близости и солидарности. Такое понимание может представляться излишне романтическим, идеальным. Однако в любом случае, с его точки зрения, концептуально антиподом такого истинного славизма является «петербургский» имперский славизм, основанный на принуждении, или «уродливая централизация» по немецким стандартам [8. Л. 41об.], антипатии к которой он не скрывал.

Исследователь надеется, что изменения во внутренней и внешней политике рубежа 1860-х годов, реформы и освобождение крестьян, — то «новое и преобразовательное движение», которое началось при Александре II, станут факторами, активизирующими «общее движение славянское», «умственное и литературное общение» с южными и западными славянами и интерес ко всему этому в образованном обществе [8. Л. 40об.—42об.]. Свои общие убеждения Ламанский подчеркивает и в письме Аксакову от 19 октября 1861 г.: «Для меня прежде и выше всего свобода совести, слова, самое широкое развитие и применение совещательного и выборного начала, постепенная децентрализация» [4. 1916. Кн. 12. С. 103]. Особенно важно для него то, что истинный славизм предполагает обязательное сохранение национальной, этнической идентичности («чех останется чехом» и т.д.).

Понимал Ламанский и другое — история славянства, южного и западного, противоречива. Народы-братья со временем «разошлись и зажили каждый по-своему». В результате «личный эгоизм, дурные страсти, злые соседи» привели к утрате связей, к взаимной вражде и к зависимости от сильных государств [8. Л. 39об.]. Образно выражаясь, славяне «долго таскались по белу свету бобылями и бездомками, не помнящими родства» [8. Л. 40]. Кроме того (впоследствии ученый не раз будет отмечать), каждая славянская народность сосредоточена на себе и «мало уважает, чтобы не сказать более, другую ближайшую, родственную народность» [12. Л. 3об.], между славянами «нет согласия и единения», они не расположены соединяться даже для «самого малого предприятия» [13. Л. 1об., 2об.].

Кто ответственен за данную историческую ситуацию? По представлению Ламанского, проблемы славян в первую очередь «заключены в них самих». Они сами «впали в ужасную односторонность, дошли, так сказать, до полного самозабвения». Тем не менее «сознание общего происхождения никогда в них

не вымирало окончательно» [8. Л. 39об.]. И вот к середине XIX в. пробужденные славяне, полагает автор, становятся «на заброшенный ими некогда путь самостоятельного развития» и притом «несут с собою великое понимание всех чужих народностей, богатый капитал, поныне остававшийся непроизводительным, не дававший никаких прибылей». Однако теперь поняли они наконец, что «пора сводить счета и начать уплату старых долгов, что иначе легко истощат все свои силы и сотрутся с лица земли другими народами, исполненными самосознания и самодеятельности» [8. Л. 40]. В первоначальной, зачеркнутой части предложения Ламанским сказано еще более резко — пора платить долги, иначе славяне (западные и южные) «погрязнут в бездельи и праздности и таким образом дождутся непоправимого банкротства» [8. Л. 40]. В итоге он заключает: «Окидывая мыслью свое многострадальное прошедшее, слегка приподымая покров с будущего, славяне собираются вознаградить потерянное; свои промахи и ошибки употребить на пользу себе и другим» [8. Л. 40об.].

Таким образом, в конце 1850-х и начале 1860-х годов Ламанский выступает убежденным сторонником умеренного и конструктивного историко-культурного славизма — «умственного», «литературного», «духовного», «децентрализованного». Именно таким ему представляется истинный славизм в отличие от потенциального «петербургского», основанного на внешней силе, евроимперской форме и политической централизации. Не о славянской империи размышляет молодой петербургский славянофил. В условиях развернувшихся на рубеже 1850–1860-х годов преобразований он полагает, что России, «приступившей [...] к возможно полному и всестороннему развитию своих материальных и нравственных сил, естественно желать завязать самые тесные связи со своими соплеменниками и вступить с ними в духовное общение» [8. Л. 42об.].

В «Исторических письмах», в условиях общественного, интеллектуального подъема рубежа 1860-х годов, Ламанский изложил свое славянское кредо. Он убежден, что пробуждение истинного славизма, духовное общение, установление «тесных связей» между соплеменниками, принесет для южных и западных славянских народов, для России и всего мира «громадную пользу» [8. Л. 42об.]. Конечно, реальное положение дел в славянском мире, как показал ход последующих исторических событий, далеко не всегда соответствовало изначальным надеждам Ламанского и тех, кто мыслил аналогично ему. Для более трезвого, более реалистичного понимания славянских проблем требовалось время. По существу, оно наступило в 1870-е годы, когда К.Н. Леонтьев (с которым Ламанский еще летом 1864 г. в Константинополе «много толковал и спорил» [14. С. 171]) сформулировал свои критические выводы относительно славян и опасностей панславизма.

Здесь следует отметить, что анализ полемики Ламанского с идеями Пушкина будет не полным, если не учесть, что подход поэта вызвал определенное возмущение и Н.Я. Данилевского. Примечательно, что тот, хотя и писал «Россию и Европу» во второй половине 1860-х годов (т.е. позже, чем Ламанский свои «Исторические письма»), но размышлял — в этом аспекте — вполне самостоятельно. Данилевский желает, чтоб «образ славянского мира представлялся не в виде слияния славянских ручьев с русским морем [...], а в виде обширного океана с самобытными, хотя соединенными и соподчиненными частями, т.е. морями и глубокими заливами» [15. С. 329]. И при этом подчеркивает — «нужно не поглощение славян Россией, а объединение всех славянских народов общою идеею Всеславянства». Данилевский, как известно, считал необходимым

создание «союза государств», и его позиция по поводу «ручьев» и «моря» показывает, что политический славизм имел возможность сопряжения с представлениями о национальной государственности. Близость подходов Ламанского и Данилевского (в полемике с представлениями Пушкина) свидетельствует, что историко-культурная и политическая тенденции в славизме — при наличии доброй воли, признании равенства народов, отрицании «поглощения» — были способны концептуально преодолеть крайности имперской централизации. Как видим, Ламанский уже изначально, со второй половины 1850-х годов обозначил себя противником имперской унификации и нивелирования славянских культур. Возможное славянское единство в его понимании не отрицало, а наоборот, предполагало национально-культурное многообразие славянского мира.

К пониманию значимости славянского многообразия Ламанский пришел в проевропейском Петербурге, но он стремился к непосредственному познанию славянского мира. «Давно я уже кидал завистливые взоры на моих друзей и товарищей, — вспоминал он, — уезжавших за границу и ворочавшихся с обновленными силами [...]. Люди, никогда славянами не занимавшиеся, приезжая из Турции или Австрии, нередко поражали меня простым объяснением таких явлений, над которыми я долго мудрствовал [...].» [1. Л. 2об.]. Когда же в 1862—1864 гг. мечта сбылась и он более двух насыщенных лет пробыл за границей, то его изначальное убеждение в многообразии славянского мира только окрепло. Этому способствовали, писал он впоследствии, «памятные беседы многих и многих ученых, писателей и общественных деятелей, терпеливо выслушивавших мои вопросы [...], горячие споры с друзьями [...], — вот что стало моим иностр[анным] университетом и моею историческою семинариею» [1. Л. 2об.]. Со взглядом на славянский мир коррелировало понимание Ламанским приоритетов развития и самой России, которой необходима была мирная, созидательная эпоха. В начале 1860-х годов в неопубликованной работе «Проекты славянских федераций» он подчеркивает, что следует «обращать преимущественное, почти исключительное внимание на наше внутреннее развитие, духовное и материальное, и удаляться от всяких воинственных соблазнов» [12. Л. 3]. При этом истинное величие страны определяют «ни пространство, ни количество, а качество людей и идей» [12. Л. 5]. Закономерно, поэтому, что именно Ламанский в середине 1860-х годов сориентировал московское общество к проекту общеславянского съезда.

Итак, Ламанский не являлся сторонником объединения славянских народов в централизованно унифицированном государстве. Для него политическая форма — это «внешнее» объединение, отнюдь не решающее проблему многообразия и единства. Приоритет для него — не государственная консолидация в «петербургском» стиле, а «мирный дух панславизма», благодаря которому отдельные народы смогут сохранить свою идентичность, осознавая, между тем, общие связи. То есть решение проблемы развития европейских славянских народов он видел во «внешнем разнообразии» и «внутреннем единстве» (а не наоборот). В его представлениях о региональном международном «хоре» роль «запевалы» не монополизирована, а истинный славизм не равнозначен имперскому расширению. И даже в середине 1870-х годов, когда начался новый этап борьбы на Балканах, он в неопубликованной работе «Славянский союз» выступил сторонником «общего равноправного союза». С сожалением он пишет, что действительность иная, что «как сильная Русь, так и всякое племя славянское помышляет не о взаимном сближении и соединении [...], а о первенстве и преобладании над всеми другими» [13. Л. 2об.]. С другой стороны, Ламанский указывает,

что «могущественная ныне» Россия «грешит», оставляя славян на произвол европейской политики [13. Л. 30б.]. То есть не все реальные тенденции второй половины XIX в. в отношениях между народами представлялись исследователю позитивными — он отдает приоритет именно «равноправному союзу».

Но почему Ламанский в конце 1850-х годов сделал такой акцент на «старой» мысли Пушкина тридцатилетней давности? Полагаем, молодой славянофил и славяновед желал, чтобы отношения со славянами в новой, только начинающейся эпохе России строились на более взаимоприемлемых основаниях, нежели на прежней евроимперской, в известном смысле немецкой централизованной практике, которую Петербург реализовывал на российской почве в первой половине XIX в.

Значение концепта истинного славизма, сложившегося у Ламанского во второй половине 1850-х годов, состоит, на мой взгляд, в том, что в нем аргументируется не просто историко-культурный славизм, а, по сути, славизм неимперского типа. В этом смысл и честность его принципиальной концептуальной полемики с Пушкиным по вопросу о взаимоотношениях со славянскими народами Европы. В этом перспективное значение позиции молодого мыслителя не только узко для славянских народов, а вообще для справедливых международных отношений в различных региональных форматах. Образно говоря, ранний Ламанский показал, что историко-культурная география, в отличие от естественной, предполагает, что славянские и другие этнические реки и ручьи могут не только впадать в российское море, но и вытекать из него. По большому счету, отношения между народами не должны быть односторонними. Истинные солидарные, союзнические, братские взаимоотношения народов «текут», как правило, не в одну сторону, а встречно. А потому ни «морья», ни «ручьи» не иссякают.

Владимир Иванович Ламанский прожил долгую, насыщенную творческую жизнь. Но можно ли считать, что в ходе идейной эволюции он отказался от собственного раннего концепта истинного славизма? Авторы новейшей монографии, консолидировавшие в своих работах значительнейший материал о биографии и научной деятельности ученого, утверждают, что к концу 1860-х годов он «фактически, преодолевает панславизм», а в последующие десятилетия — «отходит» от него [16. С. 218–219; 17. С. 212–234]. В целом, данная точка зрения достаточно обоснована. Учитывая цельность интеллектуальной натуры Ламанского, считаю возможным следующую уточняющую интерпретацию: истинный (пан) славизм второй половины 1850-х годов стал — как умеренная, взаимоприемлемая и (потому) конструктивная идея — концептуальным ядром, вокруг которого в 1860–1890-е годы и происходило расширение горизонта воззрений мыслителя до масштабов греко-славянского мира и европейско-азиатского миропонимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Ламанский В.И. Речь при защите докторской диссертации в 1871 году // СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 115.
2. [Ламанский В.И.] Речь почетного члена В.И. Ламанского, в С.-Петербургском славянском благотворительном обществе, 23 ноября 1886 г. СПб., 1887.
3. Грот К.Я. Владимир Иванович Ламанский. Пг., 1915.
4. Переписка двух славянофилов [И.С. Аксакова и В.И. Ламанского] (Сообщила О.В. Покровская-Ламанская) // Русская мысль. 1916. Кн. 9, 12; 1917. Кн. 2, 3–4.

5. Саприкина О.В. Академик В.И. Ламанский (1833–1914): научное наследие и общественная деятельность. Дисс. ... канд. ист. наук. М., 2004.
6. Куприянов В.А., Малинов А.В. «Я служу народности...» (К публикации «Исторических писем об отношениях русского народа к его соплеменникам» В.И. Ламанского) // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2016. № 2.
7. Ламанский В.И. Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам. Письмо второе // СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 108.
8. Ламанский В.И. Исторические письма об отношениях русского народа к его соплеменникам. Письмо третье // СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 108.
9. Ламанский В.И. Русское общество перед Восточным вопросом // СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 121.
10. Пушкин А.С. Клеветникам России // Полн. собр. соч. Л., 1977. Т. 3.
11. Пушкин А.С. — Вяземскому П.А. 1 июня 1831 г. // Полн. собр. соч. Л., 1979. Т. 10.
12. Ламанский В.И. Проекты славянских федераций // СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 110.
13. Ламанский В.И. Славянский союз // СПбФ АРАН. Ф. 35. Оп. 2. Д. 124.
14. Фетисенко О.Л. «Гептастилисты»: Константин Леонтьев, его собеседники и ученики. СПб., 2012.
15. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1995.
16. Куприянов В.А. Панславизм В.А. Ламанского в контексте теории славянской взаимности XIX века // Вече. 2020. Вып. 29.
17. Куприянов В.А., Малинов А.В. Академик В.И. Ламанский. Материалы к биографии и научной деятельности. СПб., 2020.

Славяноведение, 2021, № 3, с. 104–120

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 3, pp. 104–120

DOI: 10.31857/S0869544X0014966-5

Оригинальная статья /
Original Article

«Мы были в Одессе у своих, но здесь остаемся навсегда между чужими»:
письма И.В. Ягича одесским ученым

© 2021 г. В.В. Левченко

Кафедра украиноведения, историко-правовых и языковых дисциплин
Одесского национального морского университета

levchenko_lav@ukr.net

Аннотация. В статье представлены 12 писем, 8 из которых впервые вводятся в научный оборот, хорватского ученого-слависта И.В. Ягича к одесским ученым-гуманитариям, в которых прослеживаются их личные и деловые контакты. На основе писем демонстрируются взаимоотношения между учеными, обрисовывается роль академика И.В. Ягича как посредника между русской и западноевропейской культурами. Письма передают особенности круга интересов ученых и являются ценнейшим историческим источником указанной эпохи.

Ключевые слова: И.В. Ягич, одесские ученые, письма, исторический источник, славистика, славяноведение, научные связи.

Ссылка для цитирования: *Левченко В.В.* «Мы были в Одессе у своих, но здесь остаемся навсегда между чужими»: письма И.В. Ягича одесским ученым // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 104–120. DOI: 10.31857/S0869544X0014966-5.

«In Odessa we were with friends but here are always with strangers»:
letters of I.V. Yagich to Odessa scholars

© 2021. V.V. Levchenko

levchenko_lav@ukr.net

Abstract. The article contains 12 letters of the Croatian Slavic scholar I.V. Yagich to Odessa scholars, 8 of which enter in the scientific circulation. The letters reveal personal and business contacts between the researchers. The epistles give examples of communicative interactions between the scholars and they show the role of the academician I.V. Yagich who acted as a mediator between Russian and Western European cultures. The messages feature the interests of the intellectuals and they are considered as the most valuable historical source of this era.

Keywords: I.V. Yagich, Odessa scientists, letters, historical source, Slavic studies, scientific relations.

For citation: *Levchenko V.V.* «In Odessa we were with friends but here are always with strangers»: letters of I.V. Yagich to Odessa scholars // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences* = *Slavyanovedenie*. 2021. No. 3. Pp. 104–120. DOI: 10.31857/S0869544X0014966-5.

Эпистолярное наследие хорватского филолога-слависта Игнатия Викентьевича Ягича (1838–1923) – профессора четырех европейских университетов (Новороссийского, Берлинского, Санкт-Петербургского, Венского), члена семи европейских Академий наук (Югославянской, Санкт-Петербургской, Берлинской, Венской, Краковской, Сербской, Чешской), одного из крупнейших специалистов в области славянского языкознания в мире во второй половине XIX – первой четверти XX в. имеет особое значение среди огромного источниковедческого корпуса, освещающего его биографию и творчество. Важность информативности колоссальной по объему переписки известного ученого с несколькими тысячами адресатов, имеющей большое значение для истории мировой культуры, неоднократно отмечалась в научной литературе [1–8]. Несмотря на то, что тема научных связей И.В. Ягича с русскими учеными-гуманитариями на рубеже XIX–XX вв., его роль в истории становления и развития отечественного славяноведения, источниковедения и многих других областей социогуманитарной науки неоднократно освещались в научных публикациях, некоторые их аспекты до сих пор остаются до конца не раскрытыми. И.В. Ягич является одной из наиболее примечательных фигур в истории мирового славяноведения второй половины XIX – начала XX в. Самоотверженный труд ученого на поприще исследования исторического прошлого и культуры славянских народов заслуживает пристального изучения всего его интеллектуального наследия.

В фондах Государственного архива Одесской области (ГАОО) мною выявлены, собраны, проанализированы, обработаны и набраны в цифровом формате 14 писем И.В. Ягича, адресованных четырем одесским ученым, с которыми ему довелось познакомиться в Императорском Новороссийском университете (ИНУ), где он преподавал с 1872 по 1874 г. на кафедре сравнительного языкознания. Среди общего числа писем 11 было адресовано профессору А.А. Кочубинскому (1845–1907) и по одному письму профессорам Н.П. Кондакову (1844–1925), М.Г. Попруженко (1866–1944) и М.П. Смирнову (1833–1877). 11 посланий адресованных А.А. Кочубинскому, и одно письмо, направленное М.Г. Попруженко, хранятся в личном архиве А.А. Кочубинского (ГАОО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 9. 22 л.). Машинописная копия письма к М.П. Смирнову находится в личном архиве профессора, декана (1913–1920) историко-филологического факультета ИНУ А.П. Доброклонского (ГАОО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 131. Л. 1–2), а письмо к Н.П. Кондакову – в фонде ИНУ (ГАОО. Ф. 45. Оп. 7. Д. 24. Л. 131–133). Два из 14 писем ранее были опубликованы в полном объеме. Речь идет о двух письмах к А.А. Кочубинскому от 11 апреля и 15 сентября 1883 г. [4. С. 246, 252]. Еще четыре послания, из которых три (датированы 13 мая 1873 г., 1875 г.,¹ 3 мая 1876 г.) были адресованы А.А. Кочубинскому (см. прил. № 1, 3, 4) и одно (датировано 3/15 апреля 1875 г.) – М.П. Смирнову (см. прил. № 2), в разных степенях частично были представлены в статье С.Б. Бернштейна [2. С. 48, 52, 54]. Таким образом, 8 из 14 писем не опубликованы и не введены в научный оборот. С целью более полного представления картины развития российской историко-филологической науки 1870-х годов, в данной статье вместе с неопубликованными письмами представляем и ранее опубликованные в полном их объеме (см. прил.). Репрезентация писем позволит дополнить комплекс эпистолярного наследия И.В. Ягича, максимально полно выявить, тщательно прокомментировать и встроить данные эпистолярные источники

¹ Год написания письма установлен мною исходя из содержания письма.

в реконструкцию конкретных исторических событий на фоне определенной исторической эпохи.

Интерес к данному виду исторических источников вызван тем, что успех исторических исследований во многом зависит от полноты и доступности источниковой базы. Для изучения биографии и творческого наследия И.В. Ягича исследователи, казалось бы, оперируют достаточно широким корпусом различных исторических источников. Это, прежде всего, опубликованные и рукописные труды ученого, его коллег и учеников, официальные документы, касающиеся его жизни и деятельности на различных должностях в разных институтах, письма, часто дающие информацию, которую нельзя получить из других источников. Это хорошо осознавали археографы предыдущих поколений, которые после смерти И.В. Ягича на протяжении всего XX в. использовали малейшую возможность выявить и представить эпистолярные источники, связанные с его жизнью. Обнародование отдельных подборок писем И.В. Ягича как знаковой фигуры академической истории способствует реконструкции некоторых эпизодов его деятельности.

Хронологически эпистолярные источники охватывают период с 26 (13) сентября 1873 по 20 (7) апреля 1905 г. Они позволяют ознакомиться с атмосферой того времени, лучше представить своеобразие личности и духовного облика И.В. Ягича и его адресатов — профессоров А.А. Кочубинского, Н.П. Кондакова, М.Г. Попруженко и М.П. Смирнова. Перечитывая письма, мы как бы приближаемся к научной лаборатории авторитетного ученого. Из их содержания вырисовываются фигуры известных ученых, внесших весомый вклад в развитие многих областей науки. Архивный эпистолярный корпус позволяет проследить и реконструировать личные и творческие взаимоотношения академика с коллегами. Письма помогают реконструировать или прокомментировать те или иные события жизни ученого. Они содержат многочисленные интересные сюжеты общественно-политических аспектов жизни И.В. Ягича в Австро-Венгерской, Германской и Российской империях в последней четверти XIX — начале XX в.

Характерной чертой переписки И.В. Ягича является тот факт, что он довольно часто не имел сведений о точном местонахождении коллег и писал им письма, еще не получив от них ответа. Практически во всех письмах он выражал свои суждения относительно славян, их места в европейской культуре и отношение к ним со стороны немцев и австрийцев, описывал свои наблюдения за жизнью в Германской и Австро-Венгерской империях, современной культурой в этих странах. В качестве реализации научных планов И.В. Ягич обсуждал вопросы издания «Archiv für slavische Philologie» с А.А. Кочубинским (см. прил. № 4 и 11) и Н.П. Кондаковым (см. прил. № 6), с А.А. Кочубинским (см. прил. № 11) и М.Г. Попруженко (см. прил. № 12) обговаривал вопросы относительно издания «Энциклопедии славянской филологии». Письмо Н.П. Кондакову является неофициальным ответом ученого руководству ИНУ о своем отказе от места ординарного профессора в этом вузе (ГАОО. Ф. 45. Оп. 7. Д. 24. Л. 130), на которое он был избран приказом министра народного просвещения Д.А. Толстого от 30 октября 1876 г. (ГАОО. Ф. 45. Оп. 7. Д. 24. Л. 126), когда уже находился в Берлине. В этом письме от 16 (28) декабря 1877 г. И.В. Ягич частным образом заявлял о своем отказе преподавать в ИНУ, из которого был уволен решением того же министра народного просвещения Д.А. Толстого от 27 января 1879 г. (ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 186.

Л. 16) после поданного прошения ректора ИНУ Н.А. Головкинского 9 января 1879 г. (ГАОО. Ф. 42. Оп. 35. Д. 186. Л. 6–6об.). Таким образом, сложилась парадоксальная ситуация, что в период с 1876 по 1879 г. И.В. Ягич де-юре одновременно являлся профессором двух университетов — Берлинского и Новороссийского. Отличительным моментом писем И.В. Ягича к одесским коллегам стал тот факт, что практически все они пронизаны нотками ностальгии о времени, проведенном в Одессе, при том, что в период проживания в Южной Пальмире он критически высказывался о городе и его жителях [8. С. 68]. Подтверждением этого служит фраза из его письма М.П. Смирнову из Берлина от 3 (15) апреля 1875 г.: «Мы были в Одессе у своих, но здесь остаемся навсегда между чужими» (см. прил. № 2).

Подводя итог, констатируем, что выявленный, собранный, проанализированный и обработанный незначительный объем многоаспектной информации, которая дополняет, уточняет некоторые фрагменты биографии И.В. Ягича, может быть, даже и опровергает наши знания об ученом, его интеллектуальной и организационной деятельности, общественно-политических взглядах на разных этапах жизни, научном окружении, контактах и связях, влиянии его идей и деятельности на одесских ученых и взаимно их на него, но при этом однозначно способствует углублению осмысления его творческого наследия. Научные связи И.В. Ягича с одесскими коллегами демонстрируют позитивный пример двухстороннего научного диалога, который продолжался, невзирая на суровые испытания его судьбы. Детали переписки академика с одесскими учеными подчеркивают его доминирующую роль в формировании многих их научных интересов. В свою очередь, он считал, что связи эти оказали сильное влияние и на его научные интересы, и на дальнейшее развитие славистической науки.

Письма содержат много информации биографического характера, касаются различных аспектов истории славянской культуры в указанный период, в частности истории славянской филологии и прошлого славянских народов. Вот в чем особое значение этих 12 удивительных находок, проливающих свет на неизвестные факты из жизни пятиречных ученых-славистов. Письма — «это человеческие документы эпохи», которые рассматриваются не только как средство коммуникации, но и как историко-культурный феномен, уникальный источник информации. Письма свидетельствуют о большом подвижническом труде представителей славянской интеллектуальной элиты в сохранении и изучении исторических памятников и культурных традиций, пробуждении самосознания и идентичности славянских народов.

Представленные письма И.В. Ягича преимущественно публикуются по автографам (кроме одного, см. прил. № 2) и расположены в хронологическом порядке. Авторские даты десяти писем приводятся по подлинникам, даты двух писем — исходя из содержания посланий. Письма печатаются в соответствии с современными правилами русского языка. При передаче текстов сохранена чрезвычайно богатая и интересная лексика автора, не изменены часто употребляемые руссизмы, характерные словоформы и т.п. Авторские подчеркивания передаются с оговоркой автора статьи. Мелкие особенности текста (зачеркивания, надстрочные вставки и т.п.) не оговариваются. Не отмечаются незначительные и в малом количестве авторские исправления. Переводы иноязычных слов и выражений, которыми насыщены практически все письма, представлены в комментариях к каждому письму. Комментарии содержат биографические, исторические, литературные и прочие пояснения. Авторские подписи

расширены и, независимо от их места расположения в авторском варианте, представлены внизу в середине. Сведения о месте хранения подлинника поданы с условными сокращениями.

Приложение

Письма И.В. Ягича одесским ученым в период с 1873 по 1905 г.

№ 1: И.В. Ягич А.А. Кочубинскому, Загреб – Одесса, 13 мая 1873 г.

В Загребе 13 мая 1873 [года]

Милостивый государь!

Александр Александрович!

Я полагаю, что Вы через Михаила Павловича¹ узнали о моем путешествии, так как я, недели две тому назад, писал ему письмо из Загреба, тотчас после моего приезда сюда, к моему брату. Я было простудился в Вене, но теперь, слава Богу, опять здоров; гуляю много по горам, хотя погода не очень приятная, часто дождь идет. С нашим другом Даничицем² встречаюсь часто в Загребе – но, увы, его постиг тяжкий³ удар – умерла его мать! На днях мы ее похоронили. Вы были свидетелем их взаимной любви – и так можете представить себе его печаль! *Он и Матлеович кланяются Вам*⁴.

О получении желаемых книг я уже позаботился – но еще⁵ не получил никакого ответа ни из Нового Сада⁶, ни из Задра⁷. Относительно остальных я в переписке с Лейпцигом, куда и сам поеду в июле⁸ месяце.

Поклонитесь, пожалуйста, всем нашим знакомым, именно М[ихаилу] Павловичу, если он еще в Одессе, и Никодиму Павловичу.

Мы с женой кланяемся Вам и Виктору Ивановичу.

Ваш В. Ягич [подпись]

ГАОО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 9. Л. 1–10б. Автограф. Письмо.

№ 2: И.В. Ягич М.П. Смирнову, Берлин – Одесса, 3 (15) апреля⁹ 1875 г.

Многоуважаемый Михаил Павлович!

Полгода уже прошло с тех пор, как мы здесь блаженствуем и я все еще не дал Вам знать о том. Часто я собирался, но как-то не успел. Сначала, было, думал, что Вы совсем забыли о нас и не хотите ничего знать об изменнике; после только узнал, что, к сожалению, Ваш ответ на мое письмо миновал меня и пропал. Жаль, но все-таки лучше, чем опасаться, что я выездом из Одессы лишился Вашей дружбы, которой я всегда очень дорожил. Приятно мне было

¹ Михаил Павлович Смирнов (1833–1877) – историк-русист, профессор ИНУ.

² Джуро Даничич (1825–1882) – сербский филолог.

³ В публикации С.Б. Бернштейна указано слово «тяжелый».

⁴ Выделенное курсивом предложение отсутствует в публикации С.Б. Бернштейна.

⁵ В публикации С.Б. Бернштейна это слово отсутствует.

⁶ Нови-Сад – город, расположенный на севере Сербии.

⁷ Задр – город в Хорватии.

⁸ В публикации С.Б. Бернштейна указан июнь.

⁹ В публикации С.Б. Бернштейна указан май.

слышать, что университет сделал Вас своим проректором; приношу Вам, хоть и немножечко поздно, свое поздравление и желаю искренно, чтобы Вам удалось Вашим честным и откровенным образом действия окончательно восстановить порядок, мир, любовь в Новорос[сийском] университете. Когда сравнить преимущества, которыми пользуется русский универ[ситетский] профессор, с теми пресловутых немецких университетов, так можно бы действительно упрекать наших друзей, зачем сами подрывают свое завидное положение постоянными ссорами и жалобами. Верьте мне, что здешние профессора, которые несколько знают положение русских универ[ситетских] профессоров, не без зависти говорят о русских братьях! Это верно.

Впрочем, не за то я должен жалеть, что покинул Россию — мои требования самые умеренные, и я уже давно привык примиряться со многими неудобствами, которых другие никогда бы не полюбили — но мое недовольствие имеет совсем другую причину. *Я увлекся, как Вы знаете, мыслью, что преподавать славянские языки в Берлинском университете — дело полезное настолько же для нас, насколько для немцев¹⁰. Но кажется, что я ужасно ошибся в этом предположении. Здесь по славянской науке сочувствия пока — очень мало. О польском, чешском или сербском языках уже нечего и говорить; но я предполагал, что по крайней мере к русскому будут относиться с некоторым уважением, ввиду тех услуг, которые Россия оказала Германии. Ничуть не бывало. Одна часть здешней публики (ученой, конечно, я другой и не знаю) все еще удивляется, как можно писать или печатать что-нибудь серьезного или ученого на русском языке¹¹.* Другие при всяком удобном случае прибавляют *es ist leider¹² russisch¹³*, так что эти их *leider¹⁴* начали уже мне надоедать. Наконец, третьи, пожалуй, согласны даже учиться русскому языку, но не с научной целью, а из расчета, они кандидаты в будущие эксплуататоры русского добродушия. И так, судя по тому, как до сих пор относятся к кафедре славянских языков и литератур, моя мысль и желание приютить здесь славянскую филологию оказывается пустою мечтою. *Кажется, для Берлина скорее пригодился бы какой остзейский немец; ему-то скорее бы и поверили, чем мне.*

Не смею Вам надоедать рассказами о том, какую отвратительную жизнь мы ведем в Берлине, даже в сравнении с Одессой — город, как известно, скучен, зимою и летом грязен, летом еще и вонюч, на дороговизну общая жалоба, так что жить в нем становится с каждым днем тяжелее. Удобств и удовольствий здесь очень мало. Марию Константиновну¹⁵ будет интересоваться, когда скажу, что в Берлине, в центре сильной Немецкой империи и немецкой интеллигенции все, что считается лучшим, модным, должно прибыть, по крайней мере, из Вены, если уж не из ненавистного, но необходимого Парижа. Гуляя по лучшим частям города постоянно встречаете магазины: Wiener Bäckerei¹⁶, Wiener

¹⁰ В публикации С.Б. Бернштейна подана такая редакция: «...насколько же для нас, настолько для немцев...».

¹¹ Выделенные курсивом фрагменты представлены в публикации С.Б. Бернштейна.

¹² Подчеркнуто в оригинале.

¹³ *Es ist leider russisch* (нем.) — к сожалению, это русский.

¹⁴ *Leider* (нем.) — к сожалению.

¹⁵ Мария Константиновна — супруга М.П. Смирнова.

¹⁶ *Wiener Bäckerei* (нем.) — венская пекарня.

Schuhe¹⁷, Wiener Mehl¹⁸, Wiener Möbel¹⁹, Wiener Restaurant²⁰, Wiener Café²¹. Вот что значит северонемецкая индустриальная бестолковость. Здесь одно только блистательно — это прусские солдаты, которые, гордо маршируя, по неволе внушают страх. Пруссия на деле — военный лагерь. Мальчишки по улицам играют в солдаты, родители их одевают в военный мундир с фуражкой и т.д. Говорят (не знаю, насколько верно), что с последней войны нравы народа очень огрубели. Действительно, здесь на улице встречаешь часто такую грубость, начиная с уличных гаменов все до разгульных рабочих-социалистов, что трудно поверить, что находишься в Берлине. Да и образованные сохраняют по-неволе отпечаток этой северонемецкой грубости, только они говорят, что это их сближает с англичанами.

Длинную главу можно бы написать о женщинах, но это не мое дело, да и чересчур уже известно. Довольно, если Вам скажу, что моя жена, хотя и сама полунемка, никак не может привыкнуть к здешнему образу жизни. Она с нетерпением дожидается плохой погоды, чтобы поехать на родину.

Моя Станочка²² посещает школу, дома же прилежно читает по-сербски и по-русски. И ей-то лучше нравилось в России. Она кланяется Софии Михайловне²³.

Мы с женою просим Вас передать поклон Марии Константиновне и принять уверение, что мы никогда не забудем той дружбы, с которой вы нас всегда встречали. Мы были в Одессе у своих, но здесь остаемся навсегда между чужими.

Ваш преданный В. Ягич

В Берлине 3/15 апр[еля] 1875 [года].

Прошу Вас передать мой поклон его превос[ходительству] С. Пл. Голубцову²⁴ и всем бывшим товарищам.

ГАОО. Ф. 157. Оп. 1. Д. 131. Л. 1–2. Машинопись. Письмо.

№ 3: И.В. Ягич А.А. Кочубинскому, Берлин — Одесса, 1875 г..²⁵

Многоуважаемый Александр Александрович,

я действительно думал, что и Вы в числе тех, которые совсем отказались от меня, с тех пор как я попал к этим проклятым немцам! В самом деле, я и стою того, чтобы ругать меня, как я мог предпочесть Берлин хоть бы последней русской деревне. Но Вы помните, что я Вам, увлекаясь, как теперь вижу, ложными предположениями, рассказывал о важности этого поста для нас, славян. На деле же оказывается, что это вовсе не так. Немцы, может быть к счастью нашему, неисправимы относительно нас. У них предвзятая мысль, что они crème²⁶ челове-

¹⁷ Wiener Schuhe (нем.) — венская обувь.

¹⁸ Wiener Mehl (нем.) — венская мука.

¹⁹ Wiener Möbel (нем.) — венская мебель.

²⁰ Wiener Restaurant (нем.) — венский ресторан.

²¹ Wiener Café (нем.) — венское кафе.

²² Станочка — дочь И.В. Ягича.

²³ София Михайловна — дочь М.П. Смирнова, подруга Станочки.

²⁴ Сергей Платонович Голубцов (1810–1888) — доктор медицины и тайный советник, попечитель Одесского (1866–1880) и Киевского (1880–1888) учебных округов.

²⁵ Исходя из содержания письма, его можно датировать приблизительно 1875 г.

²⁶ Crème (фр.) — в прямом значении «сливки», в переносном — «высшее общество».

ской культуры, что они говорят последнее слово, нам же не остается что другое, как перенимать от них. При таких взглядах — подробностей²⁷ я не могу Вам рассказывать — можно вообразить себе положение мое. Они, как мне с каждым днем становится яснее, не пригласили меня преподавать славянскую филологию на основании того убеждения, что эта наука для них нужна, но они, т.е. прусское министерство, хотели лишить польскую фракцию своего Ландтага возможности упрекать прусское правительство в том, что пренебрегает польским языком. И так хитро, нечего говорить, придумали основать кафедру славянской филологии, чтобы показать недовольным полякам, вот вам, мол, кафедра всех славянских языков, стало быть, и вашего. Так-то и выходит. Немцы мною, т.е. моим предметом, несколько не интересуются, представляя полякам слушать у меня. Поляки же мною уже а priori²⁸ недовольны, во-первых, потому, что считают, что только поляк имел право на эту кафедру, во-вторых же, что²⁹ вскоре в течении моего преподавания заметили, что я не руссовраг, а русофил. Расскажу Вам для иллюстрации маленькую историю. Я преподавал, *pubbium*³⁰ как говорят, историческое обозрение древнейших славянских памятников языка и письма. Сначала слушали каких 10 человек поляков, и так себе продолжилось благополучно до нового года, пока не приехали сюда депутаты берлинского Ландтага. Эти, должно быть, внушили студентам, что не стоит посещать моих преподаваний. И действительно, число спало на — двух, эти же, дожидаясь той лекции, когда мне следовало коснуться памятников русских, без причины не явились и я преподавание прекратил.³¹

Таким образом, остается³² мне еще только русский язык, которому учатся человек 5—6; это, разумеется, уже не поляки, а немцы. Но вообразите, как скучно обучать немца русскому языку! Какая тут филология! Кроме того, у них почти без исключения замечен практический интерес, т.е. предполагаемая для своего времени и удобного случая — эксплуатация нашего брата русского. Стоит ли из-за этого занимать кафедру славянской филологии? Ведь это почти хуже преподавания санскритского языка одесским студентам, которые, по крайней мере, как свои были мне симпатичны — не то, что здешние!

Итак — Вы видите, я в течении краткого времени совершенно разочаровался! И начал ужасно жалеть, что не остался в Одессе. Одно только утешает меня, т.е. надежда, что мне, может быть, удастся еще возвратиться в нашу святую Русь. Пока пользуюсь свободным временем, насколько позволяют здешние скудные средства, чтобы то или другое сделать в пользу нашей науки.

Очень приятно мне слышать, что Вы столь усердно занимаетесь богатою древнечешскою литературою. Мы надеемся и ожидаем от Вас много. Желая Вам только чем скорее покончить³³ все предварительные формальности, чтобы Вас сделали вскоре ординарным, разумеется, забаллотировали Викт[ора] Ив[ановича]³⁴ (он действительно — «свинья»!) и тогда, если Вам окажется, что можете нуждаться и во втором слависте — скажите только словечко и вот — я буду у вас. Да что я говорю, это только мечта — да приятная мечта.

²⁷ В публикации С.Б. Бернштейна указано слово «подробности».

²⁸ А priori (лат.) — заранее известное знание.

²⁹ В публикации С.Б. Бернштейна указано слово «это».

³⁰ Pubbium (фр.) — лобби.

³¹ Выделенный курсивом фрагмент отсутствует в публикации С.Б. Бернштейна.

³² В публикации С.Б. Бернштейна указано слово «остался».

³³ В публикации С.Б. Бернштейна указано слово «закончить».

³⁴ Виктор Иванович Григорович (1815—1876) — русский филолог-славист, профессор Императорских Казанского, Московского и Новороссийского университетов.

*Мы здоровы и наше материальное положение не лучше не хуже одесского. Но зато окружающая нас среда — отвратительна, несимпатична*³⁵. Неудивительно, стало быть, что мы скучаем и вздыхаем по Одессе.

Об одесских обстоятельствах кое-что я слышал, но уже давно не имею оттуда никаких известий.

Мы с женою и Станочкою кланяемся Вам и просим Вас остаться и впредь нашим милым, искренним другом, каким Вы нам были всегда.

Ваш преданный В. Ягич [подпись]

*Прошу Вас о моей misère*³⁶ *не передавать другим — стыдно мне жаловаться, когда я сам во всем виноват.*

*Малиновского*³⁷ *книжку, если не получу иначе, могу Вам послать свой экземпляр.*

*В Праге ли Котляревский*³⁸ ?³⁹

ГАОО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 9. Л. 3–4об. Автограф. Письмо.

№ 4: И.В. Ягич А.А. Кочубинскому, Берлин — Одесса, 3 мая 1876 г.

Многоуважаемый Александр Александрович!

Наконец вот Вы даете о себе знать. Я догадывался, правда, что Вы можете быть опять в Праге, но наверно не знал. До сих пор все получал только известия о том, где Вы *были*⁴⁰, а не где Вы в настоящее время. Очень рад, разумеется, слышать, что Вам дана отсрочка, еще же приятнее видеть из обязательно мне присланного отчета, как Вы серьезно занимаетесь. Поздравляю Вас с такими удачными соображениями, как видно из Вашего отчета и вместе из сообщения, сделанного мне письменно. Кстати, я могу Вам сообщить, что в 3 вып[уске] «Архива»⁴¹ печатается моя критика на 2-й том Шмидтова⁴² вокализма⁴³ — как скоро я получу оттиски, пришлю Вам экземпляр. В моей критике Вы кое-что отметите, что подходит близко к высказанному Вами мнению.

Известие о несчастье, случившемся с Вольским⁴⁴, потрясло меня — это ужас! К счастью, он был один; впрочем, может быть, этого с ним не случилось бы, если бы он был женат. *Ergo*⁴⁵ — поспешите жениться. Иначе я не получаю никаких известий из Одессы. *Заговорили было, как я из писем Михаила Павловича*⁴⁶ *в свое время узнал, о том, что я желаю назад в Одессу. По этому поводу, как слышу, проявилась*

³⁵ Выделенный курсивом фрагмент отсутствует в публикации С.Б. Бернштейна.

³⁶ Misère (фр.) — нищета.

³⁷ Люциан Феликс Малиновский (1839–1898) — польский филолог, профессор Ягеллонского университета, создал в Кракове школу польских славистов.

³⁸ Александр Александрович Котляревский (1837–1881) — русский историк, славист, археолог и этнограф. Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук.

³⁹ Выделенный курсивом фрагмент отсутствует в публикации С.Б. Бернштейна.

⁴⁰ Подчеркнуто автором письма.

⁴¹ «Archiv für slavische Philologie» (1875–1929) — первый международный славянский журнал, основанный И.В. Ягичем и редактируемый им на протяжении сорока лет.

⁴² Иоганнес Шмидт (1843–1901) — немецкий лингвист, автор волновой теории языкового развития.

⁴³ Речь идет о книге Шмидта И.: Zur Geschichte des indogermanischen Vocalismus. Part II. Weimar, 1875.

⁴⁴ Михаил Мартынович Вольский (1834–1876) — профессор ИНУ по кафедре политической экономии и статистики.

⁴⁵ Ergo (лат.) — следовательно.

⁴⁶ Михаил Павлович Смирнов. О нем см. выше.

вся ненависть против меня — что думаете? кого? — Ивана Степановича Некрасова⁴⁷!! Я прямо написал Смирнову⁴⁸, что желаю только в таком случае назад, если мне могут обеспечить после ухода Викт[ора] Ив[ановича]⁴⁹ — значит, после нового его пятилетия — право на вторую кафедру по слав[янской] филологии. В таком⁵⁰ случае мы могли бы превосходно помогать друг другу. Оказывается, что это невозможно, этим дело и кончилось. Эту историю я считал обязанностью своею Вам сообщить, чтобы не передавал Вам ее кто-нибудь другой в искаженном виде. Я, разумеется, всегда предполагал, что о Вашей кафедре не нужно и говорить, так как она за Вами обеспечена — потому и сказал, что при Викторе Ивановиче я готов преподавать только сравнительную грамматику⁵¹.

Мой «Архив» подвигается так себе, — покупателей немного, но все же столько, что издание обеспечено. Желательно побольше сотрудников. Я рад был услышать, что и Вы собираетесь что-нибудь прислать. Прошу не очень долго медлить.

Мы здесь скучаем, как и в прошлом году. Я, правда, много занят, но жену жалею, что должна постоянно дома сидеть. Мой сын — Николай — слава Богу здоров, необыкновенно крепкий ребенок, развивается превосходно. Уже та мысль, что у меня теперь сын, побуждает меня снова желать не на долго оставаться в Берлине. Станочка — превосходная ученица, не уступает ни в чем самым лучшим в классе.

С прошедшей осени мы живем в Bendlers hause 17 в[ека], квартира нынешняя у нас гораздо лучше и просторнее. Приезжайте посмотреть.

Мои все вместе со мною кланяются Вам, мы просим не поминать нас лихо.

Ваш искренно преданный В. Ягич [подпись]

3.5.[1]876 [года]

Приложенное письмо было у меня с тех пор, как вы уехали. Посылаю вам 2 мои отдельные статьи по слав[янской] народной поэзии.

ГАОО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 9. Л. 5—6. Автограф. Письмо.

№ 5: И.В. Ягич А.А. Кочубинскому, Берлин — Одесса, 1 июля 1876 г.

Дорогой Александр Александрович,

не зная наверно, еще ли Вас искать в Праге, я хотел уже отложить мое письмо, пока Вы вернетесь в Одессу, что, должно быть, вскоре последует. Но Ваше вчерашнее сообщение дает мне очень приятную возможность еще хоть раз обменяться с Вами письмами за границу. Итак, спешу написать Вам несколько строк. Лескину⁵² я написал сегодня, надеюсь, если у него есть экземпляр, то Вы непременно желаемое получите. Впрочем, Бог его знает, этого Лескина, он

⁴⁷ Иван Степанович Некрасов (1836—1895) — доктор словесности, заслуженный профессор, декан и ректор ИНУ, исследователь истории древнерусской литературы.

⁴⁸ Михаил Павлович Смирнов. О нем см. выше.

⁴⁹ Виктор Иванович Григорович. О нем см. выше.

⁵⁰ В публикации С.Б. Бернштейна указано словосочетание «Во всяком».

⁵¹ Выделенный курсивом фрагмент представлен в публикации С.Б. Бернштейна.

⁵² Август Лескин (1840—1916) — немецкий лингвист, профессор (1870), член Берлинской Академии наук, иностранный член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1876), научный руководитель И.В. Ягича.

мне не очень нравится — у него слишком мало искреннего сочувствия к нам, славянам, — мы для него только — *Gegenstand*⁵³.

Я же никак не понимаю, как можно, интересуясь той или другой наукой, не почувствовать поневоле влечения к представителю изучаемого предмета.

Посылаю Вам отдельную статью с еще неизданного выпуска, где я возражаю против некоторых положений Шмидта⁵⁴ — приятно было бы узнать Ваше мнение. Вы, несомненно, читали, что Шмидт приглашен в Берлин, что мне очень приятно. Может быть, удастся ему проложить дорогу славянской филологии в здешнем университете.

В Берлине в настоящее время — Филипп Карлович Брун⁵⁵. Старик в восторге от своих немцев, он им тоже нравится. Он бывает довольно часто и у нас, но из его рассказов мало разберешь. И Фед[ор] Ив[анович] Успенский⁵⁶ тоже здесь, но его вижу реже. Проездом в Лондон навестил меня также Умов⁵⁷ — как видите, одесситов вижу много, однако об Одессе узнаю мало. Да и нечего узнавать. Говорят, у вас там сплетни по-прежнему. Вы все это вскоре увидите. Напишите мне, когда собираетесь домой; диссертация Ваша окончена? Поспешите защищать, чтобы Вас тем скорее поздравить с профессурой и — женой.

Мы все кланяемся Вам и просим не забывать нас. Как будете в Одессе, я позволю себе маленькие поручения.

Ваш искренний друг В. Ягич [подпись]

1.7.[1]876 [года]

ГАОО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–8. Автограф. Письмо.

№ 6: И.В. Ягич Н.П. Кондакову, Берлин — Одесса, 16 (28) декабря 1877 г.
16/28 12. [1]877 [года]

Многоуважаемый Никодим Павлович!

Прежде всего — поздравляю Вас с избранием в ординарные. Искренно радуюсь этому событию уже потому, что факультет приобретает достойного профессора, который будет в состоянии поднять его значение в Совете. Потом прошу Вас извинить меня, что не ответил на Ваше последнее письмо, полученное мною, кажется, в сентябре месяце. Я вскоре после того поехал было в Петербург, где я прожил более месяца (октябрь и часть ноября по новому календарю). Оттуда я желал написать Вам и еще кому-нибудь в Одессу — но как бы я ни был иначе доволен моею поездкой в Питер и той встречей, которую мне оказали мои друзья — насчет моих душевных желаний я не испытал ничего приятного. Чтобы не тратить лишних слов, скажу только одно, мне не удалось никого заинтересовать за тот план, который я считаю в интересе славянской науки очень важным и который единственный был бы в состоянии

⁵³ *Gegenstand* (нем.) — предмет, вещь.

⁵⁴ Иоганнес Шмидт. О нем см. выше.

⁵⁵ Филипп Карлович Брун (1804–1880) — российский историк, археолог, переводчик. Профессор ИНУ.

⁵⁶ Федор Иванович Успенский (1845–1928) — русский византист, доцент ИНУ.

⁵⁷ Николай Алексеевич Умов (1846–1915) — русский физик-теоретик, профессор Императорского Московского университета.

склонить меня прекратить⁵⁸ здесь свою деятельность. Дело вот в чем, у нас в России никто не верит, чтобы можно было где-нибудь иначе, кроме Петербурга и, пожалуй, Москвы, сделать что-нибудь хорошее; даже почин хорошего, полезного предприятия должен принадлежать столицам. В Петербурге столь мало душевной самостоятельности, что через меру пренебрегают своими силами и чересчур преувеличивают все иностранное, заграничное. Не стыдно ли заявлять, что такого рода литературное предприятие, как мой «Архив» в России невозможно — вероятно, потому, что господа петербуржцы слишком ленивы, не хочется же им позволить, чтобы провинция опередила их. Таким образом, вышло, что некоторые из самых влиятельных лиц (конечно, по моей части) мне и моим планам больше не сочувствуют, считая меня опасным что ли! Разумеется, что в такой атмосфере и исполнение тех условий, которые я поставил было в интерес моей семьи, оказалось невозможным, потому что у меня нет протекций. Что мне после всего этого было делать? Не имея возможности переговорить с министром, я явился у директора департамента, где мы порешили очень дружно, что-де мне лучше остаться в Берлине. Ваш университет ведь имеет своего слависта — для таких маленьких, как Новороссийский иметь двух представителей — это роскошь. И так уже теперь многие обвиняют ваших славистов, что занимаются более политикою, чем наукою и что тоже на них падает доля ответственности за все несчастья настоящей войны. Кроме того, помните, что я вам говорю, я предвижу, что очень близко то время, когда название братьев славян опять сделается насмешливою кличкою. Я сам более как брат славянин должен предпочитать остаться в Берлине.

Такое впечатление и убеждение я вынес из Петербурга. А что Вы мне пишете о деканстве и т.п. — это скорее может уверить меня в том, что действительно правы те, кто говорит: оставайся там, где ты есть! Я дорожу дружбою, люблю спокойствие — стало быть, не могу желать более что другое, нежели представитель своей науки. Прошу Вас заявить об этом, где и кому следует. Впрочем, Вы, вероятно, уже получили или вскоре получите из департамента бумагу о том, что я вообще в Одессу не поеду, а разумеется, в Москву и Петербург меня никто не приглашает. Братья славяне пока в России играют роль учителей классич...⁵⁹

Но будьте уверены, что я не перестал [...] ⁶⁰, когда с любовью и благоговением вспоминал мою жизнь в России, моих тамошних друзей, и желать в благоприятных обстоятельствах возвратиться туда.

Поклонитесь своей супруге, Селиванову⁶¹ и другим знакомым. Пишите мне очень вскоре.

Ваш друг Ягич [подпись]

ГАОО. Ф. 45. Оп. 7. Д. 24. Л. 131–132об. Автограф. Письмо.

№ 7: И.В. Ягич А.А. Кочубинскому, Санкт-Петербург — Одесса, 16 марта 1881 г.

16.3.1881 [года]

⁵⁸ Исходя из смысла содержания текста, автор, скорее всего, имел в виду слово «перекоротать».

⁵⁹ Предложение прочитать до конца не представляется возможным из-за повреждения бумаги.

⁶⁰ Слово прочитать не представляется возможным из-за повреждения бумаги.

⁶¹ Александр Федорович Селиванов (1856–1919) — русский архивист, краевед, писатель и археограф.

СПб., В[асильевский] остров, Волховский переулок, 1/2
Милостивый государь Александр Александрович!

Если Вы придерживаетесь правила «*inimicus persona, amicus causae*»⁶², то я надеюсь, что Вы мне не откажете в следующей просьбе. Мне хотелось бы получить точно проверенную коллизию напечатанного у Срезневского⁶³ (в «Памятниках юсового письма»⁶⁴) отрывка из «Поучений Кирилла Иерусалимского»⁶⁵ с подлинником в библиотеке Импер[аторского] Новоросс[ийского] университета⁶⁶. За услугу, если Вы найдете свободного времени, я буду Вам обязан не только частным образом, но заявлю об этом и публично в издании, для которого мне и нужна проверка.

Если Вы находите возможным, я готов даже через Импер[аторскую] Академию⁶⁷ хлопотать о пересылке упомянутого отрывка к нам, где мы могли бы издать его фотографически на счет Общества любителей древней письменности.

Благодарю Вас за присланный мне очень сердечный отзыв о нашем Колосове⁶⁸; жаль его, это большая потеря для славянорусской филологии.

С отличным уважением Ваш И.В. Ягич [подпись]
ГАОО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 9. Л. 9–9об. Автограф. Письмо.

№ 8: И.В. Ягич А.А. Кочубинскому, Санкт-Петербург — Одесса, 14 июня 1881 г.

14.6.1881 [год]

Милостивый государь
многоуважаемый Александр Александрович,

Вы много, чрезвычайно обязали меня посланным мне верным списком «Хиландерских отрывков»⁶⁹; примите за труд и оказанную мне услугу мою искреннюю благодарность. Я, правда, напечатал уже текст раньше, но воспользуюсь снимком для поправок. Кроме того, я теперь печатаю «Чтение о церковно-слав[янском] языке», для которых мне Ваш список очень пригодится. Если вы найдете возможным, я советую эту редкость издать фотолитографическим способом. Такое издание было бы важно для палеографии.

⁶² «*Inimicus persona, amicus causae*» (лат.) — друг, потому что враг.

⁶³ Измаил Иванович Срезневский (1812–1880) — русский филолог-славист, этнограф, палеограф. Академик Санкт-Петербургской Академии наук (1851). Декан историко-филологического факультета (1855–1880) Санкт-Петербургского университета. Составитель «Словаря древнерусского языка».

⁶⁴ По всей видимости автор имел в виду издание: Срезневский И.И. Древние славянские памятники юсового письма с описанием их и с замечаниями об особенностях их правописания и языка. СПб., 1868. 642 с.

⁶⁵ По всей видимости, автор подразумевал «Поучения огласительные и тайноводственные святителя Кирилла Иерусалимского».

⁶⁶ По состоянию на сегодня, подлинник «Поучений огласительных и тайноводственных святителя Кирилла Иерусалимского» в фондах Научной библиотеки Одесского национального университета имени И.И. Мечникова не выявлен.

⁶⁷ Императорская Санкт-Петербургская Академия наук.

⁶⁸ Митрофан Алексеевич Колосов (1839–1881) — русский филолог, историк русского и старославянского языка, диалектолог. Профессор Варшавского университета. Член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1878).

⁶⁹ По всей видимости, речь идет о «Хиландарских листках».

Примите уверение в моем совершенном почтении и отличном уважении.

Ваш В. Ягич [подпись]

ГАОО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 9. Л. 10. Автограф. Письмо.

№ 9: И.В. Ягич А.А. Кочубинскому, Санкт-Петербург — Одесса, 1883 г..⁷⁰

Милостивый государь Александр Александрович!

По полученным известиям из Вены, там собираются в память 70-летней годовщины Миклошича⁷¹ отчеканить медаль, на подписку. Вы обратились ко мне с просьбой собрать несколько подписчиков и в России. Я же обращаюсь к представителям славянской науки с просьбой поддержать меня в этом деле. Я убежден, что Вы принадлежите к числу тех, которые давно уже по достоинствам оценили заслуги Миклошича. Поэтому надеюсь, что Вы постараетесь, чтобы в Одессе и его учебном округе нашлось хоть несколько подписчиков. К сожалению, я не могу еще сообщить, какая предвидится сумма расходов и какой предполагается взнос с подписчиков на медаль. Я узнаю об этом только дней через 10 и тогда сообщу Вам.

Примите уверение в моем искреннем к Вам уважении.

Ваш И.В. Ягич [подпись]

ГАОО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 9. Л. 21–22. Автограф. Письмо.

№ 10: И.В. Ягич А.А. Кочубинскому, Вена — Одесса, 13 (25) сентября 1888 г.
Вена, 13/25 сентября 1888 [года]

Многоуважаемый Александр Александрович!

По старой дружбе обращаюсь к Вам с маленькою просьбою. Печатаемая (уже второй год!) новая книга «Образцов церковнославянского языка», я прибавил несколько текстов «среднеболгарских», между прочим несколько отрывков из Ветхого завета, взятых из минеи Григоровичевой⁷² № 32 Новоросс[ийского] унив[ерситета] библ[иотеки]. Когда я сделал выписки из этой рукописи для себя — это было в августе 1886-го года, — я находился в довольно возбужденном настроении духа. Ведь это было накануне моего отъезда из любимой России. Не ручаюсь, все ли так выписано, как в рукописи находится. Поэтому вот такая у меня просьба к Вам. Не хотите ли Вы быть столь добры и проверить набранный текст — который Вы получите одновременно с этим письмом — по подлиннику? Я отметил карандашом, где приблизительно помещаются вынутые мною чтения (как парели) в минеи № 32, т.е. я полагаю, что не ошибусь насчет чисел месяца, но мита или странички не могу точно указать.

Я бы просил Вас исправить текст во всех мелочах точно по подлиннику, потом же отправить под бандеролью корректуру в типографию Импер[аторской]

⁷⁰ Дата установлена мною исходя из содержания письма.

⁷¹ Франц Ксавер Риттер фон Миклошич (1813–1891) — словенский и австрийский языковед. Считается основоположником школы сравнительно-исторического изучения грамматики славянских языков и одним из виднейших представителей славистики XIX в. Член Императорской Венской Академии наук (1851; корреспондент с 1848), иностранный член-корреспондент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук (1856).

⁷² В.И. Григорович. О нем см. выше.

Публ[ичной] библиотеки на Вас[ильевском] Остр[ове] 9-я линия у большого проспекта, С[анкт]-Петербург.

Пишу эти строки накануне моего отъезда в Петербург, где я намерен пробыть недели 3, занятый русскою литературою, о которой мне придется в следующем году прочесть курсик. Не удивляйтесь этому — Вы знаете пословицу, что тогда и рак рыба! Во всяком случае лучше я, чем какой-либо недоброжелатель.

О безобразиях, которые у нас творятся, — Вы знаете вдоволь из газет.

Ваш старый друг И.В. Ягич [подпись]

ГАОО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 9. Л. 15–16. Автограф. Письмо.

№ 11: И.В. Ягич А.А. Кочубинскому, Вена — Одесса, 18 (31) мая 1903 г.

Вена, 18/31 мая 1903 [года]

Дорогой Александр Александрович!

Не знаю, застанет ли Вас это письмо еще в Одессе? М[ожет] б[ыть], оно будет доставлено Вам в те места, где вы намерены пробыть в течение лета. Моя главная цель состоит в том, спросить Вас, когда же я получу статейку для «Архива» с карточкой? Вы обещали, я же, поглощенный заседаниями, секциями и подсекциями, и как уже мы их называли, не успел напоминать Вам, что я на Вас рассчитываю. Надеюсь, Вы не откажетесь выразить и засвидетельствовать этим нашу старинную дружбу, нашу солидарность в хорошем, надеюсь, понимании потребностей нашей науки. Это для меня тем важнее, что на молодежь я не надеюсь, она или не подает особых надежд, или не отличается характером. *Exempla sunt odiōza*⁷³!

Вы, конечно, не знаете еще, что Второе отделение в одном из бывших заседаний после нашего отъезда порешили вскоре приступить к изданию энциклопедий. Пока оно обратилось ко мне с просьбой позаботиться о подыскании сотрудников для этого «моего детища». Задача нелегкая. Я раз уже на этом провалился. Неужели суждено мне и второй раз провозгласить себя и это предприятие несостоятельным! Во всяком случае, я попытаюсь еще раз. Я уже начал списываться, увидим, что выйдет. К осени подведу итоги и тогда сообщу, да или нет, т.е. могу ли я принять участие или нет.

По моему желанию, следовало бы постараться, чтобы в этом, по идее, прекрасном предприятии приняли участие как сотрудники положительно все представители нашей науки, которых она знает в данное время, и славянские, и неславянские. «Крем», сливки, должны здесь сойтись, русские и нерусские, западные и южные славяне, поляки и хохлы рядом с москалями, сербы рядом с болгарам и т.д! Достижимо ли это при наших принятых условиях? Не знаю, но надежды пока не теряю! Конечно, фанатики не примут участия, но — Бог с ними, они не решают вопроса.

Я рассчитываю и на Ваше участие, и лучше всего прошу Вас подумать о том, какую часть хотели бы Вы взять на себя. У каждого из нас есть свой любимый уголок, предоставим ему вращаться в нем, обработать его. Я не пр[отив] по крайней мере для истории славяноведения <...> отыскать Вам <...> и услышать об этом Ваш голос.

⁷³ *Exempla sunt odiōza* (лат.) — примеры ненавистны.

Читали ли Вы, как в *Rölmöihe Zeitung* похвалил Вас Herr Götz? Во всяком случае, Ваше беспристрастное отношение к немцам умнее того шовинизма, которым в свое время в Сербии разразились против меня из-за Македонии, и в чем принял участие даже Ваш воспитанник, получивший, д[олжно] б[ыть], уже степень магистра за диссертацию, присылкой который от нас немцев не хотел осчастливить.

Кланяйтесь Бор[ису] М[ихайловичу] Ляпунову⁷⁴, если он еще в Одессе, и профессору Истрину⁷⁵, если он вернулся из Парижа. На обратном пути он не был д[аже] б[лизко] в Вене.

Дружески жмет Вам руку Ваш искреннейший И.В. Ягич [подпись]

ГАОО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 9. Л. 17–18об. Автограф. Письмо.

№ 12: И.В. Ягич М.Г. Попруженко, Цилли – Одесса, 31 августа 1905 г.

Цилли⁷⁶ (в Штирии)

31 авг[уста] 1905 [года]

Многоуважаемый Михаил Георгиевич!

С большим удовольствием я воспользуюсь Вашим предлагаемым мне участием в составлении энциклопедии. Я имел Вас в виду для болгарской части, не в лингвистике, а в истории литературы. А так как в настоящее время Ваши помышления сосредоточены в первой грамматической или лингвистической части, то я пока не предлагал никому вопрос относительно участия во второй, историко-литературной части энциклопедии. Во всяком случае, было бы мне приятно от Вас же услышать, на каком вопросе Вы предпочли бы остановиться. У меня пока по болгаршине намечены следующие сотрудники: для языка и наречий Милетич⁷⁷, для литературного языка и ударения Цонев⁷⁸, для сношений болгарского языка с русским Лавров⁷⁹, для восточных элементов в болгарском языке Шишманов⁸⁰.

Как видите, сотрудников пока довольно мало. В особенности по истории литературы еще нет никого. Поэтому Вам предоставлен большой выбор.

Ваш искренно преданный И.В. Ягич [подпись]

Я возвращаюсь на днях в Вену, поэтому прошу продолжать переписку туда же.

ГАОО. Ф. 158. Оп. 1. Д. 9. Л. 19–19об. Автограф. Письмо.

⁷⁴ Борис Михайлович Ляпунов (1862–1943) – русский лингвист-славист, ученик И.В. Ягича. Специалист по истории русского языка, сравнительной грамматике славянских языков, этимологии, диалектологии, лексикографии.

⁷⁵ Василий Михайлович Истрин (1865–1937) – русский литературовед, специалист по древнеславянским памятникам. Профессор ИНУ.

⁷⁶ Цилли – устаревший вариант названия Целе, города в Словении, третий по величине населенный пункт страны и один из центров исторической области Нижняя Штирия.

⁷⁷ Любомир Георгиев Милетич (1863–1937) – болгарский ученый, специалист в области болгарской филологии и истории.

⁷⁸ Беньо Стефанов Цонев (1863–1926) – болгарский языковед-славист, один из основателей болгарской филологии, специалист по истории болгарского языка. Профессор Софийского университета.

⁷⁹ Петр Алексеевич Лавров (1856–1929) – русский филолог-славист, лингвист. Профессор ИНУ (1908–1900) и Санкт-Петербургского (с 1900) университетов.

⁸⁰ Иван Димитров Шишманов (1862–1928) – болгарский литературовед и этнограф. Профессор Софийского университета.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Кораблев В.Н.* Памяти академика И.В. Ягича. К десятилетней годовщине со дня его смерти (1838–1923) // Труды Института славяноведения Академии наук СССР. 1934. Вып. II.
2. *Бернштейн С.Б.* К истории языковедения в Одессе: Материалы для биографии В. Ягича // Труды Одесского державного університету: Збірник філологічного факультету. Одеса, 1940. Т. 1.
3. Документы к истории славяноведения в России (1850–1912) / Под. ред. акад. Б.Д. Грекова. М.; Л., 1948.
4. Письма И.В. Ягича к русским ученым. 1865–1886 / Сост. Г.П. Блок, Т.И. Лысенко; под ред. акад. В.В. Виноградова и Г.П. Блока. М.; Л., 1963.
5. *Арбузова И.В.* Ватрослав Ягич и русская славистическая наука: (Из истории создания «Энциклопедии славянской филологии»). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Л., 1971.
6. *Пиотровская Е.К.* «Якорь надежд» (Мысли И.В. Ягича о Российской Академии наук) // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб., 1996. Т. L.
7. *Арбузова И.В., Пиотровская Е.К.* Письма Н.П. Кондакова (1874–1909 гг.) к В. Ягичу, хранящиеся в архиве В. Ягича в Загребском университете // Вспомогательные исторические дисциплины СПб., 2002.
8. *Лантева Л.П.* И.В. Ягич (1838–1923) в оценках русских современников последней четверти XIX — начала XX века // Славяноведение. 2015. № 2.

DOI: 10.31857/S0869544X0014967-6

Оригинальная статья /
Original Article

История русской общественной мысли XIX– начала XX века в научном наследии Анджея Валицкого

© 2021 г. Б.В. Носов

Институт славяноведения РАН

bnossov@mail.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке
РФФИ в рамках научного проекта № 19-09-00368

Аннотация. В статье рассматривается творческий путь и научное наследие Анджея Валицкого – выдающегося польского философа, специалиста по истории русской общественной мысли XIX–XX вв. Освещаются его мировоззрение, философские взгляды, в частности, критика им марксизма, а также позитивное отношение к современной России. Уделено внимание роли Валицкого в развитии научных связей России и Польши в начале XXI в., в частности, его сотрудничеству с Комиссией историков России и Польши.

Ключевые слова: История русской общественной мысли, философия, российско-польские научные связи, история науки, славянофильство, либерализм в России.

Ссылка для цитирования: Носов Б.В. История русской общественной мысли XIX – начала XX века в научном наследии Анджея Валицкого // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 121–132. DOI: 10.31857/S0869544X0014967-6.

The history of Russian XIX–XX century public thought in the scientific legacy of Andrzej Walicki

© 2021 B.V. Nosov

bnossov@mail.ru

Abstract. The article analyzes the career and legacy of Andrzej Walicki, an outstanding Polish philosopher and an expert on the history of Russian public thought in 19–20th centuries. His worldview, including the criticism of Marxism and the positive attitude towards modern Russia, are in the focus of the paper. Walicki played a very important role in the elaboration of the scientific ties between Russia and Poland in the beginning of 21st century and actively cooperated with the Commission of Russian and Polish historians.

Keywords: History of the Russian public thought, philosophy, the Russian-Polish scientific relationships, the history of science, slavophilia, liberalism in Russia.

For citation: *Nosov B.V.* The history of Russian XIX–XX century public thought in the scientific legacy of Andrzej Walicki // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences* = *Slavyanovedenie*. 2021. No. 3. Pp. 121–132. DOI: 10.31857/S0869544X0014967-6.

История общественной мысли как предмет научного исследования имеет весьма существенную специфику по сравнению со всеми иными направлениями изучения исторического прошлого. С одной стороны, любые темы или проблемы, на которые направлено внимание историка-исследователя, изучаются им через призму мировоззрения современников исследуемых событий или процессов, анализируются с учетом идеологических и политических тенденций, нашедших отражение в историографии. Наконец сам исследователь, даже руководствуясь императивом максимальной объективности, не может быть свободен от воздействия феноменов общественного сознания социума, представителем которого он является. С другой стороны — и исторический процесс как таковой, и индивид как участник и интерпретатор исторических событий находят отражение в неиссякающем потоке общественной мысли. Вместе с тем общественная мысль, представляя собой квинтэссенцию общественного сознания, не сводится к нему в полной мере, как не может быть она сведена к такому универсальному явлению как культура человеческого общества, хотя последняя едва ли может быть осмыслена вне категорий истории общественной мысли.

Однако представленной универсальности последней, казалось бы, противоречит наличие конкретных исторических рамок, определивших и обусловивших ее формирование и развитие. Действительно, если исходить из тезиса, что общественная мысль имманентно присуща человеческому бытию, то к ее сфере должны были относиться мифологические и религиозные представления Древнего мира и Средневековья, а также разного рода современные мировоззренческие концепции, не говоря уж о современной научной философии. Однако традиционно историческое изучение общественной мысли охватывает период от Эпохи Возрождения и Нового времени, когда она выделилась из сферы сугубо религиозного сознания и мировоззрения, и до первых десятилетий XX в., когда общественная мысль как некий идейный и мировоззренческий комплекс дифференцировался и распался на неисчислимое множество разного рода воззрений, концепций и теорий, которые утратили общие черты и какие-либо заметные следы даже гипотетического общего содержания. Таким образом, если говорить об историческом исследовании общественной мысли, то предмет исследования хронологически охватывает эпоху Нового времени, с которой и соотносится.

В отечественной историографии сложилась традиция исследования русской общественной мысли либо применительно к отдельным периодам русской истории, либо к изучению общественной мысли отдельных политических и идейных направлений: практически нет исследователей и трудов, которые могли бы претендовать на ее исследование в целом. В этой связи трудам выдающегося современного польского философа и историка, действительного члена Польской академии наук Анджея Валицкого (1930–2020) по истории русской общественной мысли (от эпохи ее зарождения и формирования в XVIII в. и до первых десятилетий века XX) принадлежит в мировой исторической науке особое место.

Родился Валицкий 5 мая 1930 г. в Варшаве. Семья его принадлежала к кругу польской интеллигенции, тесно связанной с Россией. Его дед – врач, практиковал в Петербурге, там же родился и его отец, проживший в российской столице до 15 лет. После восстановления независимости Польши семья Валицкого вернулась на родину. В детстве на юного Анджея большое влияние оказал друг его родителей С.И. Гессен (русский политический эмигрант, правовед и философ), много поспособствовавший формированию у молодого Валицкого глубокого интереса к русской культуре и к истории России. О значении этого влияния свидетельствует хотя бы то, что до последних дней жизни Валицкий отзывался о Гессене как о своем учителе в самом высоком смысле этого понятия.

В годы гитлеровской оккупации Польши отец Валицкого участвовал в движении Сопротивления, будучи среди сторонников польского лондонского правительства. Принадлежность к правым силам послужила поводом в Польской народной республике (ПНР) для репрессий в его отношении во второй половине 1940-х годов. Неблагонадежность семьи в глазах тогдашних польских властей стала серьезным препятствием в выборе Анджеем жизненного пути. Окончив в 1949 г. гимназию, он хотел посвятить себя философии и поступить на философский факультет Лодзинского университета. В том году власти ПНР провели университетскую реформу, поставив высшее образование Польши под неусыпный политический и идеологический контроль правящей компартии (ПОРП). Опасаясь негласного запрета на обучение по избранной «идеологической» специальности, Валицкий поступил на специальность русская филология Лодзинского университета. Это решение имело и свои основания, и свои положительные последствия. Во-первых, лодзинская школа русистики была одной из сильнейших в тогдашней ПНР. Во-вторых, в Лодзинском университете после войны и до своей кончины в 1950 г. преподавал С.И. Гессен. Наконец, учителем и наставником Валицкого в Лодзи стал выдающийся польский философ, в последствии, в 1957–1962 гг., президент ПАН – Тадеуш Котарбиньский. Таким образом, Валицкий обрел возможность, наряду с филологическим образованием, получить и философское. Надо сказать, что в то время такой путь был до известной степени характерен для некоторых ученых стран социалистического лагеря, для которых философские факультеты университетов были закрыты по признаку социального происхождения или же по идеологическим или политическим основаниям. Можно назвать ряд выдающихся ученых, которые нередко обращались к значительным и глубоким исследованиям философского содержания, став уже признанными специалистами в области филологии или истории. Так произошло и с Анджеем Валицким, завершившим высшее образование уже в Варшавском университете, который он окончил в 1953 г.

Важную роль в становлении Валицкого как ученого и мыслителя сыграли события польской «оттепели» середины 1950-х годов и политический кризис 1956 г. в ПНР. В этот период польское общество получило мощный импульс общественно-политического и интеллектуального освобождения. Процесс «десталинизации», охвативший тогда в той или иной мере все страны Восточной Европы, нашел наиболее яркое проявление именно в народной Польше. Провозглашенное Владиславом Гомулкой достижение суверенитета ПНР, в сочетании с программой «польского пути к социализму» сопровождалось значительным расширением идейных и творческих свобод, допускавшим даже некоторое переосмысление в новых условиях марксистско-ленинской теории.

Атмосфера свободомыслия в полной мере захватила и Анджея Валицкого. Он активно участвовал в общественной жизни, в дискуссиях, проходивших в клубах интеллигенции, представляя течение польской общественной мысли, наиболее ярким представителем которого был Лешек Колаковский. Несколько десятилетий спустя, Валицкий говорил, что в тот период чувствовал себя вполне свободным как в формировании собственных убеждений, так и в выражении их и в науке, и в общественной деятельности. Эти идеи нашли отражение в его первой книге «Личность и история» («Исследования по истории русской литературы и общественной мысли») (1959) [1], в которой определился подход исследователя к предмету научного поиска, чему Валицкий остался верен на протяжении всего своего пути в науке.

Он сосредоточил внимание на истории русской общественной мысли, отделяя ее, с одной стороны, от догматического религиозного сознания, когда в центр рационального анализа ставится божий промысел, с другой — от научной философии в строгом смысле предмета философии как науки. Последнее имело существенное значение, так как в российской традиции и в историографии философские искания и размышления тех или иных представителей общественной мысли часто представлялись как свидетельство наличия специфической «русской философии», что считается в известной мере приемлемым по традиции, но едва ли в полной мере соответствует строгим научным критериям.

Возвращаясь же к упомянутой монографии Валицкого, следует подчеркнуть, что ее содержание было определено, несомненно, философской проблемой, вынесенной в заглавие: «Личность и история». Однако «роль личности в истории», будучи для научной философии, хотя и существенной, но относительно частной проблемой, сыграла, напротив, для общественной мысли центральную роль и имела универсальное значение. В первой книге А. Валицкий в диалектике взаимодействия личности и общества отдал известное предпочтение творческому волюнтаризму перед социальным детерминизмом. Критика последнего красной нитью прошла в дальнейшем через все его философские сочинения.

В 1958–1960 гг. Валицкий работал на факультете социологии Варшавского университета, а с 1960 г. — в Институте философии и социологии ПАН. Этот год во многом стал поворотным в судьбе и научной биографии Валицкого — он получил стипендию Фонда Форда для научной работы в Англии и в США. С этого времени, оставаясь научным сотрудником Польской академии наук, Валицкий много работал за пределами Польши в университетах Англии, США и ряда других стран. В Англии он сблизился с оксфордским профессором Исаей Берлиным. В известной мере под влиянием его школы был написан первый фундаментальный труд Валицкого «В кругу консервативной утопии. Структура и эволюция русского славянофильства», изданный в Варшаве в 1964 г. (второе издание 2002 г.) [2]. При поддержке Берлина эта книга была издана на английском языке в Англии, что существенно способствовало известности ее польского автора в международном научном сообществе.

Рецензенты и исследователи научного творчества Валицкого отметили, что в ней представлены не только русское славянофильство, но и его многочисленные предшественники и продолжатели, а также с западных позиций сопоставлены славянофильская мысль с немецкой философией, русским левым постгегельянством и ранними философскими обобщениями русской истории. Валицкий в этой книге утверждал, что славянофилы — глашатаи тезиса о будто бы радикальной самобытности России — в сущности принадлежали

к общеевропейскому идейному движению, а их концепции имеют точные соответствия в немецком консервативном романтизме или даже прямо восходят к нему. Вместе с тем Валицкий, по словам рецензентов, указал на глубокую социологическую интуицию славянофильских мыслителей, якобы позволившую им предвосхитить ряд существенных положений исторической социологии Ф. Тённиса и М. Вебера. Оценивая этот труд Валицкого, исследователи его творчества справедливо констатировали, что спустя более полувека, прошедшего с первой публикации, исследование сохраняет научную ценность [3–4].

Приведенные оценки труда Валицкого, безусловно, справедливы, как и то, что работа над ним оказала определяющее влияние на все дальнейшее научное творчество ученого, на методологию, положенную в основу его последующих трудов. Исследование русского славянофильства Валицкого воздействовало на всех без исключения специалистов по истории России XIX – начала XX в., в том числе и в самой России.

Вместе с тем история русского славянофильства Валицкого может быть подвергнута и обоснованной критике. Во-первых, выявленные автором совпадения славянофильских воззрений с упомянутыми течениями общественной мысли в Западной Европе отнюдь не были только проявлением идейных заимствований и прямых соответствий в рамках некоего общего мировоззренческого и идеологического направления. Отмеченные аналогии имели объективную основу, в полной мере проявившуюся в XIX ст., когда народы стали решающей силой развития истории, а «народность» – важнейшей философской и общественной проблемой, определившей идейные искания многих выдающихся представителей общественных движений различной, иногда противоположной, направленности.

Во-вторых, под понятием славянофильства Валицкий объединил все общественные движения и течения общественной мысли, выступавшие с позиций некой славянской общности. В итоге в его трактовке в одной упряжке оказались и русский социализм Герцена, и официозный панславизм в духе Уварова и Каткова. В-третьих, рассматривая идейную эволюцию славянофильства, Валицкий сознательно абстрагировался от социально-политических условий этой эволюции, что привело автора на позиции антиисторизма в оценке ряда существенных явлений. Также отнюдь не бесспорными представляются благожелательно отмеченные рецензентами аналогии между суждениями эпигонов славянофильства конца XIX – начала XX в. и исторической социологией М. Вебера. Нетрудно заметить, что отмеченные совпадения объясняются не некой прозорливостью постславянофилов или мыслителей народнического толка, а их общим субъективно-идеалистическим подходом к описанию исторического процесса.

Исследования в области истории русской общественной мысли были продолжены Валицким и во второй половине 1960-х годов. В это время он читал курс лекций по истории русского народничества в семинаре И. Берлина в Оксфорде. Своего рода обобщением этого курса стала опубликованная на английском языке монография «Спор о капитализме. Исследования социальной философии русского народничества» (1969) [5]. Чтение упомянутого курса, как и появление этого труда, совпало со значительным подъемом в СССР исследовательского интереса к проблемам истории революционно-демократического этапа русского освободительного движения и стало своего рода откликом на развитие исторической науки в нашей стране. Однако, если для советских

историков тогда центральным вопросом исследований было формирование революционного направления народничества, а дискуссии народников о капитализме оставались на втором плане, то именно эту проблему Валицкий поставил в центр своей монографии, разрешив ее в целом в либеральном духе наподобие концепций легального марксизма П.Б. Струве.

Труд о славянофилах и монография о народничестве по сути послужили для А. Валицкого стержнем его концепции истории русской общественной мысли XIX – начала XX в. В широком смысле славянофильские воззрения и народнические теории в России развивались в борьбе и во взаимодействии с самыми различными по социально-политической природе и философскому содержанию направлениями общественной мысли. Поэтому логичными были следующие шаги ученого: сформировать широкую картину русской общественной мысли XIX – начала XX в. и сформулировать концепцию ее развития. Эту задачу А. Валицкий решил для себя в книге «Русская философия и общественная мысль. От Просвещения – до марксизма» (Варшава, 1973) [6–7]. Исследуя историю развития русской общественной мысли, А. Валицкий убедительно обосновал тезис о единстве развития в широком плане русской философии с общеевропейской (всемирной). Его выводы применительно к общественному сознанию вполне можно рассматривать как отрицание некоего специфического национального или цивилизационно замкнутого сознания. Вместе с тем к вопросам соотношения национального и интернационального сознания Валицкий подошел диалектически, указывая на известное его преломление через призму национальных культурных традиций. Это касается, например, оценки особенностей трактовки марксизма в западноевропейской и российской традиции и политической практике, в частности, по его мнению, с точки зрения российских марксистов конца XIX – начала XX в., марксизм утилитарно рассматривался как инструмент революционной практики. В 2005 г. в Кракове вышло в свет существенно дополненное и расширенное издание этой книги под заглавием «Очерк русской мысли. От Просвещения до религиозно-философского ренессанса» [8]. В этом издании критике русского марксизма было уделено гораздо больше внимания и одновременно прослежены тенденции развития русского философского мистицизма, в котором Валицкий усматривал, с одной стороны, консервативную реакцию на распространение революционных и социалистических идей, а с другой – стремление его адептов сформировать философскую и эстетическую картину миру, противостоящую материалистическому мировоззрению и вместе с тем нравственной деградации буржуазного общества. При этом Валицкий показал, что, в отличие от традиционного клерикализма, русские мистики развивали свои концепции вполне в русле западноевропейской философии от неокантианства – до экзистенциализма.

В начале 1970-х годов А. Валицкий получил широкое международное признание как специалист по истории России XIX в. и как философ и историк философии. Начиная с 1960-х годов он работал большей частью за границей, на Западе. В 1970-е годы он бывал и в Советском Союзе. Тогда заходила даже речь о переводе его работ на русский язык. Однако руководство Академии общественных наук при ЦК КПСС, высоко оценивая их научный и профессиональный уровень в области истории России, все же усомнилось в их методологической безупречности, усмотрев во взглядах польского ученого влияние неокантианства. Догматический подход советских партийных философов был известен, однако в данном случае их суждение не было, как представляется, лишено оснований. В итоге, переводы ряда трудов Валицкого на русский язык

появились только на исходе XX и в начале XXI в., уже после падения ПНР, в период заката и распада СССР.

В 1960–1970-е годы ученый, казалось бы, уделял не много внимания Польше, хотя и публиковал на родине свои важнейшие труды. Однако развитие общественно-политической ситуации в стране и политические кризисы в ПНР 1968 и 1970 г. не прошли для него бесследно. Своего рода ответом на события в Польше рубежа 1960–1970-х годов стала монография Валицкого «Философия и мессианиззм. Исследования по истории философии и общественной и религиозной мысли польского романтизма» (Варшава, 1970) [9]. Книгу Валицкий посвятил периоду 1820–1850-х годов – времени становления национальной школы научной философии в Польше. Это была эпоха формирования и подъема польского освободительного движения и польского национального самосознания, которую Валицкий рассматривал в контексте общеевропейского развития общественно-го сознания и общественной мысли. Как и в исследованиях по истории русской общественной мысли, говоря об эпохе польского романтизма, Валицкий рассмотрел ее диалектически: с одной стороны, как выражение общеевропейского исторического процесса стремления народов к освобождению, а с другой – как проявление особой исторической судьбы Польши, ставшей жертвой этого движения к свободе. Тема искупительной жертвы, согласно Валицкому, занимает особое место в польском историческом сознании и в мировоззрении польских интеллектуалов-романтиков. В этом контексте Валицкий обратился также к анализу значения для польского сознания христианства и течений философской этики, развиваемых в русле католицизма.

Связь этой работы с событиями в ПНР 1968–1870 гг. едва ли может быть представлена буквально, хотя нельзя не обратить внимание на символичное совпадение: кризис 1968 г. берет начало со студенческих волнений, вызванных запретом властей театральной постановки по поэме Адама Мицкевича «Дзяды», ставшей, как и сам великий польский поэт, знаменем польского романтизма и символом польского мессианства. Это совпадение, видимо, отнюдь не случайно, однако оно не имело бы столь существенного значения, если бы не отразило достаточно глубокой перемены в польском общественном сознании, начало которой относится к рубежу 1960–1970-х годов. И ранее силы, враждебные власти, представленные отдельными подпольными группами, существовали и воспроизводились в стране со времени провозглашения ПНР, однако вплоть до конца 1960-х годов они были немногочисленны и не обладали существенным влиянием в обществе. В то же время основные оппозиционные силы, по отношению к правящей ПОРП и к властям ПНР, пользовавшиеся массовой поддержкой, выступали, начиная с середины 1950-х годов, под лозунгами совершенствования народной власти и реформирования социализма. Даже Католическая церковь Польши, идеологически стоявшая на позициях антикоммунизма, проводила в этих условиях политику лояльности к власти. Однако, начиная с кризиса 1968 г., положение изменилось. Интеллектуалы из польского оппозиционного лагеря постепенно перешли от идеологии социалистического ревизионизма и реформизма к идеологии антикоммунизма, что политически и организационно завершилось с образованием осенью 1976 г. Комитета защиты рабочих (польская аббревиатура – КОР). Этот переход осуществлялся в форме утверждения идеологии прав человека и свободы личности, христианских ценностей, освобождения от коммунистических догм. Все это находило прямые соответствия в мировоззрении польских романтиков и в идеологии

польского освободительного движения 1820 — начала 1860-х годов. Именно эта идейная связь XIX и XX ст. нашла отражение в книге Валицкого.

В 1980–1981 гг. ПНР вступила в новый этап острого социального и политического кризиса. Ответом властей на забастовочное движение рабочих и антиправительственные выступления стало введение в стране военного положения. Это решение польского руководства во главе с В. Ярузельским было принято под давлением со стороны СССР. Большинство польской интеллигенции примкнуло к антикоммунистическому лагерю. Новый политический режим наложил значительные ограничения на все формы общественной и интеллектуальной деятельности, хотя и избежал применения массовых репрессий. Валицкий позже писал, что «считал эти события агонией социализма в Польше».

В этих условиях он вынужден был оставить работу в Польской академии наук и разделить судьбу политических эмигрантов, обосновавшись в Австралии и активно работая в университетах Европы и Америки. Правда, труды его продолжали издаваться на родине. В 1983 г. в Варшаве из печати вышла книга Валицкого «Польша, Россия, марксизм. Исследования по истории марксизма и его интерпретации» [10], в которой была проанализирована рецепция марксистского учения на востоке Европы, начиная с 1870-х годов, когда марксизм начал распространяться в России и в Польше и появились первые марксистские группы. В основу этой книги были положены несколько опубликованных ранее статей Валицкого. Центральное место в ней заняла проблема восприятия марксизма как социальной теории и стратегии революционного движения в России и в Польше. Проблема исследуется, как это свойственно Валицкому, на фоне широкой картины русской и польской общественной мысли. Говоря о русском и польском восприятии марксизма, ученый противопоставил не только русскую и польскую интерпретацию учения Маркса и Энгельса, а также две формы политического сознания. По его мнению, в русском марксизме преобладала концепция исторического детерминизма, а в польском — освобождения личности, и в этом противопоставлении нашли отражение «два мира»: мир польского и мир русского мировоззрения.

Цикл фундаментальных исследований А. Валицкого по истории русской общественной мысли и российской истории XIX — начала XX в. завершила опубликованная в 1987 г. в Англии и изданная в 1996 г. в Польше, уже после падения ПНР и учреждения новой Речи Посполитой и возвращения Валицкого на родину из эмиграции, монография «Философия права российского либерализма» [11–13]. В проблемном и композиционном плане это, наверное, наиболее сложный для автора и трудный для восприятия читателем труд ученого, что видно даже из содержания почти 500-страничного тома. Если в предыдущих трудах Валицкий исследовал основные течения русской общественной мысли идеалистического и материалистического направлений от русского религиозного мистицизма до русского марксизма, то философия права и проблемы правосознания в русском обществе и в русской культуре оставались в его исследованиях, так сказать, на полях. Теперь Валицкий поставил указанные проблемы в центр своей фундаментальной работы. И на этот раз, как и в прежних трудах, ученый выступил как новатор. В середине 1980-х годов, когда писалась книга Валицкого, ни в мировой науке, ни в советской науке не было трудов, посвященных русскому либерализму как философскому феномену, феномену мировоззрения и в целом как социально-политическому явлению. Валицкий в этом смысле положил начало весьма плодотворному научному направлению,

значение которого в науке еще предстоит оценить. Ученый рассмотрел преломление основных западных философско-правовых теорий в России, сумел раскрыть особенности диалектики права и правосознания в восприятии, прежде всего, русской интеллигенции.

Однако будучи первопроходцем, Валицкий не избежал трудно преодолимых препятствий и противоречий. Ему, очевидно, не удалось выстроить представленный в монографии материал в соответствии с определенной логической схемой, поэтому монография представляет собой цикл очерков, в центре которых отдельные личности от Достоевского и Толстого до Плеханова и Ленина, отдельные политические партии, например кадеты, отдельные философские и этические проблемы и так далее. Противоречивость внутренней логики изложения автор компенсирует специальными вступлениями и краткими биографическими очерками ряда представителей русской общественной мысли.

Причины внутренней противоречивости и некоторой композиционной рыхлости монографии видятся уже в том, что Валицкий так и не дал сформулированного определения русского либерализма. По мысли автора, как это следует из материалов монографии, либерализм — это некое течение политической мысли, выступающее с позиций конституционного политического устройства, социального реформизма, правового государства и гуманистических общественных идеалов. Отсутствует в монографии и определенная периодизация в истории исследуемых явлений — как философии русского права, так и русского либерализма, что затрудняет сопоставление движений общественной мысли. Идейные корни описываемых явлений русской общественной мысли Валицкий видел во временах Петра I, в сочинениях русских мыслителей эпохи Просвещения, начиная с интерпретации идей просветителей в сочинениях Екатерины II и заканчивая А.Н. Радищевым. В его изложении либеральная философия права в России продолжила свою историю в XIX в., в эпоху буржуазных реформ 1860–1870-х годов и до падения самодержавия. Наконец, особо следует указать на VII, заключительный, раздел монографии, относящийся уже к периоду после революции 1917 г. в России. Он озаглавлен «Сергей Гессен: послереволюционный синтез». Монографию в целом Валицкий посвятил Сергею Иосифовичу Гессену, подчеркнув в предисловии, что эта книга никогда не была бы написана без его первого учителя.

Заинтересованный читатель напрасно будет искать в этой работе Валицкого глубокие характеристики важнейших течений русской юридической мысли XIX – начала XX в.: государственной и историко-юридической школ, школы правового позитивизма и рецепций «живого права» в России и их философского обоснования. Польский ученый трактовал философские проблемы права и правосознания исключительно в неокантианском духе, исходя из антиномии государства и личности. Противоречие это, согласно Валицкому, снимается посредством права. С этих позиций автор развернул критику социализма как теории и концепции общественного развития. Этим объясняется особое место, отведенное в работе VII разделу. Валицкий подчеркнул это в предисловии, указывая на «возможность перерастания русского либерализма в либеральный социализм». И далее — эта возможность «давала в свою очередь дополнительное доказательство тесной исторической связи русского либерализма и социализма [...]». Оригинальность концепции правового социализма, разработанной Кисляковским и Гессеном, состоит в рассмотрении либерального социализма не просто как расширения демократического принципа народного

суверенитета [...], как более высокой стадии либеральной идеи верховенства закона, то есть как дальнейшего развития прав человека» [13. С. 15]. Именно на этом теоретическом основании, согласно Валицкому, снимается противоречие между социализмом и капитализмом, ставшее фундаментальной дилеммой русской общественной мысли XIX–XX вв., находя разрешение в концепции правового и социального государства.

В 1990-е и в начале 2000-х годов, после возвращения из эмиграции на родину А. Валицкий опубликовал ряд сочинений философско-публицистического характера. В 1995–1996 гг. в Англии и в Польше вышла книга «Марксизм и прыжок в царство свободы. История коммунистической утопии» [14]. В ней ученый в духе классического антикоммунизма противопоставил коммунизм как реальную тоталитарную общественную систему теоретическим представлениям, сформировавшимся в марксистской теории. В этой работе обращает на себя внимание методологическая связь трактовки антикоммунизма у Валицкого с критикой советского общественного строя в работах А.А. Зиновьева.

Научное творчество Анджея Валицкого и его труды получили высокую оценку на родине ученого — в Польше. В 1998 г. он был избран действительным членом Польской академии наук, удостоен почетного звания доктора своей alma mater — Лодзинского университета. Труды Валицкого и его научные достижения получили широкое международное признание.

Важно особо остановиться на отношении Анджея Валицкого к России и в особенности к современной России. Разумеется, как международно признанный авторитет в области истории русской философии и русской общественной мысли Валицкий никак не может считаться в этом отношении типичным явлением для зарубежного общества на Западе, да, пожалуй, и в Польше. Однако его позиция, безусловно, значима для общественного мнения и у себя на родине, и в России. Упомянутая работа Валицкого о русском либерализме открывалась словами, что «Россия редко ассоциируется с такими понятиями как либерализм и право», однако эти идеи «могут быть соотнесены с проблемами современной России» [13. С. 11]. Уже в приведенном утверждении Валицкого заключается мысль о естественной для русского сознания и для развития современной России тенденции к утверждению и воплощению в жизнь идеи правового и социального государства как универсальных ценностей человеческого общества. Отвергая по идеологическим и моральным основаниям практику коммунизма и советский образ жизни, которые Валицкий называл «советскостью», он позитивно относился к истории и культуре России в целом, включая и советский период. Он высоко ценил установившиеся дружеские отношения с коллегами и друзьями в СССР и в новой России, позитивно оценивал достижения философской науки в СССР, имея в виду труды ее лучших представителей [15–17]. Как польский ученый и мыслитель Валицкий не мог, разумеется, обойти стороной, роковой в отношениях России и Польши так называемый польский вопрос. Специально этому комплексу проблем была посвящена изданная в 2002 г. книга «Россия, католицизм и польский вопрос» [18], спустя десятилетие опубликованная издательством Московского университета в переводе на русский язык [19]. В книге прослежена многовековая история общественных и культурных связей России и Польши через призму мнимого антагонизма католицизма и православия, что всегда служило обоснованием абсолютизированной непримиримости России и Польши. Валицкий же, напротив, усмотрел в отмеченных противоречиях истории

польско-российских отношений диалектическую общность исторических судеб двух народов, взаимное притяжение польского и русского сознания, подчеркивая это взаимодействие, казалось бы, парадоксальным тезисом о возможном соединении католической и православной Церкви.

России посвящена и последняя книга А. Валицкого, вышедшая из печати в конце 2019 г., незадолго до смерти автора, на презентации которой в Варшаве он из-за болезни не смог присутствовать. В ней представлены ряд научных статей и публицистические выступления Валицкого, объединенные общей темой, обозначенной полемически заостренным заглавием «О России – по-иному» [20]. Определяя замысел своей работы, Валицкий отметил, что стремился охарактеризовать современную польскую восточную политику не только как «глубоко ошибочную, но и обратить внимание на ее источники». К последним он отнес идеологическое представление о Польше как о некоем форпосте борьбы Запада с Россией, что в этой борьбе якобы реализуется экзистенциальное противостояние цивилизаций – просвещенного Запада и варварского Востока. Анализируя происхождение этой идеологемы, Валицкий показал что в действительности Польша в историческом развитии была в равной мере обращена как на восток, так и на запад, что эта культурная функция была не в меньшей степени присуща и России, что существовавшие исторически и ныне существующие противоречия между двумя странами не содержат в себе экзистенциального антагонизма, что в истории XIX в. и XX в. это осознавали многие представители как польской, так и русской общественной мысли.

В заключение хотелось бы особо остановиться на сотрудничестве А. Валицкого с Комиссией историков России и Польши, в связи с чем автору настоящей статьи представилась счастливая возможность познакомиться с ним лично, узнать его как человека, воплотившего в себе философскую и житейскую мудрость, человека простого и открытого в общении, искренне заинтересованного в предмете беседы и в собеседнике, не взирая на все различия в степенях и званиях, в уровне эрудиции и на иные привходящие обстоятельства. В октябре 2011 г. А. Валицкий принял активное участие в Днях российской науки в Польше, когда в Варшаве и Кракове Польская академия наук принимала делегацию Российской академии наук во главе с вице-президентом РАН Н.А. Платэ. В рамках Дней было проведено более десяти разного рода научных российско-польских мероприятий: конференций, семинаров, школ молодых ученых, выставок по естественным и гуманитарным наукам. Состоялась и Международная научная конференция Комиссии историков «Академии наук, университеты, научные организации: польско-российские отношения в области науки XVIII–XX вв.» [21]. В дискуссиях на той конференции А. Валицкий выступал неоднократно. На конференции Комиссии 2018 г. «Год 1918 – конец старой и рождение новой Европы. Возрожденное Польское государство и Советская Россия», посвященной столетию Российской революции, окончания Первой мировой войны и восстановления независимого Польского государства, он совместно с женой Иоанной Шиллер-Валицкой выступил с докладом «Народ, государство, территория. Роман Дмовский среди российских кадетов», в котором, в частности, обратился к трактовке ценностей государственности и содержания русско-польского союза в мировоззренческих и политических концепциях российских либералов и польских национальных демократов начала XX в. [22].

Анджей Валицкий был широко известен в России как выдающийся философ и историк, как специалист по истории русской общественной мысли и русской литературе XIX–XX вв. Его труды получили заслуженную высокую оценку в нашей стране, что только подтверждается их многочисленными переводами на русский язык. Они, говоря без преувеличения, существенно повлияли на современных российских историков и ученых-гуманитариев, послужив стимулом в формировании их мировоззрения и в определении методологических принципов их научных исследований. Для научной общественности России Анджей Валицкий неизменно является образцом честности и принципиальности как в научных исследованиях, так и в общественной деятельности, направленной на защиту гуманистических и демократических ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Walicki A. Osobowość a historia (Studia z dziejów literatury i myśli rosyjskiej).* Warszawa, 1959.
2. *Walicki A. W kręgu konserwatywnej utopii. Struktura i przemiany rosyjskiego słowianofilstwa.* Warszawa, 1964. (Второе издание — Warszawa, 2002)
3. Славянофильство и западничество. Консервативная и либеральная утопия в работах Анджее Валицкого. М., 1991.
4. *Маслин М.А. Анджей Валицкий. Интеллектуальный портрет польского историка русской философии // Гуманитарные науки. 2012. № 4.*
5. *Walicki A. The Controversy over Capitalism. Studies in the Social Philosophy of the Russian Populists.* Oxford, 1969.
6. *Walicki A. Rosyjska filozofia i myśl społeczna. Od Oświecenia do marksizmu,* Warszawa, 1973;
7. *Walicki A. A history of Russian thought from enlightenment to marxism.* Oxford, 1979.
8. *Walicki A. Zarys myśli rosyjskiej. Od Oświecenia do renesansu religijno-filozoficznego.* Kraków, 2005.
9. *Walicki A. Filozofia a mesjanizm. Studia z dziejów filozofii i myśli społeczno-religijnej romantyzmu polskiego,* Warszawa, 1970.
10. *Walicki A. Polska, Rosja, marksizm. Studia z dziejów marksizmu i jego recepcji.* Warszawa, 1983.
11. *Walicki A. Legal philosophies of russian liberalism.* Oxford, 1987.
12. *Walicki A. Filozofia prawa rosyjskiego liberalizmu.* Warszawa, 1995.
13. *Валицкий А. Философия права русского либерализма.* М., 2012.
14. *Walicki A. Marksizm i skok do królestwa wolności. Dzieje komunistycznej utopii.* Warszawa, 1996.
15. *Валицкий А. Россия. // Вопросы философии. 1990. № 12.*
16. *Walicki A. Idee i ludzie. Próba autobiografii.* Warszawa, 2010.
17. *Пуцаев Ю.В. Философия советского времени. Мамардашвили и Ильенков (Энергия отталкивания и притяжения).* М., 2018.
18. *Walicki A. Rosja, katolicyzm i sprawa polska.* Warszawa, 2002.
19. *Валицкий А. Россия, католичество и польский вопрос.* М., 2012.
20. *Walicki A. O Rosji inaczej.* Warszawa, 2019.
21. *Akademie nauk, uniwersytety, organizacje nauki: polsko-rosyjskie relacje w sferze nauki XVIII–XX w. / Red. Leszek Zasztowt.* Warszawa, 2013.
22. *Rok 1918. Odrodzona Polska i Sowiecka Rosja w Nowej Europie / Год 1918 Возрожденная Польша и Советская Россия в Новой Европе / Red. Leszek Zasztowt i Jan Szumski.* Warszawa, 2013. Т. 1–2.

Славяноведение, 2021, № 3, с. 133–142

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 3, pp. 133–142

DOI: 10.31857/S0869544X0014968-7

Оригинальная статья /
Original Article

Творческий путь историка. Памяти Валентины Сергеевны Парсадановой

© 2021 г. А.Ф. Носкова

Институт славяноведения РАН

noskova.albina@rambler.ru

Аннотация. В сообщении идет речь о творческом пути советского/российского историка В.С. Парсадановой, ее научном вкладе в изучение истории Польши в XX в., обнаружении ею и предании гласности подлинных архивных документов и материалов, свидетельствующих о расстреле польских военнопленных весной 1940 г. («дело Катыни») по решению высших советских властей; а также о последнем научном исследовании, посвященном истории политически сложного польского движения Сопротивления и возникновения послевоенной Народной Польши.

Ключевые слова: историк-полонист, Вторая мировая война, Народная Польша, история, документы, Комиссия, «белые пятна», Катынь, депортации, движение Сопротивления.

Ссылка для цитирования: Носкова А.Ф. Творческий путь историка. Памяти Валентины Сергеевны Парсадановой // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 133–142. DOI: 10.31857/S0869544X0014968-7.

The work of a historian. In memoriam of V. S. Parsadanova

© 2021 A.F. Noskova

noskova.albina@rambler.ru

Abstract. The report outlines the work of a Soviet/Russian historian V. S. Parsadanova, her scientific contribution to the studies of Poland in the 20th century and the discovery of the original archival documents on the Katyn massacre. The report also reveals the information of the Parsadanova's latest research that was focused on the history of the politically complex Polish Resistance movement and the emergence of the postwar Polish People's Republic.

Keywords: historian-polonist, the Second world war, the Polish People's Republic, history, documents, Commission, «blank spots», Katyn, deportations, the Polish Resistance.

For citation: Noskova A.F. The work of a historian. In memoriam of V. S. Parsadanova // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences* = *Slavyanovedenie*. 2021. No. 3. Pp. 133–142. DOI: 10.31857/S0869544X0014968-7.

28 августа 2020 г. на 93-м году ушла из жизни известный советский/российский историк-славист, ведущий научный сотрудник Института славяноведения РАН Валентина Сергеевна Парсаданова. Будучи полонистом по специальности, она являлась признанным в стране авторитетом в изучении истории Польской Народной Республики, пользовалась уважением товарищей по работе в Институте и польских коллег по научным интересам. Доктор исторических наук В.С. Парсаданова — автор более 200 научных трудов, в том числе четырех индивидуальных и ряда коллективных монографий. Тем не менее в расцвете научных сил и далеко не по своей воле она была принуждена прекратить работу в Институте славяноведения РАН, с которым без малого на 40 лет связала свою жизнь.

Валентина Сергеевна родилась 7 января 1928 г. в г. Ленинграде в семье инженера-капитана 1 ранга и учительницы русского языка. В годы Великой Отечественной войны семья находилась в эвакуации, после войны возвратилась в Москву, где Валентина Сергеевна в 1946 г. поступила на исторический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова. Она училась у известного историка профессора И.М. Белявской, которая была научной наставницей многих студентов и аспирантов-полонистов трех поколений. С отличием защитив дипломную работу, В.С. Парсаданова осенью 1951 г. была принята в аспирантуру Института славяноведения АН СССР по специальности «Новейшая история Польши». Успешно защитив в марте 1955 г. диссертацию на тему «Борьба трудящихся масс Польши за установление народно-демократического строя. 1944–1945 гг.», она была зачислена в штат Института.

Самостоятельная научная работа Парсадановой началась во второй половине 1950-х годов. Она участвовала в крупных научных проектах — написании фундаментальной коллективной монографии «История Польши» (М., 1954–1958), дополненной томом «Очерки истории Народной Польши» (М., 1964); шеститомной «Истории Великой Отечественной войны» (М., 1965. Т. 6) и десяти томной «Всемирной истории» (М., 1965. Т. 10). Особую роль в процессе профессионального становления Валентины Сергеевны сыграло ее участие в работе коллектива советских и польских историков над многотомной публикацией «Документы и материалы по истории советско-польских отношений». Издание исторических источников из советских и польских архивов хронологически охватывало события, происходившие в России/СССР и Польше/ПНР с февраля 1917 г. по декабрь 1965 г. Документальное содержание этого проекта соответствовало своему времени, в том числе и идейному «духу» рождения и развития советского и польского государств. В нем были отражены правившие тогда советские и польские политические силы, эволюция их представлений о целях внутренней и внешней политики, процесс появления польских левых партий, их борьба за обладание властью и преобразования в Польше, рождение советско-польского военно-политического союза. Пропагандируя преимущества политики новой в каждой из стран власти, «разоблачая» антисоветский во многом курс польской власти довоенного и военного времени, противопоставляя ему действия польских левых сил и затем народной власти в Польше, опуская просчеты и грубые ошибки СССР и Польши, участники проекта вместе с тем открывали документы, отражавшие государственные интересы двух стран, существенную специфику их внутривнутриполитической практики, конкретные действия на польском и советском направлениях внешней политики. В силу этого многотомное издание «Документы и материалы по истории советско-польских отношений», несмотря на идеолого-политическую

заданность и отсутствие документов, свидетельствовавших о ряде «чувствительных», а то и неприглядных и даже преступных деяний власти, не утратило своей ценности до настоящего времени.

Вклад В.С. Парсадановой в данную публикацию значителен. Она была редактором советских выпусков VII (1939–1943) и VIII (1944–1945) томов, документы которых восстанавливали в максимально возможной тогда мере событийный ряд и обрисовывали крайне сложные отношения СССР и Польши во время Второй мировой войны. Работа над документальной публикацией принесла В.С. Парсадановой владение обширными знаниями, включая и те события прошлого, что остались «за кадром» проекта. Несомненно, она сформировала профессиональный «вкус» к архивному материалу, убеждение в научной ценности поиска и публикации новых источников, определила магистральный интерес историка и особый, на десятилетия вперед, исследовательский «почерк».

В 1970–1980-е годы Валентина Сергеевна являлась неперенным участником авторских коллективов, которые готовили труды Института, обобщавшие историю развития стран Центральной и Юго-Восточной Европы во время и после Второй мировой войны. В фокусе ее научных интересов – борьба польского народа против гитлеровцев, тактика левых сил, направленная на изменение общественно-политического строя в Польше и обеспечение ее внешнеполитической безопасности¹. Сколь бы критически мы сегодня ни относились к этим работам, но содержащийся в них добротный фактический, порой дискуссионный, материал «подталкивал» историков к поиску новых документов, переосмыслению многих обобщений, к корректировке сделанных выводов тогда, когда в конце 80-х годов XX в. советские архивы открывали ранее недоступные исследователям фонды.

Параллельно с участием в коллективных трудах Института Валентина Сергеевна работала над индивидуальными монографиями. В 1972 г. вышла первая – «Формирование Национального фронта в Польше. 1944–1946 гг.». В ее основе лежала рукопись кандидатской диссертации, однако монография была существенно обогащена, главным образом, важными материалами польских архивов. Новые введенные в научный оборот документы отражали весьма непростую историю рождения Народной Польши, которая на страницах книги становилась вовсе неоднозначной, а общественные процессы не выглядели линейными, отражавшими единственно поступательные успехи левых сил.

В 1982 г. свет увидела вторая монография «Советско-польские отношения в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.». Основанная на богатом фактическом материале, в том числе и на неизвестных ранее документах, книга объективно освещала главную, продиктованную объективной потребностью цель СССР – во имя безопасности двух стран стать гарантом геополитически выгодных Польше западных границ и внутренней устойчивости национально единого польского государства. Всем приведенным фактическим

¹ См. главы и разделы В.С. Парсадановой в коллективных трудах: «СССР и Польша. Интернациональные связи. История и современность» (М., 1972); «Советский Союз и борьба народов Центральной и Юго-Восточной Европы за свободу и независимость. 1941–1945 гг.» (М., 1978); «Национальные фронты в антифашистской освободительной борьбе и революциях 40-х гг. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1985); «СССР и страны народной демократии. Становление отношений дружбы и сотрудничества». (М., 1985); «Строительство основ социализма в странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Очерки истории» (М., 1989); «Политический кризис в Европе 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы» (М., 1989).

материалом Валентина Сергеевна, используя принятую в советской историографии лексику и терминологию, показывала главное: приведение польских коммунистов к власти советской стороной, содействие их политическим практикам 1940-х годов, вовсе не были «империалистической» прихотью Москвы. Этот вывод не потерял свое значение и в наши дни. Указанная монография В.С. Парсадановой легла в основу диссертации на соискание степени доктора исторических наук, защищенной в 1983 г.

Насыщенной исследовательской работой и несомненными успехами в просвещении сложнейших проблем истории СССР и советско-польских отношений времени войны отмечены вторая половина 1980-х – начало 1990-х годов. По планам научно-исследовательской работы Института в эти годы В.С. Парсаданова работает над монографией «Движение Сопротивления в Польше. 1939–1945 гг. (Направления, программы, практика, результаты)», публикует ряд статей по слабо разработанным проблемам истории («Советская “польская” политика в сентябре 1939 – июне 1940 г.», «Международные конвенции о военнопленных и интернированных и их применение в годы Второй мировой войны»), активно участвует в конференциях и «круглых столах». На Всесоюзном совещании полонистов в Москве (1989) Валентина Сергеевна выступила дважды – на пленарном заседании с докладом «Рождение “белых пятен” в исторической науке и историческом сознании: советская историография о советско-польских отношениях» и на секционном заседании на тему «Депортации населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг.».

Плодотворную работу в Институте Валентина Сергеевна совмещала с участием в деятельности Комиссии историков СССР и ПНР, созданной по решению высшего руководства этих стран. Сопредседателем Комиссии был член ЦК КПСС, директор ИМЭЛ Г.Л. Смирнов². Курировал работу советской части Комиссии по линии Политбюро ЦК КПСС А.Н. Яковлев. Комиссия была создана весной 1987 г. с задачей разобраться в так называемых белых пятнах истории советско-польских отношений, существование которых негативно влияло на общественно-политическую ситуацию в Польше, осложняло межгосударственные отношения двух стран. Осенью 1987 г. в советской части Комиссии была создана особая узкая рабочая группа из крупных советских специалистов по истории Второй мировой войны – сотрудников Института славяноведения и балканистики, Института истории СССР и Института всеобщей истории АН СССР. Среди них доктор исторических наук В.С. Парсаданова.

Особая группа была ориентирована на исследование наиболее резонансных, прежде всего в ПНР, проблем кануна и начала Второй мировой войны. Имелись в виду в первую очередь секретные протоколы к так называемому пакту Молотова–Риббентропа – Договору СССР с Германией от 23 августа 1939 г. о ненападении, судьба польских военнослужащих, сдавшихся в плен Красной армии после ее вступления на территорию Польши в сентябре 1939 г., и принудительные депортации поляков из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. Необходимые для исследователей документы находились на особом режиме хранения в строго секретных фондах закрытых архивов СССР, что позволяло годами в лучшем случае замалчивать,

² Задачи и содержание работы Комиссии тщательно проанализированы в: [1. Гл. 4, 5]. Книга является не только научным исследованием, но и историческим источником.

в худшем — исказить подлинную историю, сообразуясь с политической конъюнктурой. Перед советской частью Комиссии и особой группой сразу встала задача получения нужных документов. Без ознакомления с ними было невозможно определить мотивы действий советского руководства, восстановить их подлинное конкретно-историческое содержание и тем создать основания для принятия политических решений руководством страны. Подкрепив эти решения передачей польской стороне копий обнаруженных материалов, можно было разрядить кризисную ситуацию в Польше и снизить напряжение в советско-польских отношениях. В этом был политический смысл работы Комиссии и особой рабочей группы советских историков.

По опыту работы над «военными» томами издания «Документы и материалы по истории советско-польских отношений» Валентина Сергеевна знала «трудные», имевшие политические «табу» на оглашение и научную разработку проблемы, ориентировалась в том, где следует искать необходимые материалы. Прекрасные знания польской истории времен войны и высокий уровень квалификации историка-полониста позволили ей немедленно подготовить справочный материал по широкому кругу вопросов в советско-польских отношениях, находившихся в поле зрения Комиссии по «белым пятнам». В связи с предстоявшей встречей М.С. Горбачева и В. Ярузельского в апреле 1987 г. «для делегации» были представлены справки о Договорах СССР и Германии в августе—сентябре 1939 г. и протоколах к ним; о польских военнопленных в СССР (1939—1940 гг.) и Варшавскому восстанию (1944), а для советской части Комиссии — о положении польского населения в СССР в годы Второй мировой войны. Уже на первом пленарном заседании Комиссии в мае 1987 г. проблема судеб польских военнопленных 1939 г. «встала со всей остротой» [1. С. 248]. Ее прояснение было поручено В.С. Парсадановой, которая в 1989—1990 гг. подготовила две принципиально важные справки: об обнаружении ею документов, подтверждавших факт расстрела польских военнопленных весной 1940 г., и о настоятельной необходимости решения вопроса о «деле Катыни». Судя по представленному в дирекцию Института отчету об итогах работы в 1986—1990-е годы, Валентина Сергеевна, по указанию вышестоящих «инстанций», подготовила 15 справок общим объемом в 5,5 а.л., в которых обобщила документальные возможности раскрыть это «дело».

Участники Комиссии имели право в пределах материала, допустимо-го к оглашению, выступать на конференциях и «круглых столах», печататься в научных журналах и массовых периодических изданиях. Валентина Сергеевна активно это право использовала, внося свой вклад в устранение «белых пятен» в советско-польских отношениях, восстанавливая их правдивую историю [2]. Один из примеров — публикация весной 1989 г. статьи о положении и депортациях коренного населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939—1941 гг. Были изучены причины депортаций в глубинные районы СССР и численность выселенных, причем не только поляков [3]. Выяснение правды о судьбе польских военнопленных в СССР было труднейшей задачей, занимавшей важнейшее место в работе Комиссии. Предстояло найти подлинные документы по этому вопросу, представить их советской части Комиссии по «белым пятнам» и Политбюро ЦК КПСС. Поисковая и аналитическая работа по этому вопросу была поручена В.С. Парсадановой и выполнялась тогда, когда в руководстве КПСС и страны не было единого мнения на этот счет. Влиятельная консервативная его часть препятствовала выяснению правды о «деле Катыни». Однако усилиями политиков, считавших правильным

на основе аутентичных документов о расстреле польских военнослужащих в 1940 г. признать его и назвать виновников совершенного преступления, «Катынское дело» медленно, но сдвигалось с места. Повлиять на позиции тех членов Политбюро ЦК КПСС, кто отстаивал версию расстрела поляков немцами, и на колеблющегося М.С. Горбачева³ могли только подлинные документы, которые искала и нашла В.С. Парсаданова.

Сторонником признания правды о происшедшем был академик Г.Л. Смирнов, которому Валентина Сергеевна и докладывала о результатах своей работы. В первые месяцы 1989 г. он пришел к выводу, что «члены Комиссии не могут тянуть с решением вопроса “о поляках” и он должен быть снят до очередного заседания Комиссии в мае–июне». С этой целью Смирнов «мобилизовал все силы в партийно-государственном аппарате, способные продолжить рассмотрение Катынского дела» [1. С. 279–280], добился того, что Парсаданова была допущена в Особый архив ГАУ СССР, где на строжайшем хранении находились материалы Главного Управления по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ) НКВД СССР и среди них дела о польских военнопленных 1939 г. Так Валентина Сергеевна стала первым историком, прикоснувшимся к подлинным свидетельствам того, что происходило весной 1940 г. вблизи Смоленска.

5 мая 1989 г. состоялось заседание советской части Комиссии, где открыто и откровенно обсуждался вопрос о пленных поляках. Парсаданова доложила о решающих проблеме итогах работы в Особом архиве: выявлении по «делу Катыни» документов, подтверждающих факт расстрела поляков сотрудниками НКВД весной 1940 г., признала, что это не могло произойти без соответствующего решения высшего руководства ВКП(б), оригинал которого хранился в закрытом Партийном архиве ЦК КПСС. Как пишут участники этого заседания, Валентина Сергеевна «на этот раз так и сыпала фактами о лагерях, их заполнении и “разгрузке”, называла даты, документы, говорила о существовании списков военнопленных. Основная информация касалась Козельского лагеря» [1. С. 283–284]. Это был смелый поступок, ведь она имела право делиться информацией только конфиденциально с Г.Л. Смирновым, но теперь этой информацией владели члены советской части Комиссии, присутствовавшие на заседании. Это стало переломным моментом в продвижении «дела Катыни» к публичному оглашению. На основании надежных архивных источников Валентина Сергеевна подготовила специальную Записку о выявленных материалах и их местонахождении. Датированная 18 мая 1989 г. Записка была направлена в ЦК КПСС [1. С. 280, 283, 284].

По завершении работы в архивах, Валентина Сергеевна на рубеже августа–сентября 1989 г. представила руководству советской части Комиссии «аргументированную сенсационную статью», где впервые раскрывала контуры организации преступления. Г.Л. Смирнов сразу же отправил рукопись статьи в ЦК КПСС. Там с ответом не спешили. Но принципиально важное предложение Валентины Сергеевны – перепоручить вопрос о гибели польских военнопленных Генеральной

³ 18 апреля 1989 г. М.С. Горбачев «получил в руки комплекс совершенно секретных документов» по «делу Катыни», хранившихся в Архиве Политбюро ЦК КПСС («особый пакет № 1»). С этого дня он знал «истинные факты расстрела поляков», знал имена тех, кто принимал решение, но ход документам дан не был [1. С. 291–292].

прокуратуре СССР в ЦК КПСС было поддержано [1. С. 285]⁴. Таким образом, Валентина Сергеевна стала не только первым выявителем документов по «делу Катыни», но, систематизировав добытые архивные материалы, реконструировала само событие, обозначила дальнейшие действия Комиссии.

Вероятно, в ноябре—декабре 1989 г. с копиями документов, которые были сделаны Парсадановой в Особом Архиве при участии включившегося в продвижение «дела Катыни» энергичного и высококвалифицированного юриста Ю.Н. Зори⁵, ознакомился М.С. Горбачев. Так, в начале 1990 г. «информационная блокада вокруг проблемы судебных польских военнопленных была прована на высоком уровне, уровне принятия решений». Большую роль сыграло в этом «соединение усилий нескольких энтузиастов и, прежде всего, двух ученых — Зори и Парсадановой» [1. С. 306]. Следствием, в первую очередь, их поисков становились новые оценки ситуации в ЦК КПСС. В конце февраля 1990 г. главе СССР были доложены итоги выявления советскими учеными (упоминались Зоря Ю.Н, Парсаданова В.С, Лебедева Н.С⁶.) неизвестных ранее материалов, которые имели отношение к «делу Катыни», констатировалось, что «они доказательны [...] и на этой основе уже подготовлены соответствующие публикации». Самой «соответствующей» была статья Парсадановой, но она без движения лежала в ЦК КПСС. Прозвучали и размышления: «[...] выявленные учеными материалы [...] вряд ли позволят нам дальше придерживаться прежних версий и уклоняться от подведения черты [...] и надо было бы так или иначе определяться в нашей позиции». Горбачев «определился» в начале апреля 1990 г. [1. С. 306].

Весной 1990 г. В.С. Парсаданова принимала самое активное участие в подготовке предстоявшего визита Президента Польши В. Ярузельского в Москву. Планировалась его встреча с Президентом СССР М.С. Горбачевым и вручение Ярузельскому некоторой части документов «дела Катыни», в том числе списков расстрелянных польских военнопленных, существование которых Парсаданова выявила уже к весне 1989 г. Вместе с Ю.Н. Зорей и руководителем польского сектора в ЦК КПСС В.А. Светловым Валентина Сергеевна занималась отбором и подготовкой перечня документов «дела Катыни», предназначенных для передачи во время встречи М.С. Горбачева и В. Ярузельского 13 апреля 1990 г. Причем, академик Смирнов был извещен, что Ярузельскому передавалось

⁴ Журнал «Новая и новейшая история» принял статью к печати в январе 1990 г., но был вынужден ждать реакции вышестоящих инстанций. В частной беседе В.С. Парсаданова вспоминала, что статья рассматривалась в Политбюро ЦК КПСС и «не была одобрена».

⁵ Доцент кафедры спецдисциплин Военной академии Советской армии, Ю.Н. Зоря, который участвовал в расследовании «дела Катыни» в начале 1990-х годов, в мае 1989 г. также получил допуск к работе с фондами ГУПВИ в Особом архиве. К концу октября 1989 г. он составил «Документальную хронику Катыни» и подготовил доклад А.Н. Яковлеву, где описал отправку в апреле—мае 1940 г. около 15 тыс. польских военнопленных в распоряжение управлений НКВД Харьковской, Смоленской и Калининской областей СССР. Зоря констатировал причастность НКВД к расстрелу поляков. Краткая записка по этому материалу поступила М.С. Горбачеву. Круг научных сотрудников — участников поиска документов по «делу Катыни» расширился.

⁶ Сотрудница Института всеобщей истории АН СССР Н.С. Лебедева получила допуск в Особый архив в 1989 г. тогда, «когда В. Парсаданова закончила свою работу, а [...] разработки [Ю. Зори], в кратком виде, легли на стол Горбачеву [...] тогда, по следам Парсадановой и Зори, в архив пришла Лебедева». На рубеже 1989—1990 гг. стало известно о ее «неожиданной находке» документов о польских военнопленных в фонде Управления конвойных войск НКВД СССР [1. С. 304, 307—308, 312]. Архивные поиски Н.С. Лебедевой в итоге привели ее к участию в издании ряда сборников документов по «делу Катыни».

«в основном то, что нашла Парсаданова». Показательно, что именно Парсадановой было поручено к встрече двух президентов написать текст Заявления ТАСС об итогах поиска документов и прояснении «дела Катыни». После некоторого редактирования и сокращения в ЦК КПСС текст Парсадановой, в котором содержался вывод «о непосредственной ответственности за злодеяния в катынском лесу Берии, Меркулова и их подручных» и признавалось, что трагедия в Катыни «представляет собой одно из тяжких преступлений сталинизма», был опубликован в «Правде» 14 апреля 1990 г. [1. С. 306, 308–309].

1990 год был для Валентины Сергеевны «урожайным» на публикации в печати. Советская общественность уже в апреле 1990 г. через периодические издания была открыто уведомлена об итогах изучения «дела Катыни» в Комиссии по «белым пятнам» [4] (статья на польском языке была адресована польскому населению Литвы). Летом 1990 г. вышла, наконец, статья «К истории Катынского дела», принятая к печати журналом «Новая и новейшая история» еще в январе 1990 г.; осенью появилась и статья в журнале Института славяноведения и балканистики АН СССР, где многие годы трудилась Валентина Сергеевна. Тогда же была написана еще одна статья для специального сборника статей и документов о «деле Катыни», вышедшего в 1991 г. [5].

Работа Валентины Сергеевны в Комиссии историков СССР и ПНР, как и самой Комиссии, закончилась весной 1990 г. Но с сентября 1990 г. в Главной военной прокуратуре по поручению Генеральной прокуратуры СССР велось расследование правовой стороны «дела Катыни». Предстояла экспертиза «по материалам уголовного дела № 159 о расстреле польских военнопленных». К участию в комиссии экспертов Главной военной прокуратуры были приглашены ученые, работавшие в Комиссии по «белым пятнам» И.С. Яжборовская, В.С. Парсаданова и Ю.Н. Зоря. Их работа началась 17 марта 1991 г. и продолжалась два года. 2 августа 1993 г. все эксперты ГВП и среди них В.С. Парсаданова подписали пространное Заключение. Так, предложение Валентины Сергеевны передать вопрос о гибели польских военнопленных в Генеральную прокуратуру СССР было реализовано.

Вклад В.С. Парсадановой в деятельность Комиссии историков по «белым пятнам» и в формирование документальной базы для раскрытия «дела Катыни» и его изучение был значительным. Ее научная и гражданская позиция в Комиссии была активной, четкой и последовательной, чем Валентина Сергеевна обращала на себя внимание аппарата ЦК КПСС. Намекая на напряженную общественно-политическую ситуацию в стране, Парсаданову предупреждали, что можно «не носить головы», если вдруг «все не так обернется» [1. С. 306]. Оно так и обернулось. В 1991 г. Валентина Сергеевна готовила к печати в Издательстве «Наука» рукопись первой в советской историографии фундаментальной монографии «Движение Сопротивления в Польше. 1939–1945 гг.». На основе документов она рассматривала два течения в польском патриотическом военно-политическом подполье, показывала, что их объединение в борьбе с гитлеровцами оказывалось невозможным в силу принципиально разного понимания общенациональных интересов Польши, путей их достижения, освободительной роли СССР и его армии в Европе. Однако работа над книгой была остановлена, а ведущий научный сотрудник Парсаданова В.С. 15 декабря 1992 г. была уволена приказом директора Института в связи с сокращением численности штата и на основании решения Комиссии по реорганизации структуры Института. В переводе с бюрократического языка на язык смысла,

доктора исторических наук В.С. Парсаданову, которая несколько лет плодотворно работала в Комиссии по «белым пятнам» и продолжала работать в Главной военной прокуратуре по «делу Катynи» и чей творческий и профессиональный потенциал был далеко не исчерпан, удалили из Российской Академии наук. Вместе с этим «удалили» из Академии ее успехи в обнаружении главных «следов» этого «дела». Не исключено, что так «освобождали» дорогу для участия в публикации свидетельств расстрела поляков другим историкам, которые шли по ее архивным «следам».

Однако увольнение не отменяло и не отменило той правды, что В.С. Парсаданова являлась первой обладательницей правды о «деле Катynи». Мы не знаем, какие аргументы и слова услышала (и услышала ли?) Валентина Сергеевна тогда от дирекции Института. Можно с уверенностью предположить, что за ее увольнением не стояли научные мотивы или претензии к Парсадановой как исследовательнице. Время в стране было сложное: устанавливалась власть демократов-реформаторов, и рождавшимся в России новым политическим порядкам уже были свойственны приемы борьбы и конкуренции, в том числе в науке.

«Помолчав» некоторое время, Валентина Сергеевна, оставаясь ключевым исследователем «дела Катynи», продолжила свой научный труд. В содружестве с известным историком-полонистом И.С. Яжборовской ею были изданы два крупных исследования по «трудным» вопросам советско-польских отношений. В 2007 г. В.С. Парсаданова приняла предложение Института славяноведения РАН и участвовала в создании очерков по истории Польши в XX в. (М., 2012). Завершением творческого пути стал выход из печати в 2018 г. не потерявшей актуальности, обогащенной новыми фактами и научными подходами, ее четвертой монографии [6]. Победа историка В.С. Парсадановой состоялась. Особые заслуги и приоритет доктора исторических наук Парсадановой В.С. в раскрытии документов о Катynинской трагедии помнят поляки. В 2005 г. она вместе с другими российскими историками и юристами удостоилась государственной награды Республики Польша из рук президента этой страны.

Российские коллеги по профессии и Институт славяноведения РАН чтут ее память.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Яжборовская И.С. Яблоков А.Ю. Парсаданова В.С. Катynинский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях М., 2009.
2. Парсаданова В.С. Армия Андерса на территории СССР (1941–1942 гг.) // Новая и новейшая история. 1988. № 5; Важна правда // Аргументы и факты. 1988; Проясняя «белые пятна» // Международная жизнь. 1988. № 5; Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2; Трагедия Польши в 1939 г. // Новая и новейшая история. 1989. № 5; Советско-польские отношения накануне 1 сентября 1939 // Политический кризис 1939 г. и страны Центральной и Юго-Восточной Европы. М., 1989; Белые «пятна» истории: Депортации польского населения в СССР. 1939–1942 гг. Причины и последствия // Военный вестник 1989. № 5; Воссоздать подлинную историю советско-польских отношений // Гласность. Насущные вопросы и необходимые ответы. М., 1989.
3. Парсаданова В.С. Депортация населения из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1989. № 2.
4. Зоря Ю.Н. Парсаданова В.С. Под названием «Катynь» // Новое время. 1990. № 16; Parsadanova V.S. Trumny Katynskie // Kurier Wileński. 28. IV. 1990.

5. Парсаданова В.С. К истории Катынского дела // Новая и новейшая история. 1990. № 3; Парсаданова В.С. К истории интернированных в СССР солдат и офицеров Войска Польского // Советское славяноведение. 1990. № 5; Парсаданова В.С. Катынь // Катынская драма. Козельск. Старобельск. Осташков: судьбы интернированных польских военнослужащих. Сборник статей и материалов. М., 1991.
6. Яжборовская И., Яблоков А., Парсаданова В. Катынский синдром в советско-польских и российско-польских отношениях. М. 2001; М. 2009; Яжборовская И.С. Парсаданова В.С. Россия и Польша. Синдром войны 1920 г. М., 2005; Польша в XX веке. Очерки политической истории. М., 2012; Парсаданова В. Варшавское восстание. Движение Сопротивления в Польше. 1939–1945 гг. Направления. Программы. Практика. Результаты. 1939–1945: в 2-х частях. М., 2018.

DOI: 10.31857/S0869544X0014969-8

Рецензия / Book Review

Й. Пирьевец. Тито и товарищи. М., 2020. 632 с.

© 2021 г. Б.С. Новосельцев

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская федерация)

bnovoseltsev@yandex.ru

Ссылка для цитирования: Новосельцев Б.С. Й. Пирьевец. Тито и товарищи. М., 2020. С. 632. // *Славяноведение*. 2021. №3. С. 143–146. DOI: 10.31857/S0869544X0014969-8.

Ī. Pirievets. Tito and comrades., Moscow, 2020. 632 p.

© 2021. B.S. Novoseltsev

bnovoseltsev@yandex.ru

For citation: Novoseltsev B. S. Ī. Pirievets. Tito and comrades., Moscow, 2020. Pp. 632. // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie*. 2021. No. 3. Pp. 143–146. DOI: 10.31857/S0869544X0014969-8.

Монография известного словенского историка итальянского происхождения Йоже Пирьевца (Джузеппе Пьераци) представляет собой попытку написать портрет ее главного героя — «суровыми рембрандтовскими красками [...], во всей своей жизненной правде» [1. С. 280]. Автору действительно удалось избежать характерного для многих историков состояния очарованности объектом своего исследования, тем более таким, как Йосип Броз Тито: герой Второй мировой войны, «легендарный маршал», создатель и президент второй, послевоенной Югославии. Под обаяние его незаурядной личности попадали многие: женщины и политики, суровые партизаны и голливудские звезды, русские, американцы и руководители народно-освободительных движений в странах «третьего мира». Верный изначальному посылу, Й. Пирьевец на протяжении всей монографии стремится сохранять не всегда характерные, для историографии балканских стран объективность, сдержанность в оценках, научную и политическую беспристрастность. Это особенно не просто, учитывая масштаб фигуры Тито для

стран бывшей Югославии, которого там даже через 40 лет после смерти в социологических опросах называют в числе главных политических деятелей в истории не только страны, но и всего человечества [2].

Книга построена по проблемно-хронологическому принципу, охватывая, таким образом, неразрывно связанные между собой этапы биографии Й. Броза Тито и основные события истории Югославии в XX в. — двух попыток политического объединения югославянских народов в рамках одного государства. Монографию Й. Пирьевца стоит рассматривать не как классическую биографию политического и государственного деятеля, но как исследование, посвященное истории Югославии на фоне жизненных событий главного ее вершителя в XX ст. В каждой главе, соответствующей определенному периоду в жизни Тито и, соответственно, в истории югославского государства, основное внимание автора сосредоточено на том или ином конфликте или противостоянии: непростая история Югославии часто развивалась в соответствии с законами драматургии. Так, например,

главным сюжетом раздела «Молодость и зрелые годы (1892–1939 гг.)» можно назвать партийную деятельность Вальтера Фридриха (наиболее известный псевдоним Йосипа Броза в этот период): его борьбу за единство в Коммунистической партии Югославии (КПЮ) и за руководство в ней. Большой интерес здесь представляют главы, посвященные деятельности Вальтера в руководстве ЦК КПЮ в эмиграции в Париже и, особенно, его загадочная роль во время Гражданской войны в Испании, о чем сам Тито впоследствии вспоминал крайне неохотно. Об этом периоде в жизни Йосипа Броза сохранилось сравнительно небольшое количество источников. Важная их часть — материалы советских спецслужб, некоторые из которых до сих пор недоступны для изучения. Возможно, по этой причине автор не смог ответить на вопрос о том, кто и каким образом решал судьбу будущего руководства КПЮ и лично Тито (находившегося на волоске от ареста и гибели) в конце 1938 — начале 1939 г. Судя по всему, важную роль в этом сыграли симпатизировавший Тито руководитель Коминтерна Г. Димитров и обладавший определенным аппаратным весом и влиянием югослав Й. Копинич. Притом, что в самом Коминтерне, а особенно в его отделе кадров, отношение к Вальтеру было довольно скептическим.

«Суровые рембрандтовские краски» проявились у Пирьева в разделе, посвященном Второй мировой войне. Здесь он указал на ошибки, допущенные партизанским командованием, и даже упомянул о «малодушии Тито» [3. С. 108.], который, не обладая выдающимися полководческими талантами, порой отдалвал противоречивые приказы. Командиры партизанских отрядов при необходимости вынуждены были негласно вносить в них поправки. Кроме того, «легендарный маршал» терялся в ситуациях, когда его жизнь угрожала непосредственная опасность. Основной заслугой Тито в годы войны была скорее его деятельность как организатора и как политика. Да и над революционером государственный руководитель одержал победу именно в это время.

Говоря о войне, автор снова уделил большое внимание политическим и международным интригам: проанализировал позиции чехников, англичан, итальянцев, немцев, СССР, самих партизан. При этом использовались источники, главным образом, югославского происхождения: в основном мемуары и сербскоязычная историография. Предвосхищая события следующего периода в биографии Тито и истории Югославии, Пирьевец отметил, что

«трещина в отношениях с Москвой» образовалась еще в годы войны, даже до создания новой, федеративной, социалистической Югославии: до II сессии Антифашистского вече народного освобождения Югославии (АВНОЮ). О подготовке к ней, стремлении не пустить короля Петра II в Югославию после войны и о присвоении Тито звания маршала югославы не информировали Москву, так как опасались саботажа и уже тогда небезосновательно считали, что для СССР гораздо важнее отношения с Англией и США, чем югославская революция. Москву уведомили о решениях II сессии АВНОЮ только после ее завершения (с. 151–156).

Сравнительно меньшее внимание Й. Пирьевец уделил событиям югославской истории в 1945–1948 гг. и попытке развития ФНРЮ по советскому образцу, сосредоточившись на обстоятельствах конфликта между Москвой и Белградом. По мнению автора, важной его причиной стало то, что югославы «никогда не вели себя как рабы» по отношению к Советскому Союзу, что было неприемлемо для Сталина. «Без понимания этой донкихотской гордости, основанной на четырехлетней партизанской эпопее, невозможно понять, почему вообще в 1948 г. произошел конфликт между Кремлем и Белградом» (с. 225–226). Наряду с подобной позицией, которую для югославской и постъюгославской историографии можно назвать традиционной, автор подробно описал другие причины конфликта и ход его развития, опираясь на труды не только югославских и словенских, но также и российских историков (Ю.С. Гиренко, Л.Я. Гибианского, А.С. Анисеева, А.Б. Едемского). Кроме того, в этом и следующих разделах использовались материалы американских [3–4] и британских [5], а иногда и российских [6] архивов, но при этом сравнительно немного югославских архивных данных. Так или иначе, стоит выделить главы монографии, посвященные внешней политике — одной из ключевых тем для понимания истории Югославии в 1950–1960-е годы. Они написаны фундированно и довольно подробно, что, безусловно, можно отнести к сильным сторонам исследования.

Но, в вопросах не югославской истории Й. Пирьевец допустил некоторые неточности. Так, например, он написал, что Тито хотел заменить Матяша Ракоши на Имре Надя на посту венгерского лидера (с. 373). По словам автора, последний долгое время находился в тюрьме по обвинению в симпатиях к титоизму. Однако это не соответствует действительности: при Ракоши Имре Надь не был

подвергнут тюремному заключению. В 1955 г. он был исключен из Венгерской партии трудящихся, но за фракционную деятельность, а не титоизм.

По словам Й. Пирьевца, Тито в момент конфликта превратился в символ стремления народа к независимости. Отмечу, что он, как и все харизматические лидеры, вообще частенько становился символом: народно-освободительной борьбы; стремления к независимости и равноправию в международных отношениях; символом Движения неприсоединения или особого, «югославского пути» коммунистического строительства.

Вторая половина книги оправдывает ее название: здесь даны разделы о «товарищах Тито» — Миловане Джиласе, Эдварде Карделе, Александре Ранковиче. Все действующие лица в монографии Пирьевца (не исключая самого Тито) — функции. Они появляются, когда того требует ход событий югославской истории, и исчезают, когда перестают быть актуальными, еще раз доказывая, что главное место в книге отведено не товарищам, и даже не самому Тито, а Югославии. Так, значительная часть раздела «Эдвард Кардель» посвящена политике неприсоединения, нормализации и развитию советско-югославских отношений и т.д., что удивляет, учитывая не самую заметную роль словенского политика в этих событиях.

Интересен разбор позиций и анализ политических интриг нового поколения югославских руководителей (М. Трипало, С. Дабчевич-Кучар, М. Никезича, Л. Перович и пр.), ярко проявивших себя в конце 1960-х — начале 1970-х годов, но потерпевших политическое поражение в борьбе за власть. Итогом этих событий стала формула, вынесенная автором в название одной из глав: «Старая гвардия правит, среднее поколение молчит, молодое служит» (с. 526). Здесь Пирьевец предпринял попытку раскрыть роль Тито и некоторых еще оставшихся на постах товарищей из старшего поколения югославских руководителей (Э. Кардель, В. Бакарич) в событиях начала 1970-х годов. Будучи уже довольно пожилыми людьми, они не приняли идей коммунистов следующего поколения — хорватов, заклеемных националистами, сербских либералов и словенских технократов. Застой, в смысле сохранения власти у стариков, продуцирования прежних схем и прежних политических, а также ценностных и идеологических установок, идеалов молодости, был в 1970-е годы не только в СССР. Таким образом, масштаб фигуры Тито, его авторитет, влияние и роль в послевоенной Югославии

не позволили стране в тот период обновиться, провести реформы, добиться большей экономической эффективности. Все это послужило одной из предпосылок распада Югославии после смерти Тито, с другой стороны, возможно, продлило ее существование на два десятилетия.

Раздел «Старость Тито» демонстрирует «горькую сущность созданного им авторитарического режима», который остался единственной точкой опоры неудавшегося, по мнению автора, югославского эксперимента. Все правящие команды «как на союзном, так и на республиканском уровне оказались неспособными и дилетантскими» (с. 537), а сам Тито, сохранив положение на югославском политическом олимпе, остался на старости лет в сущности одиноким человеком. Возможно, касаясь социально-экономического развития Югославии в 1950–1970-е годы, позицию Й. Пирьевца можно назвать резкой. Следуя его логике получается, что развитие и модернизация государства (а, например, в середине 1960-х годов., по словам самого автора, по среднему темпу экономического роста, составлявшему 7,2% в год, Югославия была третьей страной мира) происходили во многом вопреки неудачным действиям руководства страны (с. 436).

Отдельный раздел монографии посвящен женщинам в жизни Тито во главе с Йованкой Будиславлевич-Броз. Именно эта часть исследования получилась наиболее биографичной. Йованка, пожалуй, в наименьшей из всех товарищей степени стала отстраненным объектом изучения. Напротив, автор создал очень живой ее образ, говоря о ее характере и чувствах. Отражены и объяснены перемены, которые происходили с Йованкой с развитием ее отношений с Тито. Возможно, это объясняется тем фактом, что сохранилось большое количество свидетельств и воспоминаний о ней, по большей части неслетных: окружение Тито не любило Йованку за ее несносность, надменность, гордыню и мстительность.

Подводя итог, замечу, что появление на русском языке такого объемного, фундаментального и фундированного научного труда, посвященного деятельности Йосипа Броза Тито на протяжении всей его жизни, является важным событием. Монография будет полезна для ученых, специалистов по истории Балканского региона или истории международных отношений, для преподавателей и студентов вузов. Также хочется особо отметить, что, благодаря прекрасному научному переводу со словенского языка, выполненному

сотрудниками Института славяноведения РАН, кандидатами исторических наук Л.А. Кирилин и Н.С. Пилько, книга, безусловно, будет интересна и широкому кругу читателей, интересующихся историей Югославии и фигурой одного из ее главных героев в XX в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Маркс К., Энгельс Ф.* Новая Рейнская газета. Политико-экономический обзор. № 4. 1850 // *Маркс К., Энгельс Ф.* Полное собрание сочинений. М., 1956. Т. 7.
2. О Titu ili sve najbolje ili sve najgore // Radio Slobodna Europa. 19.06.2016. Режим доступа: <https://www.slobodnaevropa.org/a/most-o-titu-sve-najbolje-ili-sve-najgore/27806840.html>. (дата последнего обращения: 12.10.2020).
3. National Archives and Records Administration.
4. Washington (NARA); The John F. Kennedy Library, Boston (JFK Library).
5. The National Archives, London (TNA).
6. Российский государственный архив социально-политической истории, Москва (РГАСПИ).

Славяноведение, 2021, № 3, с. 147–149

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 3, pp. 147–149

DOI: 10.31857/S0869544X0014970-0

Рецензия / Book Review

A. Gajewska. Zagłada i gwiazdy.

Przeszłość w prozie Stanisława Lema. Poznań, 2019. 242 s.

А. Гаевская. Холокост и звезды. Прошлое в прозе Станислава Лема.

© 2021 г. И.Е. Адельгейм

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская федерация)

adelgejm@yandex.ru

Ссылка для цитирования: Адельгейм И.Е. A.Gajewska. Zagłada i gwiazdy. Przeszłość w prozie Stanisława Lema // Славяноведение. 2021. № 3. С. 147–149. DOI: 10.31857/S0869544X0014970-0.

A. Gaevskaya. Holocaust and star. The past in the prose of Stanislaw Lem.

© 2021. I.E. Adelgeim

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

adelgejm@yandex.ru

For citation: Adelgeim I. E. A. Gajewska. Zagłada i gwiazdy. Przeszłość w prozie Stanisława Lema // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie. 2021. No. 3. Pp. 147–149. DOI: 10.31857/S0869544X0014970-0.

Станислав Лем, признанный классик научно-фантастической литературы, один из самых популярных польских авторов XX в., прекрасно известный также и нашему читателю, вряд ли ассоциируется в сознании последнего с опытом Холокоста. Да и в Польше более полувека этот факт ускользал от внимания читателей и литературоведов. В первую очередь это, очевидно, связано с тем, что на протяжении почти всей своей жизни сам писатель молчал и о своем еврейском происхождении, и о пережитом во время войны (даже в автобиографическом «Высоком замке», повествующем о детских годах, проведенных в довоенном Львове, Лем тщательно избегает любых упоминаний, любых деталей, которые могли бы натолкнуть читателя на возможные аллюзии). Лишь в последние годы великий польский фантаст начал говорить о своих корнях.

В этом смысле Лем отнюдь не является исключением — многие уцелевшие на территории Польши или вернувшиеся сюда после войны евреи десятилетиями продолжали скрывать свое происхождение, зачастую даже от собственных детей. Молчание выживших имело причины как субъективно-психологические (дистанцирование от опыта смерти, «не умевшегося» в рамки жизни), так и связанные с социологией, макропсихологией, государственной политикой. В послевоенной Польше Холокост трактовался лишь как один из многих элементов гитлеровской политики, лагерь Аушвиц-Биркенау в 1947 г. был объявлен памятником мученичества «польского и других» народов, из массового сознания тщательно вытеснялся тот факт, что жертвами нацистов стали прежде всего евреи. Бытовой антисемитизм был по-прежнему весьма силен, вплоть до погромов, самые крупные из

которых — в Кракове в августе 1945 г. и в Кельце в июле 1946 г. — вызвали панику и первую волну массовой эмиграции евреев из Польши.

Однако, как блестяще показывает автор книги, память о Холокосте присутствует едва ли не во всех текстах Лема. Но присутствует она в зашифрованном виде, проявляясь то в умолчаниях, то в случайных, на первый взгляд, сценах, то во внезапных сюжетных поворотах, то в гротескных образах, а прежде всего — облекаясь в форму научно-фантастических реалий. Это также объясняет, почему значимый пласт творчества автора не только весьма известного, но и достаточно исследованного так долго оставался непрочитанным (добавим, что подобным образом запечатленная путем метонимии, метафор, аллюзий, мистификаций постпамять о Холокосте таких польских авторов, как, например, Эва Курылюк или Магдалена Тулли, также долгие годы ускользала от внимания литературоведов и зачастую приводила к неверной интерпретации их произведений).

А. Гаевская ставит своей задачей рассмотреть творчество Лема в новом контексте (точнее — в ряде контекстов) — как значимый элемент важнейших течений польской послевоенной прозы (прежде всего тех, для которых травма войны стала базовым опытом — литературы «поколения Колумбов», малого реализма, литературы «интеллигентских расчетов» и пр.) — и сосредоточить свое внимание на проблеме связи научно-фантастических текстов с историей XX в. и личным опытом писателя.

Автор книги, чье название — «Холокост и звезды» говорит само за себя, доказывает, что сквозь футурологические образы Лема явственно проступает реальное прошлое и реальные травмы, закамуфлированные, но вполне поддающиеся идентификации аллюзии на конкретные исторические и биографические события. С этой позиции Гаевская заново анализирует весь массив текстов писателя.

Станислав Лем для Гаевской — фигура, парадоксальным образом заключающая в себе движение и неподвижность, будущее и прошлое, футурологию и реконструкцию уничтоженного мира. Герой Лема, как показывает анализ текстов, не свободен от хронотопа, связанного с еврейской памятью Львова — города, где писатель родился, провел детство, а затем оказался свидетелем и уцелевшей жертвой Холокоста. Жертвой, обреченной на молчание. Исторический контекст книги охватывает период с XIX в., когда началась полонизация галицийских евреев, до 1970-х годов («Открывая никогда не рассказанную напряжную историю изгнанной из Львова жертвы нацизма», — говорит Гаевская, — я была вынуждена реконструировать также и способ

функционирования писателя в меандрах культурной политики ПНР, а также послевоенного антисемитизма. [...] Смерть близкого родственника в результате погрома в Кельце, деятельность несвободного Союза польских литераторов — все подтверждало опасения Лема, что рассказ о собственном прошлом может быть использован против него и его близких. Это означало, что и после войны Станислав Лем не мог выйти из укрытия» (s. 219)).

Исследовательница реконструирует ряд неизвестных прежде фактов жизни писателя (прежде всего, касающихся периода немецкой оккупации) и исправляет несколько распространенных ошибок, присутствовавших в биографиях Лема. Писатель утверждал, что узнал о своем еврейском происхождении лишь после принятия Нюрнбергских расовых законов (1935 г.), однако Гаевская уверена, что это не так — родители Лема, ассимилированные польские евреи, не порвали со своими корнями, и эта часть жизни проходила на глазах у мальчика или касалась его непосредственно: активное участие в жизни еврейской общины Львова, уроки иудаизма и пр. Лем уцелел во время так называемого тюремного погрома 30 июня 1941 г., а затем во время массовых расстрелов на улицах Львова, несколько месяцев провел в львовском гетто, откуда сбежал по поддельным польским документам, позволившим ему устроиться на работу в немецкую компанию; почти все многочисленные родственники погибли в оккупированном Львове, в концлагере Белжец и во время послевоенного погрома в Кельце.

Гаевская последовательно и скрупулезно выявляет отзвуки трагической судьбы еврейского населения Львова и равнодушие свидетелей в различных произведениях Лема, от реалистических (как, например, первый роман писателя — «Больница Преображения») до научно-фантастических (где они скрыты в виде аллюзий, ассоциаций и сравнений, замаскированы реалиями космических путешествий и футурологического хронотопа).

Несомненной удачей автора монографии представляется продуманная мозаичная структура (три главы — «Лем(берг)ленд», «Раскол», «Холокост в Космосе» — делятся на небольшие разделы, в которых анализируются конкретные случаи и формы зашифровывания исторической и личной травмы — «Утраченный город», «Гетто», «Отец», «Трактат о забвении», «Уцелевший», «Свидетель», «Обрубки», «Селекция роботов», «Призраки и духи» и др.), синтез анализа художественного текста и критического прочтения источников, использование биографического, а также автобиографического

материала (поездки во Львов, работа в архивах, переписка с женой писателя).

«Нарративные щели» или «тени» (как именует их Гаевская) трагедии Уничтожения проступают в сравнениях, метафорах, деталях архитектуры, топонимах, именах, портретах, конкретных сценах и пр. Лем, по словам исследовательницы, контрабандой пронес Холокост и свои воспоминания о нем в космос и оставил там для будущих читателей. Так, например, анализ с этой перспективы научно-фантастического цикла «Рассказы о пилоте Пирксе» дает Гаевской право назвать один из рассказов космической версией стихотворения Чеслава Милоша «Campo di Fiori», отсылающей читателя к знаковому тексту, в котором, вероятно, впервые в польской литературе (1943 г.) отразился вытеснявшийся затем десятилетиями из коллективной памяти опыт стыда из-за равнодушия польского населения к уничтожению еврейских соседей. Другой рассказ цикла содержит в себе причудливо закамуфлированную аллюзию с самим механизмом замалчивания страшного прошлого. Обращаясь к «Звездным дневникам Ийона Тихого», Гаевская анализирует фрагмент, отсылающий к сценам селекции в лагерях смерти, и исследует художественно-психологические причины, побудившие автора прибегнуть к иронической дистанции. В образах и мотивах текстов Лема, связанных с проблемой человеческого тела, Гаевская видит проявление травмы тотального физического уничтожения.

Исследуя отзвуки военного опыта Лема, автор прибегает к категориям свидетеля и выжившего, инструментарию, разработанному в научных трудах, посвященных непосредственно Холокосту. Военные мотивы у Лема не сводятся к сценам военного насилия, они охватывают и такие аспекты, как принудительные перемещения, эхо которых Гаевская находит, в частности, в образах главных героев, которые порой напоминают беженцев, странствующих через далекие галактики. «Возникает чувство, будто им некуда возвращаться», — пишет Гаевская (так, например, герой одного из ранних романов, антиутопического «Возвращения со звезд», вернувшись на Землю из космической экспедиции, во-первых, находит родную планету совершенно неузнаваемой, во-вторых, страдает от воспоминаний о гибели коллег-астронавтов.

Психиатр, в котором Гаевская видит alter ego самого Лема, советует ему ни с кем не делиться этими воспоминаниями, ведь рассказывая другим о пережитом, он лишь усугубляет свою изоляцию. Это роднит героя с поведением выживших. В самом деле, память о Холокосте оказывалась травмирующей двойко — не только сама по себе, но и как опыт, который не только не мог быть символически «обменен» на чувство гордости за предков и признание в обществе, но, напротив, представлял собой весьма рискованный капитал: коллективная травма парадоксальным образом переживалась как индивидуальная.

Анализ текстов заставляет исследовательницу сделать вывод, что эксперименты Лема с литературными жанрами и поэтиками, трансформация им привычных нарративных схем и гротескная форма, в которую он облек свои философские размышления, позволили писателю вырваться из капкана молчания. Гаевская предлагает взглянуть на творчество Лема как на необычную форму личного документа, зашифрованную автобиографию. И несмотря на присутствие спорных гипотез (например, касающихся некоторых топонимов или не всегда подтвержденной документально проекции сведений, известных из исторических трудов, на индивидуальный опыт Лема и, далее, его героев), эта смелая и увлекательная книга значительно расширяет наши представления не только о послевоенной польской литературе и ее разнообразных контекстах. Исследование Гаевской можно назвать плодотворным ответом на упрек, брошенный в свое время Домиником Ла Капра тем, кто занимается исторической травмой и упускает из виду *нереалистические* формы повествования, способные значительно обогатить рефлексию над проблемами отсутствия и утраты: «Странно, что теоретики, осознающие это, рассуждая о наррации, тем не менее подразумевают наиболее традиционные ее формы (особенно реализм XIX в., интерпретируемый к тому же достаточно узко)» [1. S.83].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *LaCapra D.* Trauma, nieobecność, utrata // *Antologia studiów nad traumą*. Kraków, 2015.

Славяноведение, 2021, № 3, с. 150–153

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 3, pp. 150–153

DOI: 10.31857/S0869544X0015002-5

Рецензия / Book Review

Br. Balloch. Lučice na oknah: naš sviet pouan naposebnosti
(il nostro mondo pieno di meraviglia) / Ur. R. Dapit, L. Trusgnach,
D. Zuljan Kumar. Cividale del Friuli, 2018. 480 s.

Бр. Баллок. Огоньки на окнах: наш мир полон чудес.

© 2021 г. М.В. Ясинская

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

marusiaya@gmail.com

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ № 20-78-10030 «Языковые и культурные контакты в условиях социальных трансформаций у национальных меньшинств альпийско-паннонского региона» (рук. канд. филол. наук Г.П. Пилипенко).

Ссылка для цитирования: Ясинская М.В. Br. Balloch. Lučice na oknah: naš sviet pouan naposebnosti (il nostro mondo pieno di meraviglia) // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 150–153. DOI: 10.31857/S0869544X0015002-5.

Br. Balloch. Lights on the windows: our world is full of wonders.

© 2021. M.V. Yasinskaya

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russian Federation)

marusiaya@gmail.com

The reported study was funded by the Russian Science Foundation, project number 20-78-10030 “The language and cultural contact during the social transformations among the national minorities in Alpine-Pannonian region” (project leader Gleb P. Pilipenko)

For citation: Yasinskaya M.V. Br. Balloch. Lučice na oknah: naš sviet pouan naposebnosti (il nostro mondo pieno di meraviglia) // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie*. 2021. No. 3. Pp. 150–153. DOI: 10.31857/S0869544X0015002-5.

В наши дни, когда под влиянием глобализации сглаживаются локальные, диалектные различия в языках и традициях, выход книги на диалекте каждый раз является огромным событием как для носителей этого диалекта и языка, так и для всего научного сообщества, занимающегося изучением данного языка. Тем более это событие значимо для терского наречия словенского языка. Терский диалект — один из самых западных словенских диалектов, он распространен в Терской долине (Valli del Torre). Его описал

известный словенский лингвист Ф. Рамовш, ему также посвящали свои работы Т. Логар, П. Мерку, исследование этого говора начинал еще И.А. Бодуэн де Куртенэ [1; 2]. В настоящее время изучением данного диалекта занимаются Р. Дапит, Д. Зульян Кумар, М. Шекли, Я. Ежовник. На нем говорит немногочисленная группа словенского автохтонного населения в долине реки Торре в Италии (Венецианская Словения). Венецианская Словения (Фриульская Словения) (слн. *Benečija*, *Beneška Slovenija*, *Slavia*

Friulana) — историческое название области компактного проживания этнических словенцев на территории современной Италии в провинции Удине, прилегающей к итальянско-словенской границе. Судьба словенских диалектов на территории Италии на протяжении всего их существования была непростой. С одной стороны, они всегда находились в зоне влияния и воздействия соседствующих романских языков — итальянского и фриульского. С другой стороны, социолингвистическая ситуация на этих территориях была крайне неблагоприятной по отношению к словенским диалектам, особенно она обострилась в период фашизма, когда пришедшие к власти итальянские националисты пытались полностью уничтожить словенский язык и словенскую идентичность [3]. Тем более удивительно, что один из редких словенских диалектов приморской группы сохранился и поддерживается его носителями до сих пор, примером чему является рецензируемая книга.

Труд Бруны Балок, вышедший в 2018 г. в Чивидале-дель-Фриули (слн. *Cedad*) при поддержке Культурного общества «Иван Тринко» под заглавием «Огоньки на окнах: наш мир полон чудес» стал второй книгой автора. Первая ее книга — «Молодая липа» — была издана в 2010 г. [4]. Бр. Балок, много лет трудившаяся учителем в пограничных селах Венецианской Словении, посвятила более двадцати лет собиранию сказок, легенд, мифологических рассказов, поверий, обычаев, записывая интервью среди словенского населения Терской долины не только в своем родном селе Субит (слн. *Subid*), но и на всей территории долины реки Торпе от Масаролис (слн. *Mažerole*) до Проссенико (слн. *Prosnid*) и Лузеверы (слн. *Bardo*), где распространен терский диалект, соседствующий с надижским наречием. Аналогичный сборник, посвященный мифологическим рассказам и поверьям жителей долины реки Натизоне, был издан в 2011 г. А. Томазетич [5], поэтому теперь, с выходом в свет новой книги Бр. Балок, исследователи получили уникальную возможность сравнить сюжеты и тексты, записанные в соседних диалектных зонах (надижской и терской) и безусловно имеющие много сходных черт.

В работе над книгой приняли участие известные специалисты в области словенских диалектов данной языковой зоны — профессор университета в Удине Р. Дапит и профессор Д. Зульян Кумар из Института словенского языка им. Франа Рамовша при научно-исследовательском центре Словенской академии наук и искусств (Любляна). Им принадлежат две вводные статьи, первая из которых касается принципов публикации, классификации материалов, в ней также дается характеристика

их культурной и этнографической ценности (Р. Дапит) (s. 16–37), а во второй содержится краткое описание терского диалекта и объяснены особенности фонетической передачи текстов, включенных в книгу (Д. Зульян Кумар) (s. 38–53). Особая задача составителей и редакторов состояла в том, чтобы разработать наиболее адекватные принципы записи диалектных текстов. Поскольку книга все же рассчитана не только на специалистов-диалектологов, но и на широкий круг читателей, целью было как можно точнее отразить фонетические особенности диалекта, не прибегая к фонетической транскрипции.

Цель рецензируемой книги заключалась прежде всего в том, чтобы привлечь внимание жителей западной Венецианской Словении к духовной традиции их предков, показать им, носителями какого богатого культурного наследия они являются. Другой целью, которую преследовали составители, было сохранение и продвижение словенского языка в его диалектном (терском) варианте, чему должен был способствовать, в том числе, двуязычный принцип публикации (см. на s. 55 таблицу, разъясняющую италияязычному читателю, как читаются/произносятся те или иные словенские буквы/звуки).

Таким образом, весь материал, представленный в книге на терском диалекте, снабжен параллельным итальянским переводом, что позволяет пользоваться книгой более широкому кругу читателей (к сожалению, младшее поколение местных жителей не всегда владеет диалектом или же имеет недостаточную компетенцию в словенском языке, в отличие от представителей старшего поколения, к которому относится собирательница текстов Бр. Балок). Всего в книгу вошло 172 текста с параллельными переводами (при этом перевод на словенский литературный язык не дается). В конце тома помещен указатель, где содержится пронумерованный двуязычный список заглавий всех текстов, для каждого текста указывается место записи и информант, от которого он был записан (к сожалению, не приводятся годы рождения информантов). Если исполнитель происходит из населенного пункта, отличающегося от места записи, это тоже документируется. Кроме новых материалов, собранных в последние годы, которые составляют основную часть данного собрания, в него также вошли тексты из предыдущей книги, «Молодая липа» (они были записаны, в основном, в родном селе Бр. Балок — Субите), а также тексты, выходившие отдельными брошюрами в качестве приложений к ежегоднику «Тринков календарь» (1997–2008).

Р. Дапит указывает на то, что при группировке текстов составители сознательно не использовали

систему классификации по международным указателям (некоторые отсылки к указателю Аарне–Томпсона [6] он дает во вступительной статье к настоящей книге), однако тексты были сгруппированы согласно тематическому и частично жанровому принципу. Таким образом, в книге можно найти десять разделов: 1) сказки о животных (№ 1–3); 2) сказки и этимологические легенды (№ 4–16); 3) легенды о святых и праведниках (№ 17–32); 4) смешные истории и анекдоты (№ 33–44); 5) рассказы о мифологических персонажах (№ 45–82); 6) духи, демоны и привидения (№ 83–117); 7) верования (№ 118–136); 8) атмосферные явления (№ 137–147); 9) народная медицина (№ 148–154); 10) обряды и обычаи (№ 155–172). Даже беглого взгляда на указатель достаточно, чтобы увидеть: большая часть текстов в жанровом отношении — это мифологические рассказы и поверья о демонических существах, они содержатся, в основном, в пятом и шестом разделах книги и составляют в общей сложности 72 текста, тогда как, например, на сказки и этимологические легенды приходится всего 16 текстов, еще меньше в собрании Бр. Балок анекдотов (11 текстов) и рассказов об атмосферных явлениях (10 текстов).

Ряд текстов в собрании носят универсальный характер (например, сказки о животных), другие же обладают уникальной локальной спецификой, в них содержатся реалии, имеющие географическую привязку к указанному региону. Это касается, прежде всего, местных легенд и преданий. Например, легенды о том, как Бог основал Субит (№ 14), или легенды о явлении Божией Матери в окрестностях села Порзус (слн. *Porčinj*) (№ 31). Центральную, наиболее ценную часть собрания составляют мифологические рассказы и поверья, которым посвящены пятый и шестой из указанных разделов. Среди них есть достаточно редкие тексты — например, посвященные мифологическому персонажу *бенаданту* (*benadant, beladant, balavant, bolovantar* и др.), известному в Словении как *кресник* (№ 45). Также есть мифологические рассказы о диких женах (*dijuje žene*), известных в долине реки Натизоне как *krivopete*, в Резии как *dujačese* (№ 46, 50); торках (*torke*) — женских демонах, прядущих по ночам и пожирающих людей (№ 48–49); гномах (*šket, škarific*) — мифологических существах, пугающих детей, гонящих коней в стойле и заплетающих им гривы, сбивающих путников с дороги (№ 58, 59, 62–65 и др.); морé (*morà*) (№ 77), штриях (*štrije*) (№ 78–79). Также в собрании Бр. Балок встречаются рассказы о черной книге (№ 80–81), василиске (зооморфном существе, совмещающем в себе внешние признаки кота, петуха и змеи с красными горящими глазами) (№ 76) и др.

Остальные рубрики содержат не столь богатый материал (видимо, собиратель не ставил перед собой задачу записать именно этих сведений, поэтому они носят скорее случайный характер). Например, под рубрикой «обряды и обычаи» помещен народный календарь, а именно, в текстах упоминаются такие праздники, как Рождество, Новый год, День мертвых, День св. Петра и Павла, День св. Ивана; а также некоторые сведения об обрядах семейного цикла. Среди последних похороны, обычаи бдения при покойнике и некоторые другие. К сожалению, данный раздел крайне фрагментарный, он содержит лишь отрывочные сведения об обрядах как календарного, так и семейного циклов (например, если говорить о календаре, нет ни одного рассказа о Пасхе, а что касается семейных обрядов — отсутствует информация о свадьбе, немногие имеющиеся рассказы касаются лишь похоронных и поминальных обычаев). Хотелось бы обратить внимание и на относительную условность избранной составителями разбивки на разделы, так как некоторые из текстов можно поместить сразу в несколько разделов.

Издание снабжено иллюстрациями — старыми фотографиями из семейных альбомов. К сожалению, отсутствуют подписи к фотографиям, и читателю остается лишь гадать о том, где и когда они сняты и кто на них изображен.

Несмотря на несущественные мелкие замечания, значение книги Бруны Балок невозможно переоценить. Книга окажется полезной не только для местных жителей, носителей терского диалекта и желающих его вспомнить, углубить свои знания или даже освоить язык предков, но и для всех специалистов, изучающих диалекты словенского языка, особенно его приморской группы. Сборник может послужить материалом для дальнейших исследований, и такие работы уже появляются (см., например, [7]), а также для исследователей традиционной духовной культуры, верований и обычаев словенцев, славян и вообще европейцев, поскольку Венецианская Словения представляет собой уникальный регион — своего рода перекресток культур на славяно-романском пограничье.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Бодуэн де Куртене И.А. Материалы для южнославянской диалектологии и этнографии. II. Образцы языка на говорах Терских Славян северо-восточной Италии. СПб., 1904.

2. *Spinozzi Monai L.* II Glossario del dialetto del Torre di Jan Baudouin de Courtenay. Udine, 2009.
3. *Parovel P.* Izbrisani identitet. Nasilno potlajančivanje prezimena, imena i toponima u «Julijskoj Krajini», od 1919. do 1945., sa spiskovima iz Tršćanske, Goričke i Istarske pokrajine, te prvih 5.300 dekreta. Pula, 1993.
4. *Balloch B.* Mlada lipa: pravece domah narete: izbor besedil iz publikacije Mlada lipa/ testi scelti dalla pubblicazione Mlada lipa. Besedilo v slovenskem narečju iz Subida v Terskih dolinah in ital. ter delno tudi v slov. / Ur.R. Dapit, L. Trusgnach, D. Zuljan Kumar. Cividale del Friuli, 2010.
5. *Tomasetig A.* Od Idrije do Nediže (Dal Judrio al Natisone). Udine, 2010.
6. *Aarne A., Thompson S. Uther H.-J.* The Types of International Folktales. A Classification and Bibliography. Helsinki, 2004.
7. *Zuljan Kumar D.* Tersko narečje v knjigi Lušice na oknah Brune Balloch // Izvestje raziskovalne postaje ZRC v Novi Gorici. 2018. V. 15.

Славяноведение, 2021, № 3, с. 154–156

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 3, pp. 154–156

DOI: 10.31857/S0869544X0014972-2

Рецензия / Book Review

Н.В. Якавенка. Мастоцкі пераклад з роднасных моў у гісторыі беларускай літаратуры. Н.В. Яковенко. Мінск, 2019. 357 с.

Н.В. Яковенко. Художественный перевод с родственных языков в белорусской литературе.

© 2021 г. М.А. Ламм

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская федерация)

lamm.maria@yandex.ru

Ссылка для цитирования: Ламм М.А. Н.В. Якавенка. Мастоцкі пераклад з роднасных моў у гісторыі беларускай літаратуры // *Славяноведение*. 2021. №3. С. 154–156. DOI: 10.31857/S0869544X0014972-2.

N.V. Yakovenko. Literary translation from related languages in the history of Belarusian literature.

© 2021. M.A. Lamm

lamm.maria@yandex.ru

For citation: Lamm M.A. Н.В. Якавенка. Мастоцкі пераклад з роднасных моў у гісторыі беларускай літаратуры // *Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences* = *Slavyanovedenie*. 2021. No. 3. Pp. 154–156. 10.31857/S0869544X0014972-2.

Монография Н.В. Яковенко «Художественный перевод с родственных языков в истории белорусской литературы» посвящена одной из наиболее насущных проблем современного белорусского гуманитарного знания. В книге рассматривается специфика перевода с родственных языков, его изменения на протяжении нескольких столетий в культурной ситуации мультилингвизма, предпринята попытка проследить особенности развития переводческой практики в XVI–XXI вв. Исследователь затрагивает в первую очередь проблемы перевода между белорусским и русским, польским и украинским языками, наиболее подробно рассматриваются особенности русско-белорусских и белорусско-русских переводов по причине их количественного преобладания. Упоминаются и переводы между другими славянскими языками. Предпринята инте- ресная попытка обобщить и систематизировать

накопленный переводчиками опыт. Актуальная для белорусской филологической науки, эта книга также очень важна для соседних стран, где довольно сложно вообразить себе особенности восприятия художественного текста в поликультурной и полиязыковой среде. Монография состоит из Введения, трех глав основной части – «История и теория художественного перевода», «Философские вопросы художественного перевода», «родственный литературный диалог: романы В. Короткевича, Р. Иванчука, М. Булгакова в сопоставлении оригинальных и переводных текстов», Заключение и приложений. Осмысление специфики художественного перевода между близкородственными языками является одним из наиболее актуальных вопросов белорусской словесности, что обусловлено большим количеством таких переводов: 1/3 всех переводных текстов, причем 2/3 от этого количества – переводы

с языков ближайших соседей. Прослеживается динамика изменения подобных переводов. Исследователь отмечает, что в начале XXI в., в отличие от ситуации в XX в. «на первом месте не русско-белорусский перевод, а польско-белорусский, как в XIX в.» (с. 43), на третьем месте — украинско-белорусские переводы. При этом белорусские тексты переводятся в первую очередь на русский или украинский язык и значительно реже издаются в Польше, что определило выбор исследуемого материала: автор подробно анализирует переводы романов трех восточнославянских писателей — В. Короткевича, Р. Иванчука и М. Булакова. Переводы текстов польской литературы на белорусский язык в монографии не анализируются, но рассматриваются некоторые особенности перевода белорусских авторов на польский язык.

Развитие национальной литературы в тесном контакте с литературами соседних стран, сильная вовлеченность белорусских авторов и читателей в польскую, русскую и советскую литературную жизнь существенно ослабляло позиции национальной литературы. Исторически белорусская литература развивалась в тесном контакте с польской и русской, нередко языки соседних народов становились языками художественного слова и для белорусских писателей. Процесс перевода, таким образом, может восприниматься как процесс возвращения национальной литературы. Н. Яковенко приводит в качестве примера слова переводчицы польской литературы XIX в., которая «образно охарактеризовала задачу своей переводческой работы как возвращение национального духовного богатства XIX в. белорусской литературе XXI в.» (с. 61). Такое восприятие связано со спецификой белорусского литературного процесса, где даже в XX в. многие произведения белорусской литературы выходили сперва в переводе на русский или польский языки и лишь потом на языке оригинала.

Специфическая культурная ситуация билингвизма (а временами и мультилингвизма) определила особые требования к специфике художественного перевода, своеобразие творческих задач. Исследователь подчеркивает, что «перевод с белорусского на любой другой язык ориентирован прежде всего на “неэрудированного читателя” [...] для которого перевод является прототекстом», в то же время перевод с русского и зачастую с польского языков ориентирован «на “эрудированного читателя”, для которого перевод является метатекстом» (с. 45). Читатель, хорошо знакомый с текстом оригинала, обладает большим горизонтом ожиданий в отношении перевода, т.е., с одной стороны, перевод не должен противоречить оригиналу, но с другой — предъявляет высокие требования

к эстетическому уровню переводимого текста, поскольку «художественный перевод ценен тем, что активизирует познавательные процессы литературы — расширяет пространство осмысления доступных авторам проблем, понимание созданных ими образов, выявляет неизвестные раньше как для культуры-реципиента, так и для культуры оригинала значения, смыслы, художественные возможности. Такая активизация происходит всегда, особенно если перевод осуществляется в ситуации билингвизма» (с. 203).

Художественный перевод в поликультурном пространстве решает сразу несколько задач, не только филологических, но и общественно-политических. Во-первых, это проблема художественного развития литературного языка, поскольку «белорусский язык имеет богатую, но прерванную письменную традицию, что повлияло на создание народно-разговорной, а не книжной основы литературного языка» (с. 61). Перевод отвлеченных философских рассуждений, естественный для языков с непрерывной письменной традицией, становится проблематичным в ситуации, когда аналогичный пласт лексики в корпусе национального языка отсутствует, перед переводчиком возникает сложная задача избежать креолизации текста (с. 62). Во-вторых, художественный перевод как один из важнейших способов межнациональной коммуникации в ситуации исторически тесных социокультурных связей между народами может способствовать развитию взаимопонимания или усугублению межнациональных противоречий. Исследователь отмечает, что «перевод с родственных языков помогает лучше понимать своих ближайших соседей, однако он же может и испортить взаимоотношения» (с. 85). Переводчик с близкородственных языков, таким образом, может быть вовлечен в решение задач внеэстетического характера, поскольку «несоответствие переводного текста идейно-тематическим особенностям оригинала может привести к непреодолимой эстетической дистанции не только между оригиналом и переводом, автором и читателем, но и между литературными» (с. 276).

Возникновение традиции литературного перевода на белорусский язык связано с переводом Библии Франциском Скориной в XVI в., однако традиционная школа художественного перевода, по мнению исследователя, складывается главным образом в советский период, чем в значительной мере обусловлена специфика рассматриваемых в монографии проблем: большое внимание исследователь уделяет авторскому и авторизованному переводу, который был особенно распространен в белорусской литературе XX в. Различия между белорусскими

и русскими текстами в советский период — очень интересная проблема, которая сегодня еще в должной мере не исследована. В частности — значительные сокращения в авторизованных переводах, «некоторые из них можно назвать переводческой интерпретацией оригинала, а другие, и их большинство, с уверенностью считать проявлением воли автора» (с. 75). Некоторые сокращения, безусловно, были обусловлены цензурными требованиями, о чем, в частности, писал В. Быков в книге «Долгая дорога домой» [1]. Другие сокращения в авторских и авторизованных переводах могут быть спецификой «существования литературного произведения на границе двух культур», где «авторский текст переосмысливается переводчиком и через его тезаурус перерождается в иноязычный вариант, который существует отдельно от автора и его читателя и адресован переводчиком исключительно своему читателю» (с. 201). Даже в том случае, когда переводчиком выступает сам автор, он адаптирует текст под иноязычную аудиторию, которая обладает другим культурным опытом и эстетической традицией. Подобные расхождения встречаются и в переводах белорусских текстов на русский язык [2].

В Заключении автор еще раз подчеркивает огромное значение белорусско-русских

и русско-белорусских переводов для развития национальной культуры и корпуса национального языка. Такой перевод принципиально отличается от перевода с любого другого иностранного языка, поскольку становится для «эрудированного читателя» метатекстом (с. 272), т.е. не просто переосмыслением художественного произведения в категориях национальной культуры, но и своеобразным переосмыслением этих категорий, поскольку находки и решения переводчика могут оценить читатели, хорошо знакомые с оригиналом. Исследователь подчеркивает, что «практика русско-белорусского художественного перевода показывает, что он, как ни парадоксально, был и остается одним из наиболее актуальных» (с. 8), даже в условиях, когда белорусско-русский билингвизм вытесняется русским молилингвизмом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Быков В. В.* Долгая дорога домой. М.; Минск, 2005.
2. *Ламм М. А.* Город и деревня в миниатюрах Сократа Яновича: развитие модели взаимоотношения // *Славяноведение*. 2020. № 5.

ЮБИЛЕИ

Славяноведение, 2021, № 3, с. 157–158

Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences, 2021, № 3, pp. 157–158

К юбилею Владимира Антоновича Дыбо

© 2021 г. И.С. Пекунова

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Российская Федерация)

irapek@gmail.com

Ссылка для цитирования: Пекунова И.С. К юбилею Владимира Антоновича Дыбо // *Славяноведение*. 2021. № 3. С. 157–158.

For the anniversary of Vladimir Antonovich Dybo

© 2021. I.S. Pekunova

Russian State University for the Humanities

irapek@gmail.com

For citation: *Pekunova I.S. For the anniversary of Vladimir Antonovich Dybo // Slavic Studies. Journal of Russian Academy of Sciences = Slavyanovedenie*. 2021. No. 3. Pp. 157–158.

Памятную заметку к 90-летию юбилею выдающегося отечественного ученого, академика РАН Владимира Антоновича Дыбо в этом году выпало составить нам — его ученикам. Конечно, наш взгляд — совсем иной, чем у ближайших коллег и собеседников. Но, возможно, именно с большего расстояния яснее настоящий масштаб. Ведь огромная, похожая, особенно с точки зрения студента, на бескрайний океан, эрудиция (охватывающая, заметим в скобках, далеко не только языкознание) и в то же время детальное, можно даже сказать, интимное знакомство с представляющимися подчас «бесконечно малыми» подробностями и нюансами индоевропеистики (а часто и других языковых ветвей) — завораживают, вдохновляют, радуют, вызывают на разговор тех, кто к такому разговору готов, но... могут немного отвлечь внимание от того искрящегося чистого света, для которого все это многообразное знание служит своего рода топливом. Эти-то искры, быть может, и виднее студенту. В самом деле, даже не слишком любознательный школьник способен оценить абсолютную, кристальную ясность системы акцентных маркировок морфем, а ученик чуть более любознательный не может не восхититься, обнаружив воплощение этой системы на Западном Кавказе [1] или в Центральной Сахаре [2], и не ухватиться за нее как за единственный якорь перед лицом удивительных вопросов «Единого госэкзамена», посвященных русскому ударению. Если же ученик — студент, тем более славист, то без спасательного круга маркировок лучше ему не выходить ни в море, ни даже в озера литературы по исторической грамматике славянских просодий. И не только потому, что он утонет. Иной, может быть, и выкарабкается. Но такое путешествие, конечно, будет подобно освоению Марса на воздушном шаре...

Говоря более академическим языком — современные акцентологические исследования индоевропейских языков без учета механизма маркировок, а в случае славянских языков — без прямой опоры на акцентную грамматику, разработанную В.А. Дыбо для праславянского уровня, невозможны. Свидетелем тому — прежде всего А.А. Зализняк, первым проложивший русло исторической акцентологии русского языка и не раз подчеркивавший, что вне названной концепции славянского ударения этого сделать не удавалось [3].

И — как всегда для лингвиста — наиболее вдохновляющим и ошеломляющим свидетельством успеха теории служит обнаружение предсказанных этой теорией вполне конкретных, так сказать «живых», материальных моделей. Как Соссюр, а за ним Курилович «вычислили» хеттские ларингалы, так В.А. Дыбо «вычислил» африканские тоны!

Конечно, величественная по своей стройности и простоте акцентологическая теория представляется главным, замечательным делом всей научной жизни Владимира Антоновича. Однако океан есть океан — он омывает все окружающие лингвистические берега — прежде всего, конечно, балтийские, и в целом индоевропейские, дальше и шире — ностратические. Конечно, невозможно было бы для В.А. Дыбо не стать ювелирным мастером в области морфонологии и фонетики, но не меньше его интерес и любовное внимание к тонкостям палеографии, культурной истории, исторической семантики. Рассказы о приключениях рукописей и детективные истории раскрытия деталей полиграфической техники, экспедиционные анекдоты и лингвистические казусы письменной и устной речи советских граждан — одним словом, лекции по акцентологии и сравнительной грамматике никак нельзя было назвать монотонными!

И, наконец, что еще очень важно — даже, думается, важно прежде всего — это бесконечное уважение и внимание Владимира Антоновича не только к акцентным знакам (хотя и к ним тоже!), но в первую очередь к людям, как предшественникам, так и ученикам, к информантам и к случайным попутчикам, к согласным и к противящимся. Владимир Антонович никогда не равнодушен. Он может не соглашаться, возмущаться, спорить, не понимать, но всегда другие — люди ли то, явления, или факты — для него важны, можно сказать, заманчивы. Потому и открываются в ответ!

С огромной радостью и благодарностью мы поздравляем Владимира Антоновича с величественной датой 90-летия и желаем ему — и себе самим с ним рядом — и еще многих и благих лет жизни, новых встреч и новых открытий!

От лица студентов и вольнослушателей разных лет

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Дыбо В.А. Морфонологизованные парадигматические акцентные системы. Типология и генезис. М., 2000. Т. I; Дыбо В.А. Западнокавказская акцентологическая реконструкция // Лингвистическая компаративистика в культурном и историческом аспектах. М., 2007.
2. Дыбо В.А. Просодическая система тубу (группа теда-канури) — начало трансформации тоновой системы в систему парадигматического акцента? // Африканское историческое языкознание. Проблемы реконструкции. М., 1987.
3. Зализняк А.А. От праславянской акцентуации к русской. М., 1985.

Памяти Михаила Абрамовича Бирмана (1919–2020)

© 2021 г. Т.В. Волокитина

Институт славяноведения РАН
(Москва, Российская Федерация)

tanyaslav@rambler.ru

Remembering Mikhail Abramovich Birman (1919–2020)

© 2021. T. V. Volokitina

tanyaslav@rambler.ru

13 октября 2020 г. не стало доктора исторических наук Михаила Абрамовича Бирмана, известного советского, российского и израильского ученого-слависта и балканиста, признанного исследователя истории Болгарии и российской эмиграции.

Судьба отмерила Михаилу Абрамовичу долгий жизненный путь, отмеченный военными испытаниями и напряженным исследовательским трудом. Он родился 10 октября 1919 г. в старинном городе Овруче на Волыни (ныне Житомирская область Украины), но вскоре, в 1920 г., семья переехала в Москву, где отец, учитель по профессии, устроился на работу бухгалтером. В 1937 г. после окончания московской средней школы № 146 Михаил Абрамович поступил на исторический факультет МГУ. В предвоенные годы на истфаке был сосредоточен едва ли не весь цвет советской исторической науки. Там читали лекции, вели семинарские занятия и руководили дипломниками А.В. Арциховский, Б.Д. Греков, И.Д. Удальцов, С.П. Толстов, Н.М. Дружинин, Б.А. Рыбаков, В.И. Пичета, А.М. Панкратова... Занимаясь в семинарах крупнейших историков С.В. Бахрушина и В.М. Хвостова, Михаил Абрамович прошел хорошую научную школу. Именно в семинаре по истории международных отношений, руководимом Владимиром Михайловичем Хвостовым, была написана первая студенческая работа «Россия и образование Балканского союза 1912 г.». Она стала для Михаила Абрамовича знаковой, определив стойкий интерес к истории южнославянских стран и народов, к Балканскому региону. Основное место среди его исследовательских пристрастий заняла Болгария. Не случайно для коллег-историков имя М.А. Бирмана прочно связано со становлением отечественной исторической болгаристики.

Учебу в университете студент Бирман в 1939–1940 гг. совмещал с преподаванием истории в одной из московских школ, а будучи активным и ответственным комсомольцем, руководил группой докладчиков и сам был лектором и членом комиссии по агитации и пропаганде Краснопресненского райкома ВЛКСМ.

О начале Великой Отечественной войны М.А. Бирман в автобиографии, хранящейся в его личном деле, напишет позднее скупое, одной фразой: «30 июня по призыву ЦК ВЛКСМ уехал по спецзаданию». Можно лишь предположить, что студента-выпускника привлекли к работе с молодыми призванными, направлявшимися по комсомольской мобилизации 1941 г. в армию и на трудовой фронт. Им предстояло пройти и политическую подготовку. В сентябре 1941 г. М.А. Бирман был отозван в Москву для сдачи госэкзамена и получения диплома об окончании МГУ, после чего получил направление на работу в Кировскую область: в одной из школ Кирово-Чепецка преподавал историю в 10-х классах. В мае 1942 г. был мобилизован в Красную Армию и направлен в 1-е Московское пулеметное училище; там курсант Бирман был комсоргом роты. А 14 декабря 1942 г. командир

отделения взвода противотанковых ружей 19-й гвардейской стрелковой дивизии 3-й ударной армии Калининского фронта гвардии рядовой Михаил Бирман совершил свой воинский подвиг.

В прилагаемом к наградному листу описанию говорилось:

«Во время боя под г. Новоскольникови (Псковской области) при отражении танков противника в отделении, которым командовал т. Бирман М.А., осталось всего два человека. Тов. Бирман лично вел огонь по вражеским танкам, при этом 1 танк был зажжен огнем ПТР. После этого немецкие десантники, находившиеся на танке, открыли огонь из автоматов, в результате чего гв. рядовой Бирман получил тяжелое ранение в оба бедра и находился в бессознательном состоянии на поле боя в ночь с 14 на 15 декабря 1942 г., вследствие чего обе ноги были отморожены...» (ЦАМО. Ф. 33. Оп. 744809. Ед. хр. 76. Л. 14).

В госпитале ноги удалось спасти. Молодой организм справился и с полученной тяжелейшей контузией, но после длительного лечения на фронт Михаил Абрамович уже не вернулся. В марте 1943 г. он был демобилизован из рядов РККА, а награда — Орден Красной Звезды — была вручена ему уже после войны, в мае 1951 г.

Начались годы учебы и становления М.А. Бирмана как профессионального историка. Сам ученый вспоминал, что в то время его очень интересовала работа сектора славяноведения Института истории АН СССР, руководителем которого был Владимир Иванович Пичета. М.А. Бирман бывал на заседаниях сектора, а позднее по приглашению университетских однокашников Г.Э. Санчука и В.Д. Королюка участвовал в знаменитых «пичетниках» — неформальных семинарах аспирантов и молодых ученых. Проходившие дома у В.И. Пичеты семинары сыграли, без преувеличения, огромную роль в подготовке кадров историков-славистов, многие из которых впоследствии стали сотрудниками созданного в 1947 г. Института славяноведения. Одновременно в 1944–1947 гг. М.А. Бирман проходит обучение в аспирантуре Института мирового хозяйства и мировой политики АН СССР по специальности «Экономика и политика балканских стран». По-прежнему немало времени уделяя общественной работе, он являлся пропагандистом Киевского райкома ВКП(б). В июле 1945 г. вступил в партию.

В конце 1940-х годов много сил М.А. Бирман отдавал педагогической работе — сначала, с января 1948 г., как внештатный преподаватель кафедры истории южных и западных славян истфака МГУ, а с сентября 1949 г. — как старший преподаватель кафедры. Тематика лекций и спецкурсов — новая и новейшая история Болгарии, болгарское национальное возрождение, история рабочего и социалистического движения в стране. Весной–осенью 1948 г. М.А. Бирман, не прерывая преподавательской работы, трудится в исторической редакции Госиноиздата (так тогда именовалось Издательство иностранной литературы) в должности старшего редактора. Этот этап в трудовой биографии Михаила Абрамовича не был случайным. Поскольку основным источником иностранной литературы в те годы были трофейные книги из воевавших против СССР стран — Германии, Болгарии, Венгрии, Румынии, Госиноиздат остро нуждался в специалистах, знакомых с культурой и языками этих стран.

В 1951 г. М.А. Бирман зачислен в штат Института славяноведения АН СССР. В ноябре 1952 г., в Институте истории АН СССР защищена кандидатская диссертация «Революционный кризис в Болгарии в 1918–1919 гг.». В 1957 г. написанная на основе материалов диссертации монография «Революционная ситуация в Болгарии в 1918–1919 гг.» вышла в свет.

В Инславе М.А. Бирман сразу же включился в подготовку коллективных обобщающих трудов — двухтомных «Истории Болгарии» и «Истории Югославии», монографии «Участие трудящихся зарубежных стран Европы в Октябрьской революции и гражданской войне в СССР». Вклад Михаила Абрамовича в эти труды, ставшие «визитной карточкой» Института, был значительным: ему принадлежит авторство глав, посвященных развитию Болгарии и Югославии в период Балканских и Первой мировой войн, влиянию Октябрьской революции в России на подъем революционного движения в этих странах, деятельности правительства БЗНС и Сентябрьскому восстанию 1923 г. в Болгарии. Анализ ключевых событий болгарской истории первой трети XX в. на основе тщательного изучения документальных источников получил высокие оценки специалистов в нашей стране и за рубежом: положительные рецензии поместили ведущие профильные журналы «Новая и новейшая история» и «Исторически преглед». А за «Историю Болгарии» авторский коллектив в декабре 1955 г. был награжден премией Президиума АН СССР. И в дальнейшем ни один институтский коллективный труд по истории Центральной и Юго-Восточной Европы не обходился без участия Михаила Абрамовича. Среди них — «Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран — участники борьбы за власть Советов», «В.И. Ленин и образование коммунистических партий в странах Центральной и Юго-Восточной Европы», ««Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы», «Краткая история Болгарии», «За балканскими фронтами Первой мировой войны» и др. Авторитетного ученого охотно приглашали для написания коллективных работ и другие академические институты: ему принадлежат главы в трудах Института истории АН СССР

«История Второго Интернационала» и Института всеобщей истории АН СССР «Международное рабочее движение. Вопросы теории и истории».

Изучение проблем социал-демократии и болгарского «теснячества» логично подвело ученого к новой проблематике — истории болгарского рабочего класса. Одним из первых обратившись к переписям населения 1900 и 1905 гг., М.А. Бирман изучал структуру и численность рабочего класса, состояние «рабочего вопроса» в Болгарии в 1878–1923 гг. Полученные результаты и выводы он изложил в ряде обстоятельных статей на страницах советских и болгарских научных журналов, а в 1980 г. была успешно защищена докторская диссертация «Формирование и развитие болгарского пролетариата как социально-политической силы (80-е годы XIX в. — 1923 г.)». Ее материалы легли в основу монографии «Формирование и развитие болгарского пролетариата. 1878–1923 гг.» (1980).

Важное место в научной деятельности М.А. Бирмана занимала подготовка документальных публикаций. Входя в Главную редакцию трехтомника «Советско-болгарские отношения и связи. 1917–1969 гг.», Михаил Абрамович был одним из редакторов, составителем и автором научных комментариев I тома, а в фундаментальном трехтомном издании «Россия и болгарское национально-освободительное движение. 1856–1876 гг.» — заместителем главного редактора, составителем, автором комментариев и предисловия.

Обширные знания, эрудиция, доброжелательность и готовность помочь отличали научно-организационную деятельность М.А. Бирмана. С 1958 по 1963 г. Михаил Абрамович — неизменный ответственный секретарь периодического издания «Краткие сообщения Института славяноведения АН СССР», бывшего фактически главным печатным органом славяноведов (журнал «Советское славяноведение» начал издаваться в 1965 г.). При непосредственном участии Михаила Абрамовича были подготовлены и вышли в свет 16 выпусков (№ 23–38).

Историки старших поколений знают о такой сфере научной деятельности, как подготовка справочных и аналитических материалов для политического руководства страны («инстанций») по актуальным и острым вопросам истории, международных отношений, состоянии исторической науки в изучаемых странах и пр. Эта работа Михаила Абрамовича неоднократно отмечалась в отчетах Инслава и научных характеристиках ученого.

Переломными стали для М.А. Бирмана 1990-е годы. Нелегко далось ему решение о связанном с семейными обстоятельствами переезде в Израиль. В 1992 г. семья обосновалась в г. Ашдод в 40 км от Тель-Авива. Размышляя о своих научных перспективах, Михаил Абрамович решил сосредоточиться на эмигрантоведении. В России, Германии, Болгарии, Румынии, Польше, США, на Украине выходят его статьи о российских интеллектуалах П.Н. Милокове, М.М. Карповиче, С.И. Штейне и, конечно, об историке, литературоведе, филологе, искусствоведе, социологе Петре Михайловиче Бицилли. Долгое время на родине его почти не знали, а если и упоминали, то, как правило, в негативном плане. О деятельности Бицилли — профессора Софийского университета М.А. Бирман узнал в середине 1960-х годов от Христо Н. Гандева, известного болгарского специалиста по Средневековью и раннему Новому времени, ученика Бицилли. Личность и творчество Бицилли заинтересовали ученого. Регулярно, иногда несколько раз в неделю, Михаил Абрамович, уже имея немалые проблемы со здоровьем, отправлялся из Ашдода в Тель-Авив для работы в библиотеке. Собирая по крупицам материалы и создавая фактически жизнеописание своего героя, Михаил Абрамович стал тонким знатоком и горячим поклонником его творчества, превратился, как он в шутку говорил, в «бициллиоведа». Эта увлеченная работа ученого и ее научное значение были отмечены: М.А. Бирман получил исследовательский грант Тель-Авивского университета. Результатом двадцатилетнего упорного труда явилось первое в историографии обобщающее исследование «П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество» (2018), которое уже получило высокие оценки специалистов и, несомненно, еще не раз привлечет внимание гуманитариев. Известный болгарский библиограф А. Куманова в рецензии на книгу дает ей такую оценку: «Уникальный первый обобщающий монографический труд об уникальном Бицилли — дело уникального Бирмана». Наверно, точнее не скажешь...

Михаил Абрамович отличался необыкновенной скромностью. Никогда не рассказывал о военной поре, не кичился научными достижениями. Может, только в институтском отделе кадров знали, что М.А. Бирман — кавалер трех орденов, в том числе и болгарского ордена Кирилла и Методия I степени, и девяти советских и болгарских медалей.

Горько сознавать, что закончен земной путь дорогого коллеги, замечательного профессионала, эрудированного, интеллигентного и глубоко порядочного человека. Таким был Михаил Абрамович Бирман. Светлая память!

ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ ГАУГН

НА БАЗЕ ИНСТИТУТА ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ РАН

БАКАЛАВРИАТ

История
Культурология
Археология

МАГИСТРАТУРА

Модели всемирной истории
Культура массовых
коммуникаций

АСПИРАНТУРА

История
Культурология

Комплексные образовательные программы разработаны специалистами исторического факультета с учетом последних научных достижений и современных общемировых тенденций.

В основе образовательного процесса — современные технологии обучения, направленные на развитие мышления и творческого потенциала личности, достижение успеха в профессиональной среде.

Студенты исторического факультета с первого курса погружаются в мир академической науки, слушают лекции ведущих российских ученых с мировыми именами и сами участвуют в научных мероприятиях. В программу, помимо обязательных курсов, предусмотренных федеральными стандартами, включены уникальные авторские учебные курсы.

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

ВЫДАЮЩИЕСЯ ПРЕПОДАВАТЕЛИ

Ученые из научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, член-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ ПОДХОД

Мы не набираем на курс более 35 человек. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО

Некоторые лекции читают приглашенные специалисты из других стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН могут участвовать во многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).